

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИЧНОСТЬ:

РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

№ 1 (29) | 2026

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ВШГУ
Высшая школа
государственного
управления

ФЭИР
ВШГУ РАНХиГС

ФАКУЛЬТЕТ
ОЦЕНКИ И РАЗВИТИЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
КАДРОВ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИЧНОСТЬ:

РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

Основан в 2019 году

№ 1 (29) | 2026

ISSN 2782-4144 (online)

journal-foir.ru

Учредитель издания

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС; Президентская академия)

Издатель

Факультет оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (ФОиР ВШГУ РАНХиГС; ФОиР ВШГУ Президентской академии)

Редакция

Селезнева Е.В. — главный редактор, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Россия

Чирковская Е.Г. — заместитель главного редактора, кандидат психологических наук, доцент, и.о. декана факультета оценки и развития управленческих кадров ВШГУ Президентской академии, Москва, Россия;

Гояева З.М. — ответственный секретарь, магистр психологии, ведущий специалист Центра разработок и аналитики ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Россия;

Корчак С.А. — технический редактор, эксперт Центра современных кадровых технологий ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Россия.

Редакционная коллегия

Селезнева Е.В. — доктор психологических наук, профессор (Президентская академия, Москва, Россия);

Чирковская Е.Г. — кандидат психологических наук, доцент (Президентская академия, Москва, Россия);

Шебураков И.Б. — кандидат психологических наук, доцент (Президентская академия, Москва, Россия);

Абдырахманов Т.А. — доктор исторических наук, профессор (КНУ им. Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан);

Алаэддин Ялчынкая — доктор политических наук, PhD (Мармаринский университет, Стамбул, Турция);

Алекперов У.К. — доктор биологических наук, академик (АГУ, Баку, Азербайджан);

Базаров Т.Ю. — доктор психологических наук, профессор (МГУ, Москва, Россия);

Болотова А.К. — доктор психологических наук, профессор (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Даваасурэн А. — доктор экономических наук, профессор (ИМИ МАН, Улан-Батор, Монголия);

- Ермолаева М.В.** — доктор психологических наук, профессор (МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, Россия);
- Идобаева О.А.** — доктор психологических наук, доцент (Фонд «Национальное интеллектуальное развитие», Москва, Россия);
- Кадыров У.Д.** — доктор психологических наук, профессор (Центра педагогического мастерства Сурхандарьинской области, Узбекистан);
- Мазурова Н.В.** — доктор психологических наук, доцент (РГГУ, Москва, Россия);
- Мантаева Э.И.** — доктор экономических наук, профессор (Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия);
- Овсяник О.А.** — доктор психологических наук, профессор (Государственный университет просвещения, Москва, Россия);
- Переверзина О.Ю.** — кандидат психологических наук, доцент (Президентская академия, Москва, Россия);
- Погожина И.Н.** — доктор психологических наук, доцент (МГУ, Москва, Россия)
- Подольская Т.А.** — доктор психологических наук, профессор (Президентская академия, Москва, Россия);
- Рожок А.В.** — кандидат психологических наук, доцент (Президентская академия, Москва, Россия);
- Скачкова С.А.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский научный центр РАН, Санкт-Петербург, Россия);
- Степнова Л.А.** — доктор психологических наук, кандидат социологических наук, профессор (Президентская академия, Москва, Россия);
- Татарина Л.Н.** — кандидат социологических наук, доцент (Президентская академия, Москва, Россия);
- Тураева М.О.** — доктор экономических наук (Институт экономики РАН, Москва, Россия);
- Хавва Кёк Арслан** — доктор политических наук, PhD (Ускюдарский университет, Стамбул, Турция);
- Яницкий М.С.** — доктор психологических наук, профессор (КГУ, Кемерово, Россия).

О журнале

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-73391 от 03 августа 2018 г.

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2782-4144 (online)**

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и представлен на платформе Научной электронной библиотеки E-library (лицензионный договор № 192-09/2023 от 15.01.2024 года).

Журнал выходит 4 раза в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://journal-foir.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0).

Адрес редакции: 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, проспект Вернадского, д. 82с4, оф. 833. Тел.: +7 499 956-07-44.
e-mail: nildior-hspa@ranepa.ru

Содержание

От редакционного коллектива _____

7

Государственное и муниципальное управление: наука и практика

Грузных С.Н., Смышляева Л.Г.

Личностно-профессиональное развитие и карьеропостроение в системе органов публичной власти: проект «Наши Герои» _____

9

Григорьева М.Р., Бочкова Ю.Ю.

Особенности использования комплексного ресурсного анализа как инструмента выявления управленческого потенциала участников специальной военной операции _____

26

Личность и команды в системах управления: наука и практика

Старостина Е.Е., Шалина О.С., Котельникова А.В., Гришина Е.Г.

Представления о старости и смысложизненные ориентации у лиц, прибегающих к различным типам антивозрастных косметологических процедур _____

42

Полякова О.А.

Взаимосвязь уровня психологического благополучия с социальными ожиданиями взрослых в отношении краткосрочных образовательных продуктов в соцсетях _____

54

Траектории личностного и профессионального развития

Базылев Я.С., Арамян К.А.

Особенности профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации _____

67

Шубина А.И.

Теоретические подходы к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов _____

78

Современные кадровые технологии

Кондратенко Е.Н., Иванова Л.Л.

Реализация компетентностной модели в подготовке будущих руководителей: перспективы и возможности _____

95

От редакционного коллектива

Уважаемые авторы и читатели!

Рады приветствовать вас на страницах первого в 2026 году выпуска научно-практического журнала «Личность: ресурсы и потенциал». В рамках вступительного слова хочется поднять весьма актуальную и достаточно сложную тему многозадачности.

Современное общество буквально захвачено огромным количеством задач. Мы постоянно чем-то обеспокоены на различных уровнях: личностном, межличностном, профессиональном, общественном и глобальном. Мозг переполнен информацией. Кажется, в потоке задач нет ничего, что можно было бы выпустить из поля зрения и дать этому идти своим ходом, потому что важно всё... Но у мозга есть предел нагрузки. И в попытке удержать все процессы в рабочем режиме мы сталкиваемся с различными последствиями: от ощущения полной пустоты и непонимания происходящего до зашкаливающей тревоги и невозможности отдохнуть.

Границы между профессиональными и личными делами стираются. Технологии, созданные для разгрузки жизненного и рабочего графиков, иногда создают новые и более сложные проблемы. В таких условиях крайне важным становится навык приоритизации – определения степени важности каждой задачи и ранжирования задач относительно их значимости. Не все задачи обладают равной значимостью, не все требуют сиюминутной включенности и быстрого решения, и уж точно не все одинаково ценны для нас самих и для общества в целом.

Смеем предположить, что для авторов нашего журнала проведенные ими теоретические и практические исследования на темы личностно-профессионального развития и карьеропостроения в системе органов публичной власти (на примере проекта «Наши герои»), особенностей использования комплексного ресурсного анализа как инструмента выявления управленческого потенциала участников СВО, перспектив и возможностей реализации компетентностной модели в подготовке будущих руководителей и др. были личностно значимы, а общественное представление результатов этих исследований стало одним из приоритетов.

Надеемся, что материалы этого номера послужат для читателей ценным источником вдохновения и практических рекомендаций. Позвольте себе замедлиться, вдумчиво прочитать журнал, и, возможно, открыть для себя новые пути к балансу и продуктивности в вашей повседневной жизни.

С пожеланиями гармонии и осознанности,
ответственный секретарь журнала
«Личность: ресурсы и потенциал»
Зарина Гояева

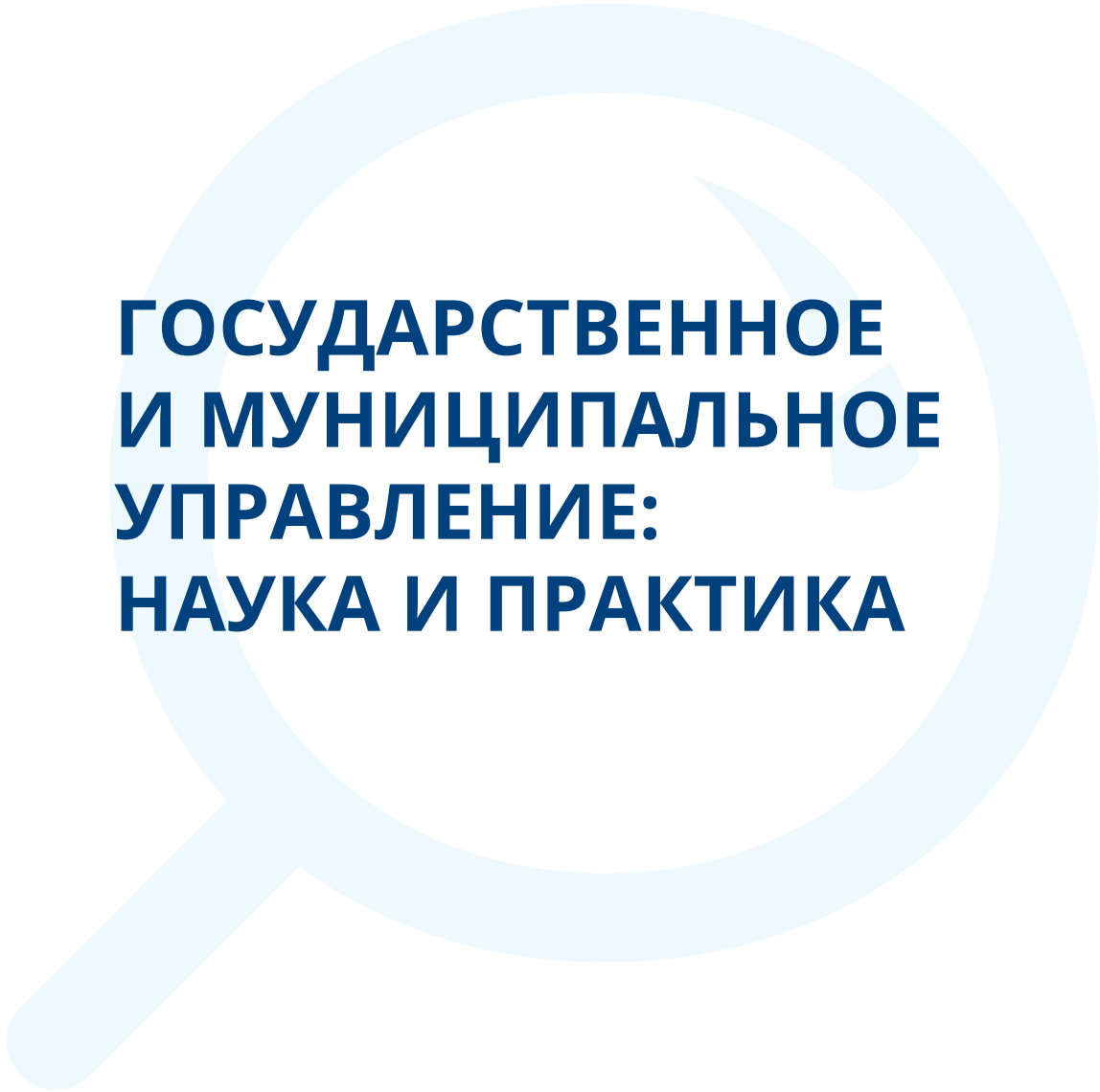
СОДЕРЖАНИЕ

СЛЕДУЮЩАЯ

ЛИЧНОСТЬ:
РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ:
НАУКА И ПРАКТИКА**

EDN: VJPCLR

УДК 316

Личностно-профессиональное развитие и карьеропостроение в системе органов публичной власти: проект «Наши Герои»

Грузных Светлана Николаевна

Заместитель губернатора Томской области по социальной политике, Томск, Российская Федерация

e-mail: gruznihkarg@mail.ru

Смышляева Лариса Германовна

Доктор педагогических наук, доцент, профессор Института образования Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Российская Федерация

e-mail: laris.s@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 9230-7465

ORCID ID: 0000-0002-5323-7293

Аннотация

Статья посвящена осмыслению меняющейся роли профессионального и карьерного развития в системе публичной власти, вопросам обновления управленческой элиты и создания условий для раскрытия управленческого потенциала и профессиональной самореализации в системе публичной власти участников СВО. Подчеркивается необходимость рассмотрения вопросов профессионального развития и карьеропостроения с позиции нового мировоззренческого фокуса, с позиции экосистемности, человекоцентричности, антропоцентрированного преобразования андрагогических практик, включая дополнительное профессиональное образование, что создает обеспечение новых планируемых эффектов (общественно значимых результатов). На основе анализа практики реализации региональной программы «Наши Герои» рассматривается модель сотрудничества и формирования партнерской сети, интеграции новых подходов и инструментов профессионального развития в контексте реализации образовательной программы, позволяющие достигать синергетического эффекта, способствующие ускоренной профессионализации участников СВО и повышению уровня их готовности к решению новых управленческих задач.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Ключевые слова

• самореализация • специальная военная операция • участники боевых действий • управленческая готовность • управленческий потенциал • профессиональное развитие • карьеропостроение • экосистема • андрагогические практики • укоренная профессионализация •

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена многочисленными и многогранными социально-психологическими последствиями специальной военной операции, требующими разработки научно обоснованных стратегий социальной адаптации и интеграции участников боевых действий. В условиях трансформации современного российского общества проблема эффективного использования уникального личностного и профессионального потенциала ветеранов специальной военной операции (далее – СВО), приобретает первостепенное значение. Традиционные подходы, фокусирующиеся преимущественно на негативных последствиях боевого стресса, требуют переосмысления и интеграции с новыми подходами к личностно-профессиональному развитию, формированию условий для ускоренной профессионализации с концепцией посттравматического роста, которая открывает новые возможности для раскрытия управленческого потенциала и самореализации данной категории граждан в системе государственного и муниципального управления.

Исследование данной проблематики предполагает всесторонний анализ аспектов адаптации ветеранов, а также разработку инновационных методов ускоренной профессионализации в особой профессиональной сфере – государственного и муниципального управления.

В условиях современных вызовов и трансформаций научный подход к реадaptации ветеранов становится критически важным фактором социальной стабильности и устойчивого развития.

Цель данной статьи – выделить подходы и ключевые принципы в формировании образовательной среды, а также обосновать необходимые структурные элементы образовательной программы, способствующие ускоренной профессионализации участников СВО и максимальному использованию личностного и профессионального потенциала ветеранов в интересах общества и государства.

Личностно-профессиональное развитие и карьеропостроение в условиях изменений

Исследование карьерного развития и оптимизация проектирования индивидуальных карьерных траекторий являются актуальными задачами, требующими комплексного теоретического осмысления феномена карьеры в контексте современных социально-экономических реалий. Карьерный процесс представляет собой многомерный и динамичный феномен, детерминируемый как объ-

¹ Попов В.Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (На материале землетрясения в Ленинакане, межнационального конфликта в Фергане и боевых действий в Афганистане): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1992. 25 с.

активными социальными и экономическими факторами, так и субъективными характеристиками личности, интегрированный в систему социальной и профессиональной мобильности.

В условиях современного глобализированного мира, отличающегося высокой степенью сложности и сверхсложности, перманентной неопределенностью и многогранностью, человек сталкивается с рядом экзистенциальных вызовов, включая кризис идентичности, кризис доверия и кризис смысложизненных ориентиров, что актуализирует потребность концептуального определения новых подходов и моделей в области личностно-профессионального и карьерного развития, особенно в системе публичной власти (с учетом особенностей, масштаба влияния и социальных последствий данной сферы профессиональной деятельности). Решение данной задачи является неотъемлемой составляющей стратегии развития человеческого капитала и управленческого потенциала.

Реализация национальных целей, устойчивость социально-экономического развития страны и регионов неразрывно связываются с человеческим капиталом, который рассматривается как один из ключевых драйверов. Это находит отражение в доктринальных и стратегических документах как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ: Указе Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года»¹ и Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года², которая выделяет приоритетное направление «Человеческий капитал».

В настоящее время наблюдается смещение методологического фокуса на разработку антропоцентрированных технологий, ориентированных на человека, на развитие его ресурсов и раскрытие потенциала, на внедрение новых методов доказательного измерения, включая образовательные процессы.

Современные практики работы с человеком характеризуются рядом ключевых тенденций:

- **глокализационный подход:** интеграция глобальных и локальных аспектов в разработку и реализацию программ и услуг;
- **приоритет непрерывного образования и профессионализации:** необходимость обеспечения постоянного развития компетенций и навыков в течение всей жизни человека, что требует оценки эффективности существующих образовательных и профессиональных сервисов, а также разработки новых, с четким определением их целей, форматов и критериев результативности;
- **формирование новых профессиональных ниш и гибких форм занятости:** создание новых профессиональных ниш и адаптивных форм занятости, соответствующих быстро меняющимся требованиям рынка труда;
- **гибридный формат коммуникаций:** интеграция традиционных и цифровых методов взаимодействия, способствующая повышению эффективности коммуникации и обмена информацией;
- **ревизия норм оценки образовательных результатов:** введение новых видов образовательных результатов и методов их измерения, отвечающих современным вызовам и требованиям;
- **междисциплинарный подход к технологиям и сообществам:** необходимость междисциплинарного синтеза в разработке и внедрении технологий и формировании сообществ, что способствует комплексному решению сложных проблем, связанных с развитием человека.

¹ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года». URL: <https://base.garant.ru/74404210> (дата обращения: 20.12.2025).

² Стратегия социально-экономического развития Томской области до 2030 года: постановление Законодательной Думы Томской области от 26 марта 2015 г. № 2580 (с изм. от 1 июля 2021 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/467920053> (дата обращения: 20.12.2025).

Анализ аксиологических приоритетов и методологических подходов, действующих и формирующихся в рамках междисциплинарной парадигмы, выявляет необходимость интеграции общенаучных стратегий для проведения научно-педагогических исследований, направленных на изучение феномена человеческого развития. В этом контексте представляет интерес рассмотрение следующих методологических парадигм: антропологической [1; 10; 11; 18; 27], деятельностной [6; 19; 28], компетентностной [2; 9; 24] и системной [5; 8; 12; 26].

Особого внимания заслуживает экосистемный подход, который в последние годы приобретает все большее значение в контексте определения концептуальных основ и разработки стратегий работы с человеком. Эксперты подчеркивают его актуальность и способность к решению сложных глобальных проблем, включая кризисные явления современного человеческого существования и их глокальные проявления. Таким образом, экосистемный подход представляет собой интегративную методологическую парадигму, направленную на комплексное решение глобальных проблем человечества. Он акцентирует внимание на междисциплинарном взаимодействии и синергетических усилиях, что является необходимым условием для достижения устойчивого развития и улучшения качества жизни.

В контексте экосистемного подхода к анализу образования как социального института [15; 20; 29], особенно на региональном уровне, представляется необходимым выделить следующие ключевые аспекты, которые имеют стратегическое значение для модернизации образовательных систем, ждут комплексного подхода к их решению и требуют глубокого осмысления, научного исследования на стыке педагогики и социологии.

Во-первых, экосистемные основания трансформации образования (определение региональных сценариев преобразования образовательных систем в рамках экосистемного подхода; исследование факторов, влияющих на адаптацию образовательных процессов к экосистемным изменениям).

Во-вторых, новое качество образования в течение жизни (разработка политики и методологий, направленных на обеспечение непрерывного образования; определение новых видов образовательных результатов, соответствующих требованиям современного рынка труда, внедрение инновационных технологий и инструментов оценки образовательных достижений; исследование субъектности обучающихся в условиях динамически изменяющейся образовательной среды).

В-третьих, обновление практик образования взрослых (разработка новых моделей и подходов к обучению взрослых на основе современных андрагогических практик и технологий).

В-четвертых, новая философия и архитектура профориентационной работы (создание концептуальных основ профориентационной деятельности, разработка новых форматов и методов карьерного консультирования).

В-пятых, образовательное проектирование в контексте социально-экономических эффектов (исследование механизмов актуализации социально-экономических эффектов образования, разработка моделей образовательного проектирования, ориентированных на достижение конкретных социально-экономических результатов).

В-шестых, взаимодействие образования и рынка труда в экосистемной модели (определение кластерных сценариев развития образовательных экосистем, особенностей взаимодействия образовательных учреждений и работодателей в региональных экосистемах).

В-седьмых, образовательное сопровождение инклюзивной экономики (разработка стратегий и программ, направленных на обеспечение инклюзивности в образовании, анализ влияния инклюзивного образования на развитие инклюзивной экономики).

Эти вопросы требуют междисциплинарного подхода и интеграции знаний из

различных областей, включая педагогику, социологию, экономику и управление. Их решение будет способствовать созданию более гибкой, адаптивной и эффективной системы образования, способной отвечать на вызовы современного общества и обеспечивать устойчивое развитие регионов. Оптимизация проектирования индивидуальных карьерных траекторий должна основываться на глубоком понимании современных тенденций в развитии карьерных моделей и активном участии субъектов в управлении собственным карьерным процессом.

С учетом нелинейности и растущим разнообразием карьерных стратегий, возможных карьерных сценариев (если апеллировать к опыту федеральной и региональных программ «Время героев» – необходимость трансформации боевого опыта в гражданский), потребности ускоренной профессионализации и важности личностно-профессионального развития особый фокус внимание смещается в область формирования среды личностно-профессиональной и карьерного развития. Важно отметить, что меняющиеся контексты обуславливают и поиск новых форматов индивидуального сопровождения карьерно-профессионального развития. В их числе (с учетом практики Томской области) необходимо выделить такие форматы, как:

- акселераторы карьерных смыслов;
- индивидуальная карьерная карта;
- вариативные практики наставничества, кейс «учимся быть наставником»;
- региональные управленческие мастерские (проектные семинары).

Новая андрагогическая технология «Акселератор карьерных смыслов» опирается на инновационный методологический подход к развитию личностного потенциала взрослых субъектов, концепция которого направлена на выявление и интеграцию скрытых и неосознанных аспектов профессиональной идентичности, а также на формирование осознанного восприятия образовательных и карьерных возможностей. Методология «Акселератора карьерных смыслов» включает ряд ключевых этапов, каждый из которых способствует комплексному развитию профессиональной компетентности и карьерных стратегий участников.

Первый этап – профилирование целевых групп, предполагающее детальный анализ демографических и профессиональных характеристик участников.

Второй этап – реконструкция личного и профессионального опыта, которая включает в себя глубокий анализ предшествующей профессиональной деятельности и её значимости для дальнейшего карьерного развития. Этот процесс предполагает использование как количественных, так и качественных методов оценки, направленных на выявление ключевых компетенций и навыков, которые могут быть актуализированы в будущей профессиональной сфере.

Третий этап – осмысленно-мотивированное картирование рыночных возможностей, представляющее собой комплексное исследование текущих тенденций на рынке труда. В рамках данного этапа проводится анализ профессиональных отраслей и идентификация специфических профессий, соответствующих индивидуальным потребностям участников. Для этого применяются современные аналитические инструменты и методы прогнозирования, позволяющие точно определить перспективные направления развития карьеры.

Четвертый этап – идентификация дефицитов компетенций, предполагающая выявление пробелов в профессиональных знаниях и навыках, необходимых для успешного достижения карьерных целей. На данном этапе проводится детальный анализ квалификационных требований и компетенций, характерных для различных профессиональных позиций. Это позволяет определить конкретные области, требующие дополнительного обучения и профессионального развития.

Пятый этап – взаимодействие с работодателями, включающее в себя установление контактов с потенциальными работодателями и обсуждение возможно-

стей трудоустройства. В рамках данного этапа осуществляется не только поиск вакансий, но и активное продвижение профессиональных компетенций участников на рынке труда.

Шестой этап – ознакомление с образовательными программами, предполагающее изучение и оценку предложений различных образовательных учреждений. На данном этапе участники получают возможность выбрать наиболее подходящие образовательные программы, соответствующие их профессиональным интересам и карьерным целям.

Седьмой, финальный этап – разработка индивидуальной программы профессионального развития, предполагающая создание персонализированной траектории обучения и карьерного роста. Сегодня очень важно, конечно же, понимать, что роль экспертности, непрерывности личностно-профессионального развития значительно повысилась. Данная программа учитывает уникальные потребности и возможности каждого участника, обеспечивая максимальную эффективность и адаптивность профессионального развития.

Методология «Акселератор карьерных смыслов» представляет собой комплексный подход к личностной и профессиональной актуализации и позволяет взрослым субъектам эффективно интегрировать свои скрытые потенциалы в образовательный и карьерный контексты. Данный подход основывается на современных принципах андрагогики и теории профессионального развития, что делает его актуальным и востребованным в условиях динамично меняющегося рынка труда.

«Акселератор карьерных смыслов» помогает человеку выявить свой профессиональный потенциал, оценить имеющийся опыт, наличие актуальных компетенций и понять, что и как необходимо сделать для дальнейшего профессионального развития и выбора будущего места работы. В Томской области, отработав данную технологию, мы стали активно ее использовать и для государственных, и для муниципальных служащих не только в процессе подбора, но и в процессе карьеропостроения внутри системы государственного и муниципального управления.

Формирование индивидуальной карты является одним из элементов сопровождения карьеры, в плане как горизонтального, так и вертикального развития.

Следующий важный момент – это, конечно же, раскрытие потенциала вариативных практик наставничества в контексте личностно-профессионального развития и карьеропостроения. Особенно важным в нашей практике являлась работа с самим наставником, разработка специализированных образовательных модулей для тех, кто является наставником (особенно в рамках региональной образовательной программы для участников СВО).

Конференции также являются одним из важных элементов в личностно-профессиональном и карьерном развитии. Для Томска это крайне актуально в силу того, что наш регион отличается сильным научно-образовательным комплексом. Участие в конференциях от старта подготовки и вовлечения до участия дает настолько серьезный импульс для развития сотрудников, что является одним из возможных способов переосмысления собственной карьеры.

И, конечно же, переосмыслению карьеры способствуют региональные управленческие мастерские, которые используются как механизм решения какой-либо задачи. Через проектные мастерские решаются разные задачи, которые помогают переосмыслить свой собственный опыт и соотнести его с опытом других, освоить новые практики посредством совместной деятельности.

Непременным условием эффективного карьеропостроения является профессиональное развитие человека. Ускоренная профессионализация — это то, с чем мы сегодня работаем, и важно не просто обеспечить набор неких компетенций, не простое соответствие формальным квалификационным требованиям, установленным законодательно, а достичь уровня готовности к решению профессиональных задач. При этом готовность к профессиональной самореа-

лизации в гражданской сфере, к управленческой деятельности, к целенаправленному действию необходимо рассматривать в рамках антропологического подхода, учитывающего комплекс антропологических детерминант, включая дефициты когнитивного и рефлексивного осознания индивидом собственного потенциала и компетенций, необходимых для успешной интеграции в новую профессиональную среду. Данный подход реализуется посредством индивидуализированного карьерно-образовательного сопровождения.

Эффективность практик образовательного сопровождения трудоустройства напрямую коррелирует с уровнем развития экосистемы человеческого капитала в конкретном регионе. Это предполагает актуализацию триады «Человек – Деятельность – Организация», которая выступает в качестве альтернативы традиционной бинарной модели «Работник – Организация». Важную роль в формировании и функционировании такой экосистемы играют именно профессиональные сообщества карьерных консультантов, активно участвующих в процессах содействия занятости и профессионального развития граждан.

Интеграция антропологического подхода, индивидуализированного сопровождения и развитой экосистемы человеческого капитала создает оптимальные условия для повышения эффективности обучения и трудоустройства граждан, что, в свою очередь, способствует устойчивому развитию региональной системы управления. Данный комплекс мер является стратегически важным элементом государственной политики в области занятости и профессионального образования, направленным на повышение конкурентоспособности на рынке труда и улучшение качества жизни населения.

С учетом особенностей участников СВО, приоритетов развития субъекта Российской Федерации, возможностей и потенциала региона особое значение приобретает создание условий для формирования и развития ресоциализирующей среды. Для достижения нашей цели необходимо решить ряд задач, направленных на повышение результативности процессов реадaptации и ресоциализации участников СВО на основе комплексной поддержки, охватывающей все аспекты их возвращения к гражданской жизни [3; 14; 17; 22; 23].

Особенности формирования ресоциализирующей среды для участников СВО

В период окончания СВО региональные системы государственного и муниципального управления столкнутся с необходимостью адаптации и ресоциализации участников боевых действий к условиям мирной жизни.

На стадии проектирования модели организации образовательных программ для участников СВО важно учитывать, что последовательность и успешность интеграции индивида определяются множеством факторов. На них влияют, в частности: онтогенетический потенциал личности; собственная активность индивида; семья; среда неформального общения; место жительства, географическое расположение региона; социокультурное воздействие; экономические факторы.

Исследование опыта осуществления реадaptационных и реабилитационных программ с ветеранами боевых действий показывает, что при их реализации требуется учет социально-демографических (этнических, возрастных, гендерных и др.) и психологических особенностей различных групп ветеранов. Учесть всю специфику подобных групп оказывается чрезвычайно сложно. Вместе с тем наиболее актуальным и в теоретическом, и в практическом плане является анализ групп (категорий) ветеранов боевых действий по характеру переживания ими психологических последствий участия в боевых событиях.

Важно отметить, что военнослужащий, вернувшийся с войны физически, психологически может еще долго оставаться на полях сражений, ведя многочис-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

ленные бои в своих мыслях, воображении, памяти, переживая эти бои как реальные³. Анализ научных работ и мониторинг локального опыта возвращения ветеранов СВО в мирную жизнь свидетельствует о том, что на пути их встраивания в общество могут возникать различные ресоциализационные проблемы и кризисы. А.Г. Караяни, например, пишет о возможности возникновения смысловых, статусно-ролевых, ценностно-ориентационных, финансово-абстинентных, кризисов, а также кризисов социальной пустоты, непонимания и непризнания, и кризисов упорядоченности жизни [13].

Многие проблемы ветеранов связаны с тем, что возвращение в неэкстремальную среду вынуждает личность переходить к принципиально новому виду деятельности – реадаптации. Ведущей потребностью этой деятельности выступает потребность в самоутверждении. Специалисты подчеркивают, что возвращение домой с театра военных действий часто сопровождается резкими изменениями в жизни военнослужащих не только в физическом плане (например, смена климата), но и в психологическом (например, пережитая угроза) и социальном (например, отсутствие уединения, переживание чувства гнева и отчуждения, а также рискованное поведение, трудности в поиске новой работы и (повторном) установлении социальных отношений [4; 25]. Кроме того, у части военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, после возвращения домой развиваются такие клинические симптомы или расстройства, как посттравматическое стрессовое расстройство и депрессия [16; 21].

Однако в различных отраслях науки о человеке все чаще утверждается, что человек — не безмолвная игрушка в руках судьбы, не пассивная жертва потенциально психотравмирующих, в том числе военных, событий. Напротив, большинство людей обладают ресурсом не только для совладания с травмирующими ситуациями, но и для расширения горизонтов своей жизни, возвышения жизненных целей, активного продвижения по ступеням социальной иерархии [13].

Новые вызовы предопределили и систему новых требований к проектированию, определению архитектоники образовательных программ для участников и ветеранов СВО. В настоящее время каждый регион определяет самостоятельно состав участников образовательной программы, содержание и количество образовательных модулей. При этом важно отметить дифференцированность участников образовательных программ (разные потребности, ожидания, мотивы), различный спектр субъектов управления и участников формирования ресоциализирующей среды (от государства до частных инициатив), региональные особенности в организации, содержании таких программ и направленность уже реализуемых мер на уровне регионов (разные подходы и практики), потребность масштабирования и тиражирования успешных решений (лучших как федеральных, так и региональных практик) при сохранении единого стандарта качества в решении вопросов ресоциализации с учетом жизненных ситуаций участников и ветеранов СВО, региональных ресурсов, инфраструктуры и потенциала, устранение межуровневых / межотраслевых барьеров в процессе реадаптации и ресоциализации, потребность в качественном информационно-коммуникационном сопровождении, формировании общественного мнения, способствующего сплоченности и социальной солидарности.

Формирование реадаптирующей среды региона требует скоординированной деятельности органов публичной власти всех уровней, институтов гражданского общества, социальных, профессиональных сообществ, средств массовой

³ О чем молчат солдаты: посттравматический синдром и борьба с ним. URL: <https://crimea.ria.ru/20230801/o-chem-molchat-soldaty-posttravmaticheskij-sindrom-i-borba-s-nim-1130476249.html?ysclid=mm1myglkf7832789299> (дата обращения: 20.12.2025); Что чувствуют люди, вернувшиеся с войны, и как можно им помочь. ПТСР и военная травма. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/ptsr-i-voennaya-travma-cto-chuvstvuyut-lyudi-vernuvshiesya-s-vojny-i-kak-mozhno-im-pomoch/?ysclid=mm1n1sduzd116140573> (дата обращения: 20.12.2025).

информации и коммуникации. Комплексность при формировании ресоциализирующей среды с учетом специфики различных групп ветеранов, необходимости работы не только с самими участниками боевых действий, но и с членами их семей [7], коллективами и обществом в целом обуславливают сочетание гибридности и комплементарности в определении архитектуры и дизайна образовательных программ. Необходима оценка ресурсного потенциала и возможностей региональной системы с персонализацией ответственности, подготовка межведомственных рабочих групп, диагностика, скрининг, аудит индивидуальных потребностей, дифференциация целевой группы и готовность к индивидуальной маршрутизации участников СВО, профилактика девиантного и деструктивного поведения (криминологический и психолого-социальные аспекты).

Анализ опыта реализации Проекта «Наши Герои» в Томской области позволяет выделить ряд ключевых структурных элементов образовательной программы, способствующих ускоренной профессиональной адаптации к новым видам профессиональной деятельности (рис. 1).

Рисунок 1. Особенности реализации проекта «Наши Герои»

При реализации проекта «Наши герои» были встроены в архитектуру образовательной программы инновационные практики, рассмотренные ранее. Действующая образовательная модель ориентирована на создание точек связи для устойчивых изменений, связности в цели достижения результата, подчиненной решению стратегической задачи эффективного использования уникального личностного и профессионального потенциала участников СВО в интересах развития системы государственного и муниципального управления на региональном уровне (рис. 2).

Рисунок 2. Действующая образовательная модель реализации программы переподготовки «Наши герои»

Методическое сопровождение проекта «Наши герои» в Томской области осуществлялось Высшей школой государственного управления Президентской академии, но вместе с тем всегда существует потребность адаптации единого стандарта под региональную специфику, связанную как с особенностями самих участников, так и с потребностями региональной системы управления. В действующую образовательную программу нами были внедрены описанные выше «Акселератор карьерных смыслов», специализированная подготовка наставников, конференции и мастерские.

Осмысливая опыт реализации проекта «Наши герои», хотелось бы подчеркнуть несколько значимых аспектов. На наш взгляд, принципиально значимым в контексте дальнейшего развития и консолидации усилий по формированию ресоциализирующей среды для участников и ветеранов СВО являются анализ опыта других регионов РФ, оценка возможностей реализации профильных сетевых проектов, формирование единых подходов к оценке практик управления развитием человеческого капитала в органах публичного управления, определение новых конфигураций профессионального и карьерного развития участников и ветеранов СВО в системе публичной власти, сценариев их самореализации.

Нужны новые конфигурации профессионально-карьерного развития (например, был волонтером, стал советником главы), новые подходы к оценке практик управления, которые позволяли бы диагностировать карьерный прогресс, ну и конечно же, новые сценарии самореализации. В качестве примера приведем один из таких сценариев: участники проекта «Наши герои» в 2025 г. были привлечены к работе со сложными подростками (стоящими на учете за различные правонарушения) во время специальной смены на базе одного из загородных лагерей. Участники программы работали с этими ребятами вместе с командой лагеря, с командой вожатых. Полученные результаты превзошли все ожидания, особенно в части воспитательных функций, у подростков повысилась успеваемость, уровень вовлеченности в реализацию социальных проектов. Это только один из примеров социального эффекта от вовлечения участников и ветеранов СВО в социальные проекты, которые значимы для регионального развития и одновременно могут рассматриваться и как новые сценарии для самореализации военнослужащих в мирной жизни.

Заключение

В период завершения военных действий перед системой государственного и муниципального управления возникнет целый ряд вызовов, в числе которых – не только необходимость реадаптировать участников СВО к мирной жизни, но и создание возможностей для реализации их управленческого опыта и потенциала в мирных условиях, формирование новой управленческой элиты путем интеграции участников СВО в систему государственного и муниципального управления, их включения в управленческую деятельность в органах публичной власти на всех уровнях.

В этой связи актуальным остается вопрос разработки реальных механизмов использования личностно-профессиональных ресурсов и управленческого потенциала участников СВО в контексте укрепления кадрового состава органов публичной власти.

Успешное решение поставленных задач неразрывно связано с формированием комплексных мер в области личностно-профессионального развития и карьеропостроения участников СВО в системе органов публичной власти.

Необходимо отметить, что в настоящее время существует серьезное противоречие между, с одной стороны, запросом на антропоцентричность, изменение практик управления личностно-профессиональным и карьерным развитием в органах публичной власти, повышение качества кадрового состава, а с другой стороны, реализацией кадровой политики, недостаточной зрелостью кадровых процессов и применяемых технологий. Разрешение этого противоречия во многом связано с трансформацией подходов в области карьеропостроения и личностно-профессионального развития как на концептуальном, так и на технологическом уровне. Особую значимость в данном процессе играют:

- проектирование индивидуальных карьерных сценариев средствами новых, антропоцентрированных (нацеленных на развитие человеческого потенциала / капитала, включая содействие человеку в его обнаружении и осознании собственных ресурсов) и андрагогических практик (карьерное консультирование в логике ценностей «от клиента», развития человеческого потенциала / капитала и содействия самореализации);
- организация практик образования взрослых гибридного формата;
- актуализация образовательного потенциала от синергии формального и неформального образования;
- простраивание экосистемных коммуникаций;
- проектирование процессов, продуктов, сред развития человеческого потенциала / капитала, раскрытие потенциала института наставничества и др.

Для максимального использования потенциала компетентностного подхода в практике проектирования образовательных программ целесообразно обращение к ряду ключевых принципов:

- отражение в целях и задачах образовательных программ приоритета развития человеческого потенциала;
- обозначение планируемых результатов в связанности с задачами личностно-профессионального развития;
- модульный и гибкий подход к структурированию содержания (сочетание различных форматов и гибкая донастройка с учетом особенностей целевой группы, групповой динамики);
- полисубъектность при определении целей образовательной программы с учетом необходимости обеспечения связи образовательных программ с процессами реальных профессиональных практик;
- индивидуализация содержания программ в контексте определения задач личностно-профессионального развития и карьерных гипотез;
- внутрипрограммный мониторинг личностно-профессионального развития и карьеропостроения (при этом важна индикативная обеспеченность

оценочных/диагностических процедур);

- переход от оценки знаний к оцениванию динамики личностно-профессионального развития / карьерного прогресса при оценке результативности самой программы.

В целом концептуальная и технологическая компонента нового подхода должны строиться в логике экосистемного взаимодействия, с опорой на положение теории профессионализации в логике индивидуального сопровождения. Необходимы демонстрация «новых образов» деятельности, картирование пространств деятельности и личностно-профессиональных ресурсов, потенциала человека с учетом особенностей и дифференцированности участников и ветеранов СВО как целевой группы, кадровых потребностей региональных систем управления, потребности ускоренной профессионализации и необходимости индивидуального карьерного конструирования.

Список литературы:

1. Андриенко Е.В. Антропологический подход к проблемам образования // Идеи и идеалы. 2010. Т. 2. № 1(3). С. 2-10. EDN: MLJZSJ
2. Байденко В. И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3-13. EDN: IBMZCV
3. Билецкая Н.Ю., Федосеев О.А. Социально-психологическая реадaptация как важный инструмент возвращения к мирной жизни // Военная психология - созидательный ресурс для России (к 70-летию академика военных наук А.Г. Караяни). Материалы Межведомственной научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2025. С. 63-66. EDN: WZWUTQ
4. Боевая психическая травма: от расстройства адаптации к посттравматическому стрессовому расстройству / И.В. Доровских [и др.] // Психиатрия и психофармакотерапия. 2006. Т. 8. № 1. С. 51-54. EDN: RDIUC
5. Герасимова Т.А. Системный подход в философии и образовании: сущностные характеристики // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1. С. 101-108. DOI: 10.24411/2308-7226-2020-10014 EDN: LWNMFN
6. Гладков А.В. Личностно-деятельностный подход к профессиональному образованию // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-3. С. 77-80. EDN: YSTXUV
7. Гызыева С.Ш. Роль семьи в психологической реадaptации участников СВО // Профессионально-личностное развитие и реабилитация лиц с инвалидностью на разных возрастных этапах: современные тренды и вызовы. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2024. С. 294-298. EDN: FOHTJV
8. Жилина А.И. Системный подход к управлению образованием в современных условиях // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2021. № 4. С. 295-308. DOI: 10.35231/18186653_2021_4_295 EDN: MFWUCW
9. Игнатъев В.П., Варламова Л.Ф., Дарамаева А.А. Компетентностный подход: проблемы и пути решения // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Ч. 1. С. 34-45. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-34-45 EDN: NGRSDY
10. Илакавичус М. Р. Гуманитарно-антропологический подход в современных исследованиях профессионального образования // Образование и право. 2023. № 2. С. 291-295. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-291-295 EDN: WSIQGE

11. Исаев Е.И., Косарецкий С.Г. Практикоориентированная наука на базе культурно-исторической психологии: история и перспективы // Культурно-историческая психология. 2025. № 21(3). С. 27-38. DOI: 10.17759/chp.2025000003 EDN: XQRPQHE
12. Искрин Н.С., Чичканова Т.А. Менеджмент в образовании: системный подход // Образование и наука. 2015. № 1(120). С. 7-21. EDN: TJYQDD
13. Караяни А.Г. Посттравматический рост у участников боевых действий: есть повод для оптимизма // Человеческий капитал. 2024. № 8. С. 236-244. DOI: 10.25629/HC.2024.08.25 EDN: IMIPKA
14. Караяни А.Г. Роль и место социально-психологической реадaptации в психологическом вспомоществовании участникам боевых действий // Ананьевские чтения - 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития. Материалы международной научной конференции. Москва, 2023. С. 330. EDN: JTJTLС
15. Кичерова М. Н., Трифонова И. С. Принципы экосистемного подхода: возможности для моделирования образовательной экосистемы // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 3. С. 45-72. DOI: 10.15293/2658-6762.2303.03 EDN: PPFUUV
16. Кобаидзе С.В. Психосоматические расстройства личности и формирование посттравматического стрессового расстройства, как следствие травмирующего опыта // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2025. № 1. С. 384-390. EDN: TRHJG
17. Куртанидзе О.О. Проблема социально-психологической реадaptации у участников военных конфликтов // Психология человека в транзитивном мире: вызовы времени и ресурсы жизнеосуществления. Материалы IX Сибирского психологического форума. Томск, 2025. С. 65-67. DOI: 10.17223/9785907890527/2025/32 EDN: GQJUQV
18. Применение антропологического подхода в практике современного образования / Т. И. Лиховцова [и др.] // Молодой ученый. 2023. № 45 (492). С. 103-105. URL: <https://moluch.ru/archive/492/107598> (дата обращения: 20.12.2025). EDN: CFOWRL
19. Приходченко Е.И., Кузьмичева А.С., Мотузенко Н.И. Деятельностный подход в обучении // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 2. С. 22-27. EDN: XOILDV
20. Прохорова М.П., Петровский А.М. Экосистемный подход в образовании: характеристики и возможности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-4. С. 313-315. EDN: NLHIKE
21. Психофизиология посттравматического стрессового расстройства: механизмы, диагностика, нейрореабилитация / А.М. Черноризов [и др.] // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 4. С. 215-228. DOI: 10.11621/npj.2024.0415 EDN: YIWAЕY
22. Раймова Е.Г., Ефимович А.М., Нестерова Е.С. Психологическая безопасность и готовность к реадaptации участников специальных военных операций на этапе демобилизации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2025. № 2. С. 180-189. DOI: 10.24412/2658-638X-2025-2-180-189 EDN: AILXNG
23. Сиворонова М.С., Кузин В.В. О проблеме реадaptации сотрудников органов внутренних дел, вернувшихся из зоны специальной военной операции // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2024. С. 781-784.

24. Ульянина О.А. Компетентностный подход в научной парадигме российского образования // Психолого-педагогические исследования. 2018. Т. 10. № 2. С. 135-147. DOI: 10.17759/psyedu.2018100212 EDN: USEGVJ
25. Факторы риска формирования посттравматического стрессового расстройства у участников боевых действий / М.В. Двинских [и др.] // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2024. Т. 15. № 2. С. 200-206. DOI: 10.34883/PI.2024.15.2.010 EDN: FRSPDD
26. Филатов С.А., Сухорукова Н.Г. Непрерывное образование: системно-синергетический подход // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 18-27. EDN: TOPJBB
27. Фирсова А.Е. Сущностные характеристики антропологического подхода в педагогике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 7(71). С. 15-18. EDN: PCRJUV
28. Фурса А.В. Принципы деятельностного подхода в образовании // Инновационные аспекты развития науки и техники. XIII Международная научно-практическая конференция. Саратов: НОО «Цифровая наука», 2021. С. 191-195.
29. Храмова Е.В. Применение экосистемного подхода в образовании // Теория и практика общественного развития. 2024. № 4. С. 151-157. DOI: 10.24158/tpor.2024.4.18 EDN: BZIHJD

Personal and professional development and career construction in public authorities: the «Our Heroes» project

Gruznykh Svetlana Nikolaevna

Deputy Governor of the Tomsk Region for Social Policy, Tomsk, Russian Federation
e-mail: Gruznihkarg@mail.ru

Smyshlyaeva Larisa Germanovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at the Institute of Education of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
e-mail: laris.s@mail.ru

SPIN-code RSCI: 9230-7465

ORCID ID: 0000-0002-5323-7293

Abstract

This article is devoted to conceptualizing the changing role of professional and career development in the public authority system, the issues of modernizing the managerial elite, and the creation of conditions for unlocking of managerial potential and professional self-realization of SMO (special military operation) participants within the public authority system. The study emphasizes the need to consider

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

professional development and career building through a new worldview lens □ based on ecosystemic and human-centric approaches and the anthropocentric transformation of andragogical practices, including continuing professional education, which ensures the attainment of new planned outcomes (socially significant results). Based on the analysis of the regional program "Our Heroes" («Nashi Geroi»), the article examines a model for cooperation and partnership network development, as well as the integration of new professional development approaches and tools within an educational program. These elements enable the achievement of a synergetic effect, contributing to the accelerated professionalization of SMO participants and increasing their readiness to tackle new managerial tasks.

Keywords

• self-realization • special military operation • combatants, management readiness • management potential • professional development • career building • ecosystem • andragogical practices • accelerated professionalization •

References:

1. Andriyenko E.V. Anthropological Approach to the Problems of Education // Ideas and Ideals. 2010. Vol. 2. N 1(3). P. 2-10. EDN: MLJZSJ
2. Baydenko V.I. Competencies in Professional Education (towards Mastering the Competency-Based Approach) // Higher Education in Russia. 2004. N 11. P. 3-13. EDN: IBMZCV
3. Biletskaya N.Yu., Fedoseyenkova O.A. Social and Psychological Readaptation as an Important Tool for Returning to Civilian Life // Military Psychology - a Creative Resource for Russia (on the 70th Anniversary of Academician of Military Sciences A.G. Karayani). Proceedings of the Interdepartmental Scientific Conference with International Participation. St. Petersburg, 2025. P. 63-66. EDN: WZWUTQ
4. Combat Mental Trauma: From Adjustment Disorder to Post-Traumatic Stress Disorder / I.V. Dorovskikh [et al.] // Psychiatry and Psychopharmacotherapy. 2006. Vol. 8. N 1. P. 51-54. EDN: RDIUCJ
5. Gerasimova T.A. Systems Approach in Philosophy and Education: Essential Characteristics // Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 3. Humanities and Social Sciences. 2020. N 1. P. 101-108. DOI: 10.24411/2308-7226-2020-10014 EDN: LWNMFN
6. Gladkov A.V. Personal-Activity Approach to Professional Education // Problems of Modern Pedagogical Education. 2018. N 58-3. P. 77-80. EDN: YSTXUV
7. Gyzyeva S.Sh. The Role of the Family in the Psychological Readaptation of Participants of the Secondary Military Educational Institution // Professional and Personal Development and Rehabilitation of Persons with Disabilities at Different Age Stages: Current Trends and Challenges. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Stavropol, 2024. P. 294-298. EDN: FOHTJV
8. Zhilina A.I. A Systems Approach to Education Management in Modern Conditions // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2021. N 4. P. 295-308. DOI: 10.35231/18186653_2021_4_295 EDN: MFWUCW
9. Ignatiev V.P., Varlamova L.F., Daramaeva A.A. Competence-based approach: problems and solutions // Teacher XXI century. 2022. N 2. Part 1. P. 34-45. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-34-45 EDN: NGRSDY

10. Ilakavicius M.R. Humanitarian-anthropological approach in modern studies of professional education // *Education and Law*. 2023. N 2. P. 291-295. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-2-291-295 EDN: WSIQGE
11. Isaev E.I., Kosaretsky S.G. Practice-oriented science based on cultural-historical psychology: history and prospects // *Cultural-historical psychology*. 2025. N 21 (3). P. 27-38. DOI: 10.17759/chp.2025000003 EDN: XQPQHE
12. Iskrin N.S., Chichkanova T.A. Management in education: a systems approach // *Education and science*. 2015. N 1 (120). P. 7-21. EDN: TJYQDD
13. Karayani A.G. Posttraumatic growth in combat veterans: reason for optimism // *Human capital*. 2024. N 8. P. 236-244. DOI: 10.25629/HC.2024.08.25 EDN: IMIPKA
14. Karajani A.G. The role and place of socio-psychological readaptation in psychological assistance to combat veterans // *Ananyev Readings - 2023. Man in the modern world: potentials and prospects of developmental psychology. Proceedings of the international scientific conference. Moscow, 2023*. P. 330. EDN: JTJTLG
15. Kicherova M.N., Trifonova I.S. Principles of the ecosystem approach: possibilities for modeling an educational ecosystem // *Science for Education Today*. 2023. Vol. 13. N 3. P. 45-72. DOI: 10.15293/2658-6762.2303.03 EDN: PPFUUV
16. Kobaidze S.V. Psychosomatic personality disorders and the formation of post-traumatic stress disorder as a consequence of traumatic experience // *Intellectual resources for regional development*. 2025. N 1. P. 384-390. EDN: TRHIJG
17. Kurtanidze O.O. The problem of socio-psychological readaptation in participants in military conflicts // *Human psychology in a transitive world: challenges of time and resources for life implementation. Proceedings of the IX Siberian Psychological Forum. Tomsk, 2025*. P. 65-67. DOI: 10.17223/9785907890527/2025/32 EDN: GQJUQV
18. Application of the anthropological approach in the practice of modern education / T. I. Likhovtsova [et al.] // *Young scientist*. 2023. N 45 (492). P. 103-105. URL: <https://moluch.ru/archive/492/107598> (accessed: 20.12.2025). EDN: CFWRL
19. Prikhodchenko E. I., Kuzmicheva A. S., Motuzenko N. I. Activity-based approach in teaching // *Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute*. 2017. N 2. P. 22-27. EDN: XOILDV
20. Prokhorova M.P., Petrovsky A.M. Ecosystem Approach in Education: Characteristics and Possibilities // *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2022. N 77-4. P. 313-315. EDN: NLHIKE
21. Psychophysiology of Post-Traumatic Stress Disorder: Mechanisms, Diagnostics, Neurorehabilitation / A.M. Chernorizov [et al.] // *National Psychological Journal*. 2024. Vol. 19. N 4. P. 215-228. DOI: 10.11621/npj.2024.0415 EDN: YIWAIEY
22. Raimova E.G., Efimovich A.M., Nesterova E.S. Psychological safety and readiness for readaptation of participants in special military operations at the demobilization stage // *Psychology and pedagogy of service activities*. 2025. N 2. P. 180-189. DOI: 10.24412/2658-638X-2025-2-180-189 EDN: AILXNG
23. Sivoronova M.S., Kuzin V.V. On the Problem of Readaptation of Internal Affairs Officers Returning from the Special Military Operation Zone // *Psychology of the 21st Century: Challenges, Searches, Development Vectors. Collection of materials from the V All-Russian symposium (with international participation) dedicated to the 145th anniversary of the penal system and the 90th anniversary of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, 2024*. P. 781-784.
24. Ulyanina O.A. Competency-based approach in the scientific paradigm of Russian education // *Psychological and pedagogical research*. 2018. Vol. 10. N 2. P. 135-147. DOI: 10.17759/psyedu.2018100212 EDN: USEGVJ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

25. Risk factors for the development of post-traumatic stress disorder in combat veterans / M.V. Dvinskikh [et al.] // *Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*. 2024. Vol. 15. N 2. P. 200-206. DOI: 10.34883/PI.2024.15.2.010 EDN: FRSPDD
26. Filatov S.A., Sukhorukova N.G. Continuous education: a systemic-synergetic approach // *NSUEM Bulletin*. 2015. N 1. P. 18-27. EDN: TOPJBB
27. Firsova A.E. Essential Characteristics of the Anthropological Approach in Pedagogy // *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2012. N 7(71). P. 15-18. EDN: PCRJUV
28. Fursa A.V. Principles of the Activity-Based Approach in Education // *Innovative Aspects of Science and Technology Development. XIII International Scientific and Practical Conference*. Saratov: NPO «Digital Science», 2021. P. 191-195.
29. Khramkova E.V. Application of the Ecosystem Approach in Education // *Theory and Practice of Social Development*. 2024. N 4. P. 151-157. DOI: 10.24158/tipor.2024.4.18 EDN: BZIHJD

Поступила в редакцию: 03.02.2026

Принята в печать: 19.03.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

EDN: СВJODN

УДК 35.082.1

Особенности использования комплексного ресурсного анализа как инструмента выявления управленческого потенциала участников специальной военной операции

Григорьева Мария Рафаиловна

Ведущий специалист представительства Президентской академии в Удмуртской Республике, сертифицированный специалист в области личностно-профессиональной диагностики и комплексного ресурсного анализа управленческих кадров, Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация
e-mail: grigoreva-mr@ranepa.ru

Бочкова Юлия Юрьевна

Кандидат психологических наук, медицинский психолог отделения медицинской реабилитации пациентов с нарушением функции центральной нервной системы стационара больничного комплекса №2 бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «ГКБ №6 МЗ УР», Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация
e-mail: Gr.m.r@yandex.ru

Аннотация

Цель статьи — исследование особенностей использования комплексного ресурсного анализа как инструмента выявления управленческого потенциала участников специальной военной операции. Практической основой исследования являются результаты проведения комплексного ресурсного анализа в отношении 120 действующих участников и ветеранов СВО, прошедших через систему личностно-профессиональной диагностики, проводимой в Удмуртской Республике в рамках реализации кадровой программы для участников СВО. Установлено, что наличие у участников специальной военной операции посттравматического стрессового расстройства может оказывать влияние на процесс проведения комплексного ресурсного анализа и его результаты. Предложена двухступенчатая модель использования комплексного ресурсного анализа для оценки управленческого потенциала и управленческой готовности участников специальной военной операции, которые переживают психологическую трансформацию при переходе от военной службы к гражданской жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Практическое применение данной модели позволяет уменьшить возможное воздействие посттравматического стрессового расстройства на результаты комплексной ресурсной диагностики военнослужащих.

Ключевые слова

• управленческий потенциал • комплексный ресурсный анализ • специальная военная операция • участники боевых действий • посттравматическое стрессовое расстройство •

Введение

В настоящее время в России формируется новое поколение муниципальных и государственных служащих из числа участников специальной военной операции (СВО), и вопросы качественной подготовки руководителей из числа действующих участников и ветеранов боевых действий приобретают особую значимость.

Включение участников специальной военной операции (СВО) в деятельность органов публичной власти имеет важное значение по нескольким причинам:

- это люди, обладающие уникальным управленческим опытом, полученным в условиях выполнения боевых задач, что позволяет им принимать обоснованные решения в сложных и нестандартных ситуациях, быстро адаптироваться к изменению оперативной обстановки, мыслить стратегически;
- их знания о реальных потребностях и проблемах общества значительно повышают эффективность работы органов власти;
- участие ветеранов СВО в управлении способствует укреплению доверия между государственными структурами и населением: осознавая как потребности общества, так и задачи государства, они становятся важным связующим звеном между властью и гражданами.

Таким образом, интеграция участников СВО в публичное управление не только обогащает его новыми идеями и подходами, но и способствует формированию более устойчивой и эффективной системы управления.

В то же время при назначении участников и ветеранов СВО на должности в органах публичной власти важно учитывать, с одной стороны, уровень их подготовки [1; 13; 18; 21], особенности когнитивной и ценностно-смысловой сферы [2; 14], специфику их опыта [6; 8; 15], контекст, в котором они реализуют свой управленческий потенциал [9; 10; 16], а с другой, особенности их психоэмоционального состояния, сформировавшегося в результате длительного боевого стресса [3; 17]

В настоящее время для выявления управленческого опыта и потенциала руководителей в рамках технологии личностно-профессиональной диагностики [4] широко применяется отличающаяся высокой эффективностью методология комплексного ресурсного анализа (КРА), которая:

- опирается на ресурсный подход, который направлен на выявление сильных сторон человека, позволяет увидеть инварианты применения имеющихся талантов, представляет собой комплексную оценку социальных, психологических, личностных, профессиональных ресурсов потенциального руководителя, и позволяет прогнозировать эффективность управленческой деятельности на различных уровнях управления как в текущий пе-

риод времени, так и в перспективе [7];

- подразумевает рассмотрение личностного потенциала человека в контексте его текущей либо будущей профессиональной деятельности и обеспечивает комплексную оценку личностного и профессионального, в том числе управленческого потенциала;
- предусматривает использование комплекса диагностических инструментов, позволяющих аккумулировать значительный объем информации о личностных ресурсах, которые обеспечивают формирование и развитие управленческого потенциала;
- предполагает активное применение эффективных механизмов обратной связи и вовлечение участников диагностики в процессы самопознания и саморазвития.

Предметом комплексного ресурсного анализа личности руководителя являются:

- внутренние ресурсы – потенциал, стратегическая жизненная идея, навыки, знания, представления о мире и о себе и др.;
- ресурсы взаимодействия на разных управленских уровнях и в различных управленческих ситуациях - взаимодействие с руководством, коллективом и т.д.;
- внешние ресурсы – ресурсы социальной и физической среды, «встроенные» в профессиональные и управленческие компетентности индивида.

Динамика личностно-профессионального развития руководителя определяется показателем управленческой готовности респондента, включающей в себя как накопленный управленческий опыт, так и уровень развития управленческого потенциала.

Опыт участия в программах социальной и медицинской адаптации действующих участников и ветеранов СВО, а также организации их отбора в региональную кадровую программу в Удмуртской Республике позволил нам выдвинуть предположение о том, что на результаты комплексного ресурсного анализа военнослужащих потенциально может оказывать влияние посттравматическое стрессовое расстройство, которое в той или иной форме проявляется у значительной части военнослужащих, участвующих в боевых действиях в рамках СВО.

В соответствии с этим предположением была сформулирована цель статьи – исследовать особенности использования комплексного ресурсного анализа как инструмента выявления управленческого потенциала участников СВО.

В соответствии с этой целью необходимо:

- изучить опыт применения комплексного ресурсного анализа для оценки управленческого потенциала участников СВО;
- проанализировать возможность влияния психоэмоциональных факторов на результаты проведения комплексного ресурсного анализа в отношении участников и ветеранов СВО;
- разработать модель оценки управленческого потенциала участников СВО, учитывающую влияние посттравматического стрессового расстройства на итоги комплексного ресурсного анализа.

Опыт применения комплексного ресурсного анализа для оценки управленческого потенциала участников СВО

В настоящее время актуальной государственной задачей на федеральном и региональном уровнях является подготовка высококвалифицированных, компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти.

Региональные кадровые проекты являются аналогами федеральной программы «Время героев» и ориентированы на подготовку управленческого резерва из числа участников СВО.

Образовательные программы с последующим трудоустройством их участников стали действенным механизмом применения методики КРА при формировании системы отбора среди заявителей программ.

Так, на этапе реализации кадровой программы для ветеранов СВО в Удмуртской Республике важное значение имеет фокусировка внимания на выраженности личностно-профессиональных ресурсов будущих руководителей для оценки их актуальной и потенциальной эффективности в контексте принятия управленческих решений [20].

В формате конкурсного отбора на заочном этапе региональной программы кандидат заполняет биографическую анкету, пишет эссе, проходит тестирование, направленное на диагностику управленческого опыта и потенциала, а на очном – проходит собеседование с психологом-консультантом.

Оценка компетенций участников отбора в рамках реализации региональной программы осуществляется на различных этапах кадрового цикла: в процессе отбора кандидатов, подбора кандидата под конкретную должность (назначения на вышестоящую должность), при формировании кадрового или управленческого резерва, при отборе участников на образовательную программу, а также в процессе реализации образовательной программы или при оценке прогресса личностно-профессионального развития [20].

Комплексное использование нескольких инструментов оценки в составе диагностической батареи позволяет повысить ее точность на основе получения интегральных значений по компетенциям за счет применения инструментов, предполагающих как наличие субъективной составляющей – суждений оценщиков (интервью, ассесмент-центр, проблемно-аналитической деловой игры), так и ее отсутствие [7].

На специально созданной платформе проводится первичная регистрация участников, выбор категории участников по направлениям деятельности, заполнение анкеты и написание эссе.

В назначенное время запускается сессия онлайн-тестирования для всех зарегистрированных участников. По завершении времени прохождения теста (как правило, в течение 72 часов) организационный комитет региона программы рассматривает обращения от участников, не успевших пройти тестирование.

Общественный совет принимает решения по обращениям, назначает даты дополнительного тестирования.

Тестирование предполагает использование специально разработанного под оценку конкретного набора компетенций диагностических инструментов (тестов и личностно-профессиональных опросников), которые могут быть построены на разных принципах и механизмах (тесты знаний и способностей, тесты и опросники с самооценочной шкалой или шкалой Лайкерта, проективные методики, психобиографические опросники и т.п.) [7].

На основании прохождения данных этапов оценки определяются управленческая готовность и управленческий потенциал участников отбора и составляется портретное описание участника программы, при этом образ будущего руководителя выстраивается вокруг выявленной в процессе диагностики ключевой характеристики респондента.

Показатель управленческой готовности участников в текущий период времени формирует каркас для понимания особенностей организационного и командного поведения потенциального управленца.

Оценка по компетенциям строится на основе сопоставления профиля кандидата с целевым профилем должности, на которую он претендует [7, с. 37].

Анализ возможности влияния психоэмоциональных факторов на результаты проведения комплексного ресурсного анализа в отношении участников и ветеранов СВО

Важным аспектом при оценке управленческой готовности действующих или бывших участников боевых действий, участвующих в отборе на региональные кадровые программы для участников специальной военной операции, является работа с психологическими факторами.

Участие в боевых действиях, накладывая серьезный отпечаток на психику человека, в то же время формирует уникальный опыт, который может существенно повлиять на стиль управления и потенциал руководителя в мирной жизни.

Такие психологические аспекты, как стрессоустойчивость, способность к быстрой адаптации и принятию решений в условиях неопределенности, являются важными качествами для эффективного руководства как при выполнении боевых задач, так и при принятии управленческих решений на государственной гражданской службе.

В то же время участие в боевых действиях может приводить и к негативным психологическим эффектам, в частности к посттравматическому стрессовому расстройству [5; 11; 12; 19].

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) – это непсихотическая отсроченная реакция, развившаяся после травмирующего события, к которому относится и непосредственное участие в боевых действиях¹.

Клиническими признаками ПТСР являются, с одной стороны, флэшбеки, т.е. внезапно возникающие в сознании эмоционально окрашенные повторяющиеся воспоминания, образные представления, кошмарные сновидения, в содержании которых заново воспроизводится экстремальная психотравмирующая ситуация, а с другой, - стремление избегать внутренние и внешние стимулы, ассоциирующиеся со стрессором².

По сведениям различных авторов, клинически оформленными ПТСР страдают от 12,5% до 44% участников боевых действий, переживших боевой стресс. Отдельные симптомы ПТСР встречаются у 90% военнослужащих, вернувшихся к гражданской жизни, при этом наиболее уязвимыми оказываются лица в возрасте до 20 лет и старше 30 лет³.

Риск развития ПТСР возрастает при утрате семьи или отсутствии поддержки со стороны его близких.

Исследователи отмечают, что в ходе СВО военнослужащие сталкиваются с ситуациями, требующими от их психики и организма максимальной концентрации и адаптации к новым экстремальным условиям. Они находятся в среде, насыщенной постоянной опасностью и неизвестностью, что накладывает серьезный отпечаток на их физическое и психическое состояние. Военнослужащие погружаются в среду, где повседневная неопределенность становится нормой.

Так, исследования показали, что постоянный дефицит сна и накопленное утомление приводят к привычной обостренной нервной напряженности. Для выживания психика нервная система и организм военнослужащих вынуждены перестраиваться под экстремальные условия боевых действий⁴.

¹ Медицинская реабилитация. Руководство к практическим занятиям: учебное пособие / Г. Р. Абуева, В. Н. Ищук, Д. В. Ковлен [и др.]; под ред. Г. Н. Пономаренко. – Москва: ГЭОТАР- Медиа, 2021. – 240 с; Пронин В.Д. Персонализированная медико-медицинский психологическая реабилитация военнослужащих в военных санаторно-курортных организациях: Автореф. дис. ...канд. мед. наук. Санкт-Петербург. 2023, 16 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Медицинская реабилитация. Руководство к практическим занятиям: учебное пособие; Пронин В.Д. Персонализированная медико-медицинский психологическая реабилитация военнослужащих в военных санаторно-курортных организациях.

На основе накопленных эмпирических данных выявлено, что функциональные и структурные изменения мозга в условиях боевых действий способствуют:

- образованию новых нейронных связей и сетей, а также появлению новых нейронов, регулирующих боевое поведение;
- угасанию нейронных сетей, активных в мирное время;
- формированию функциональных систем, управляющих поведением в бою;
- появлению динамических стереотипов («боевых рефлексов»), направленных на выживание в боевых условиях;
- выработке опиоидных нейротрансмиттеров, таких как эндоморфины (эндорфины)⁵.

Адаптируясь к военной службе, мозг определяет в качестве приоритетной задачи выживание. Цели мирной жизни отходят на второй план, и участник боевых действий теряет или значительно снижает способность к жизни в мирных условиях.

Возвращение к гражданской жизни может парадоксально ощущаться как переход в менее организованную и комфортную по сравнению с военной службой среду. Бывшие военные теряют определённые роли и статусы, приобретённые в армии (например, лучший командир, штурмовик), и сталкиваются с неопределённостью в мирной жизни, дискомфортом окружающей среды и большой ответственностью за будущее⁶.

Эти вызовы требуют значительной психологической и социальной поддержки для успешной адаптации, особенно после получения военной травмы.

Особый отпечаток на психологическое состояние бывших военнослужащих накладывает увольнение из рядов вооружённых сил Российской Федерации по состоянию здоровья – в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе либо не годным к военной службе.

Нами были проанализированы данные, полученные при проведении глубинных и (собеседований) в отношении 120 участников СВО, в том числе проходящих через систему комплексной личностно-профессиональной диагностики, а также ветеранов СВО, вернувшихся с линии боевого соприкосновения (ЛБС) менее чем за полгода до прохождения диагностики.

Результаты индивидуальных интервью участников отбора с квалифицированными психологами-экспертами показали, что 33 респондента имели клинические проявления ПТСР:

- стойкие навязчивые воспоминания или «оживление» стрессора в навязчивых реминисценциях, ярких воспоминаниях или повторяющихся снах, либо повторные переживания горя при воздействии обстоятельств, ассоциирующихся со стрессором (20 человек);
- затруднение засыпания или сохранения сна (8 человек);
- частичная или полная психогенная амнезия в отношении важных аспектов периода воздействия стрессора (3 человека);
- стойкие симптомы повышения психологической чувствительности или возбудимости, не наблюдавшиеся до действия стрессора: раздражительность или вспышки гнева (2 человека).

Закономерно возник вопрос о возможном влиянии ПТСР на результаты КРА, и мы пришли к выводу, что проявления ПТСР потенциально могут влиять на эти результаты, так как респондент, находясь под влиянием психоэмоциональных факторов, может либо вести себя скованно, сдерживать эмоции, либо, напротив, чрезмерно их проявлять, а также намеренно не информировать эксперта о

⁵ Карвасарский Б. Д. Клиническая психология: Учебник для вузов. 4-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 864 с.; Медицинская реабилитация. Руководство к практическим занятиям: учебное пособие.

⁶ Медицинская реабилитация. Руководство к практическим занятиям: учебное пособие; Пронин В.Д. Персонализированная медико-медицинский психологическая реабилитация военнослужащих в военных санаторно-курортных организациях.

значимых биографических факторах, стремясь избегать травмирующие воспоминания, либо, напротив, излишне сконцентрироваться на боевой травме при участии в интервью и упустить иные значимые для оценки биографические моменты.

В дальнейшем ПТСР будет осложнять военным служащим, назначенным на работу в органах государственной и муниципальной власти, выполнение новых должностных обязанностей:

- управленцы с ПТСР могут быть менее устойчивыми к стрессу, что будет влиять на их способность справляться с кризисными ситуациями и принимать оперативные решения в мирной жизни;
- ПТСР может влиять на уверенность в себе и самооценку, что будет нивелировать лидерские качества и способность работать в команде;
- руководители с ПТСР могут испытывать трудности в межличностном общении, что будет затруднить взаимодействие с подчиненными и коллегами, а также снизить уровень доверия в команде.

Двухступенчатая модель оценки управленческого потенциала и управленческой готовности участников СВО

В целях уменьшения возможного влияния проявлений ПТСР на результаты комплексной ресурсной диагностики военнослужащих, находящихся на этапе психологической трансформации при переходе от военной службы к гражданской жизни, мы предлагаем использовать двухступенчатую модель комплексного ресурсного анализа, которая позволит комплексно в динамике оценить управленческий потенциал действующих участников СВО как в период непосредственного участия в боевых действиях, так и в период прохождения ими адаптации к гражданской жизни с учетом меняющейся внешней социальной и внутренней психологической среды.

Двухступенчатая модель комплексного ресурсного анализа (КРА) требует основательной подготовки к проведению этапов отбора претендентов на руководящие должности.

Кроме того, данная модель может выступать в качестве самостоятельного механизма социальной адаптации участников специальной военной операции.

Участники специальной военной операции сталкиваются с множеством вызовов, как в физическом, так и в психологическом плане. Возвращение к гражданской жизни является сложным процессом, требующим не только поддержки со стороны государства и общества, но и системного подхода к оценке их потребностей и ресурсов. В этом контексте двухступенчатая модель КРА может стать важным инструментом для эффективной социальной адаптации (рис. 1).

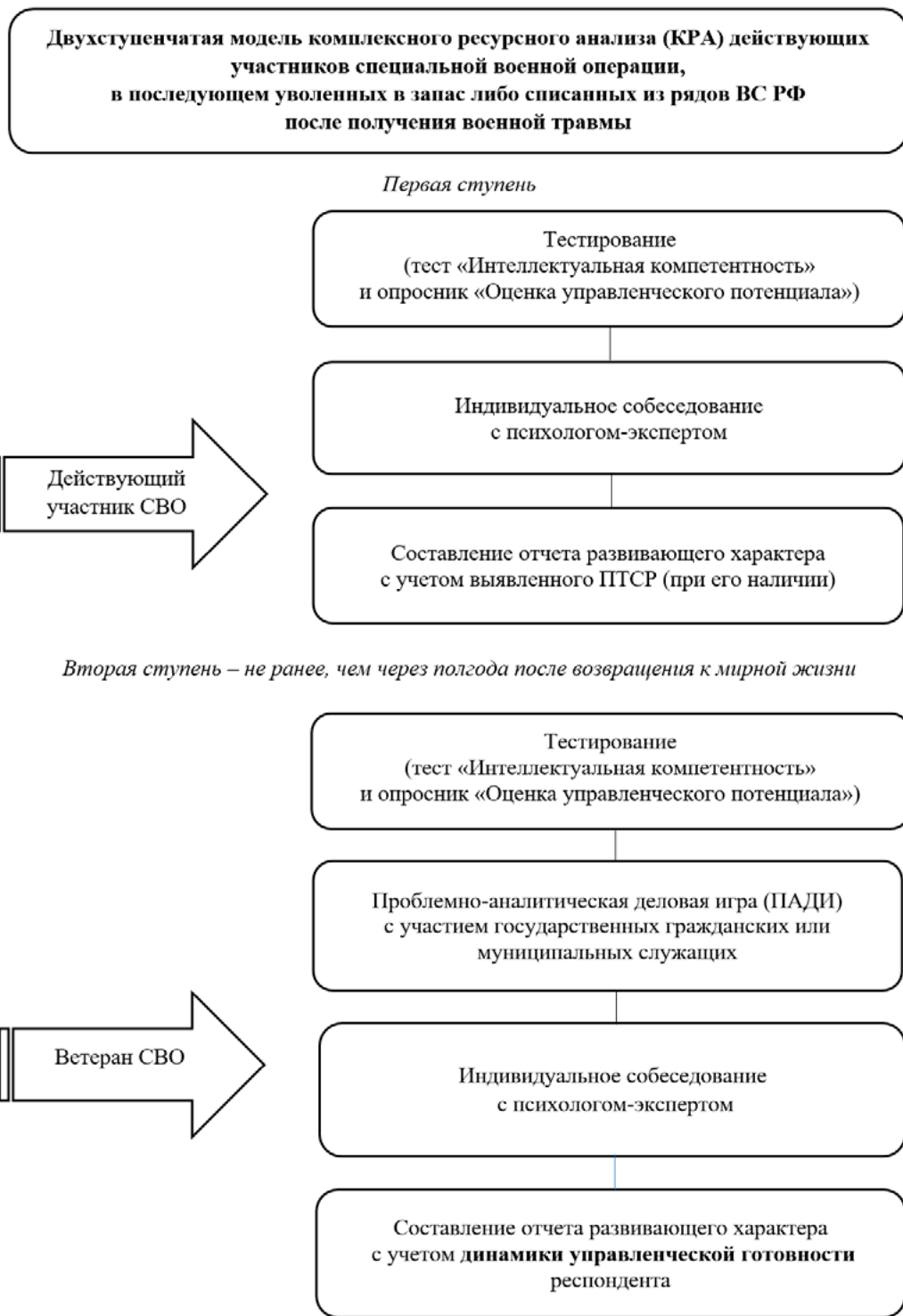

Рисунок 1. Двухступенчатая модель комплексного ресурсного анализа

Представленная модель учитывает как личностные особенности, так и области развития управленческого, профессионального потенциалов участников специальной военной операции, влияющие на эффективность реализации управленческих функций в условиях имеющегося клинические проявления посттравматического синдрома.

Первая ступень оценки проводится для действующих участников СВО, находящихся в условиях ведения боевых действий, и состоит из трех этапов: тестирования, выявляющего управленческий потенциал участника, глубинного интервью (собеседования) с сертифицированным экспертом, а также составле-

ния отчета развивающего характера, позволяющего участнику СВО сосредоточиться на своих сильных сторонах, получить представление об областях своего личностно-профессионального развития и предполагает проведение комплексного ресурсного анализа в онлайн либо очном формате в период нахождения участника СВО в кратковременном отпуске.

Онлайн-тестирование и/или онлайн-собеседование проводятся в случае отсутствия возможности прибытия на очное тестирование в региональный пункт дистанционной оценки.

На первой ступени очень важно определить цель собеседования, четко сформулировав задачи интервью, в том числе направленные на выявление симптомов ПТСР, совместно с привлеченным специалистом, практиком, работающим в области медицинской реабилитации ветеранов СВО.

Необходимо обращать особое внимание на создание доверительной, безопасной атмосферы, чтобы участники могли свободно делиться своими воспоминаниями и переживаниями.

На этапе проведения собеседования используется методика структурированного интервью с применением инструментария в рамках методологии комплексного ресурсного анализа с включением стандартизированных вопросов для выявления основных симптомов ПТСР.

Необходимо обращать внимание на наличие у респондента повторяющихся воспоминаний о травматических событиях, избегание ситуаций, напоминающих о травме, повышенную возбудимость и реактивность.

Таким образом, данная модель позволяет не только оценить ресурсы участников для последующего уточнения их наличия на второй ступени комплексной диагностики, но и диагностировать симптомы ПТСР.

Важную роль в этом аспекте имеет наличие развивающей обратной связи по итогу прохождения первой ступени отбора.

Эффективное взаимодействие со специалистом по результатам подготовки им развивающего отчета может способствовать наиболее динамичному и более безболезненному «вхождению» участников СВО в систему гражданской службы.

Важно учитывать контекстный характер первичной диагностики, который формируется под воздействием среды (в том числе психологической, возможного нахождения под влиянием ПТСР, вызванного участием в боевых действиях и наличием травматического опыта).

Контексты характеризуют внешнюю и внутреннюю среду жизнедеятельности респондента, локализованную во времени и пространстве.

Выявляются области развития и ресурсы респондента в период нахождения в сложной психологической обстановке (участия в СВО).

После прохождения тестирования, включающего опросник управленческого потенциала (ОУП), формируется отчет, требующий уточнения в рамках интервью (собеседования).

В процессе проведения интервью происходит выявление стратегической жизненной идеи военнослужащего как индикатора социальной направленности потенциального руководителя с учетом текущей деятельности в условиях проведения боевых действий.

На данном этапе выявляются ключевые ресурсы военнослужащего и составляется первичное портретное описание, позволяющее с определенной долей вероятности определить профессиональную и управленческую траекторию потенциального управленца.

При выявлении особенностей посттравматического расстройства респондента в отчете эксперта делается отметка о необходимости уточнения полученных результатов при проведении повторной диагностики.

Вторая ступень модели – повторное проведение КРА – осуществляется в период прохождения респондентом военно-врачебной комиссии на списание из

рядов ВС РФ либо после получения удостоверения ветерана СВО.

Вторая ступень оценки проводится не ранее 6 месяцев после проведения первичной оценки, т.е. после возникновения стрессогенной ситуации⁷.

Условиями проведения второго этапа являются:

- завершение участником КРА военной службы по причине завершения контракта (в случае, если респондент является участником добровольческих формирований, частных военных компаний);
- признание военнослужащего по итогу прохождения ВВК ограниченно годным к военной службе и списанным в запас ВС РФ или признанным не годным к военной службе вследствие получения серьезной военной травмы;
- проведение комплексного ресурсного анализа управленческих навыков и управленческой готовности респондента по происшествии не менее 6 месяцев с момента проведения первой ступени личностно-профессиональной диагностики.

Во время проведения повторного исследования необходимо учитывать высокую вероятность смены парадигмы респондента, вызванную изменением индивидуально-личностного контекста, представленного характеристиками индивидуальной жизненной стратегии руководителя и организационно-командного контекста, позволяющего определить особенности ориентации руководителей в пространстве собственных и организационных задач.

Участник КРА проходит этапы очного тестирования и глубинного интервью, после чего выявляется степень соответствия личностных ресурсов человека тем требованиям, которые исходят из внутренней среды реальных либо виртуальных управленческих команд, в которые руководитель также включен посредством проведения проблемно-аналитической деловой игры (ПАДИ).

Групповые формы активности на сегодняшний день широко распространены как инструмент оценки не только актуального ресурсного состояния оцениваемого, но и потенциала его дальнейшего развития.

Групповые методики оценки позволяют сопоставить участников одной или нескольких групп между собой, сравнить их результативность, выявить лидеров и аутсайдеров с точки зрения проявления измеряемого признака.

Одной из основных задач в рамках проведения ПАДИ является включение в группу ветеранов СВО действующих государственных гражданских и муниципальных служащих и решение реальных управленческих кейсов, позволяющее выявить управленческую готовность для реализации своего управленческого потенциала в гражданской жизни.

В рамках ПАДИ у ветеранов СВО можно выделить управленческие навыки и лидерские качества, которые они могут применить в гражданской жизни, а работа над реальными управленческими кейсами позволяет применять свои знания и опыт, полученные на фронте.

ПАДИ предполагает совместную работу участников над заданной темой в несколько этапов. Именно благодаря гибкости и возможности подстроить ПАДИ практически под любую задачу, связанную с диагностикой и оценкой, она получила в последнее время распространение и стала завоевывать популярность.

Факультетом оценки и развития управленческих кадров данная оценочная технология активно применяется на проектах муниципального, регионального и федерального уровней.

Нестандартные задания позволяют раскрыть способности кандидатов к индивидуальной и командной работе, выявляют специфику поведения в процессе принятия командных решений, особенности обработки информации и планирования индивидуальной и командной деятельности.

⁷ Медицинская реабилитация. Руководство к практическим занятиям: учебное пособие; Пронин В.Д. Персонализированная медико-медицинский психологическая реабилитация военнослужащих в военных санаторно-курортных организациях.

В процессе игры рассматриваются только те проблемы, которые являются принципиально и практически решаемыми именно на том уровне управления, на котором находятся ее участники. Использование ПАДИ как оценочного инструмента позволяет учесть значимость всех необходимых факторов.

Важно также предоставлять ветеранам возможность получения обратной связи от опытных экспертов-психологов, что поможет им лучше понять свои сильные стороны и области для дальнейшего развития.

При составлении отчета развивающего характера специалист сопоставляет оба отчета, полученные на обеих ступенях оценки респондента.

Положительная динамика интегративного показателя управленческой готовности может свидетельствовать о высоких адаптационных способностях респондента к быстрой и эффективной адаптации к гражданской жизни

Заключение

Служба в условиях боевых действий формирует у военнослужащих уникальные управленческие навыки и качества, которые могут быть применены в различных сферах гражданской жизни. Так, ветераны СВО способны к быстрой оценке ситуаций и принятию решений в условиях перманентной неопределенности, многие из них обладают значительным опытом командования, организации и координации групповых действий. Безусловно, после возвращения к мирной жизни ветераны могут внести значительный вклад в различные сферы экономики, включая бизнес, государственное управление и социальные инициативы. Их опыт может способствовать инновациям и улучшению процессов в деятельности органов государственной власти, организациях и предприятиях, на муниципальной службе.

Управленческий потенциал действующих участников и ветеранов СВО требует оценки и развития, при этом максимально точная оценка этого потенциала имеет решающее значение как для совершенствования их отбора на руководящие должности в органах публичной власти, так и для их успешной адаптации и интеграции в мирную жизнь.

Предложенная в статье двухступенчатая модель комплексного ресурсного анализа военнослужащих является потенциально эффективным механизмом выявления адаптационных способностей будущих управленцев и способствует уменьшению влияния проявлений ПТСР на эффективность оценки их управленческого потенциала.

Список литературы:

1. Алиев Д.Ф., Левковская Н.А. Модель профессиональной ориентации участников СВО // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2025. Т. 10. № 2. С. 35-56. DOI: 10.38098/ipran.opwr_2025_35_2_002 EDN: NJUHWM
2. Баркова Ю.К., Селезнева Е.В., Синягин Ю.В. Взаимосвязь управленческого потенциала и когнитивных характеристик руководителей разных уровней управления // Управленческое консультирование. 2021. № 5 (149). С. 17-31. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-5-17-31 EDN: RQEAWF
3. Василенко Т.Д., Петрачевская Ю.Л., Смирнов Н.В. Взаимосвязь уровня воспринимаемого стресса и эмоциональной дисрегуляции у участников СВО // Российский психиатрический журнал. 2025. № 2. С. 69-75. EDN: NTHJPN
4. Диагностика и профессиональное развитие управленческих кадров государственной службы: методология и технологии: коллективная монография / [Ю. К. Баркова и др.]; под общ. науч. ред. Ю. В. Синягина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 354 с.

5. Елистратова Н.Н. Особенности личностного ресурса участников СВО на Украине в состоянии посттравматического стрессового расстройства // Стресс и саморегуляция в образовательной и профессиональной средах. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Москва, 2025. С. 79-85. EDN: KRNSDZ
6. Лебедева А.В., Селезнева Е.В., Чирковская Е.Г. Взаимосвязь фактов биографии и профиля управленческой готовности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 4. С. 49-59. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-4-49-59 EDN: VZJCYH
7. Модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти: исследование и обоснование применения / О.Ю. Переверзина [и др.]; Президентская академия; ВШГУ РАНХиГС; ФОиР ВШГУ РАНХиГС. М., 2023. 81 с.
8. Переверзина О.Ю. Жизненные сценарии и субъективные мифы как детерминанты индивидуальной жизненной стратегии личности // Мир психологии. 2015. № 3. С. 123-130. EDN: UYAVEZ
9. Переверзина О.Ю. Контекстная личностно-профессиональная диагностика в оценке управленческих кадров // Материалы IV международной научно-практической социологической конференции «Продолжая Грушина». 27-28 февраля 2014 г. М: ВЦИОМ, 2014. С.351-352.
10. Переверзина О.Ю. Контекстная парадигма в оценке личностно-профессиональных ресурсов руководителей // Акмеология. 2015. № 2. С. 149-157. EDN: TTYFXT
11. Ротманова Н.В., Ильина Е.А. Особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у участников СВО в зависимости от боевого опыта // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2025. № 1. С. 189-193. DOI: 10.24412/2308-717X-2025-1-189-193 EDN: UBBAUX
12. Рунушкина Н.В., Рунушкин Р.В. Экстремальные ситуации и их влияние на развитие посттравматического синдрома у участников СВО // Инструменты эффективного развития современной науки. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Кемерово, 2024. С. 14-16. EDN: NPVGSD
13. Сабирова З.Э. Образовательные кадровые программы и проекты в системе поддержки участников СВО // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 5 (185). С. 139-142. DOI: 10.34773/EU.2025.5.23 EDN: JZPZUO
14. Селезнева Е.В., Баркова Ю.К. Социальная направленность личности и ценностные стратегии руководителей системы государственной службы // Вопросы управления. 2019. № 4(40). С. 203-216. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-4-204-216.2 EDN: CUYLYN
15. Синягин Ю.В. Факторы, условия и биографические предикторы успешной управленческой карьеры в системе государственной гражданской службы // Государственная служба. 2019. № 4. С. 6-21. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-4-6-21 EDN: CIUGUO
16. Синягин Ю.В., Селезнева Е.В., Баркова Ю.К. Жизненные стратегии руководителей системы государственного управления // Мир психологии. 2020. № 4(104). С. 187-199. DOI: 10.51944/2073-8528_2020_4_187 EDN: NDEENA
17. Тульчанский И.Ю., Бильданов А.Г. Боевой стресс у участников специальной военной операции (СВО) // Развитие тактики общевойсковых подразделений, подразделений родов войск и специальных войск в войнах и вооруженных конфликтах. Материалы I Всероссийской военно-научной конференции. Казань, 2023. С. 175-179. EDN: GGXFEL
18. Харченко К.В. Профессиональное обучение и развитие как фактор социальной адаптации участников СВО, поступающих на госслужбу // Мониторинг правоприменения. 2025. № 2(55). С. 126-130. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-2-00-15 EDN: LESROB

19. Чудаков А.Ю. Посттравматическое стрессовое расстройство и суицидальное поведение у участников СВО: актуальность, анализ и пути решения // Забота о здоровье военнослужащих Росгвардии - вклад в обороноспособность и стабильность государства. Сборник научных трудов. Сер. «Теория и методика обучения и воспитания взрослых». Санкт-Петербург, 2025. С. 53-57. EDN: XQTGMF
20. Шебураков И.Б., Баркова Ю.К., Воробьева О.А. Рейтинг управленческого потенциала субъектов РФ как инструмент управления качеством кадрового состава // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 3. С. 5-20. EDN: ZPHMBY
21. Nazarova A.N., Ivshin S.Yu. Specifics of implementation of educational programs on management and economics for participants of the special military operation // Dialogue of generations: Learn. Teach. Study. Proceedings of the VI All-Russian Research and Practice Conference with International Participation. Saint Petersburg, 2025. С. 67-71. EDN: KFNJMJ

Comprehensive resource analysis as a tool for identifying the managerial potential of special military operation participants

Grigoreva Maria Rafailovna

Leading Specialist of the Representative Office Presidential Academy in the Udmurt Republic, certified specialist in the field of personal and professional diagnostics and comprehensive resource analysis of management personnel, Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation
e-mail: grigoreva-mr@ranepa.ru

Bochkova Yulia Yurievna

Medical psychologist of the Department of Medical Rehabilitation of Patients with Central Nervous System Disorders of the Hospital Complex No. 2 of the Budgetary Healthcare Institution of the Udmurt Republic «GB No. 6 of the Ministry of Health of the Udmurt Republic», Candidate of Psychological Sciences (Medical Psychology), Izhevsk, Udmurt Republic, Russian Federation
e-mail: Gr.m.r@yandex.ru

Abstract

The purpose of the article is to study the features of using complex resource analysis as a tool for identifying the managerial potential of participants in the special military operation (hereinafter-abbreviated as SMO). The practical basis of the research is formed by the results of a comprehensive resource analysis of 120 duty members and veterans of the SMO who underwent a personal and professional diagnostics system implemented in the Udmurt Republic as a part of the personnel program for SMO participants. It has been established that the presence of post-traumatic stress disorder in participants of SMO may affect the process of comprehensive

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

resource analysis and its results. A two-stage model of using integrated resource analysis is proposed to evaluate the managerial potential and managerial readiness of participants of SMO undergoing a psychological transformation during their transition from military service to civilian life. The practical application of this model helps to reduce the potential impact of post-traumatic stress disorder on the results of comprehensive resource diagnostics of military personnel.

Keywords

• comprehensive resource analysis • post-traumatic stress disorder • special military operation • managerial potential • combatants • managerial readiness •

References:

1. Aliev D.F., Levkovskaya N.A. The model of professional orientation of the participants of the SVO // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology. 2025. Vol. 10. N 2. P. 35-56. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2025_35_2_002 EDN: NJUHWMM
2. Barkova Yu.K., Selezneva E.V., Sinyagin Yu.V. Interrelation of managerial potential and cognitive characteristics of managers at different levels of management // Managerial consulting. 2021. N 5(149). P. 17-31. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-5-17-31 EDN: RQEAWF
3. Vasilenko T.D., Petrachevskaya Yu.L., Smirnov N.V. The relationship between the level of perceived stress and emotional dysregulation in participants of the SVO // Russian Psychiatric Journal. 2025. T 2. P. 69-75. EDN: NTHJPN
4. Diagnostics and professional development of civil service management personnel: methodology and technologies: a collective monograph / [Yu. K. Barkova et al.]; under total. scientific ed. by Yu. V. Sinyagin. Moscow: Publishing house «Delo» RANHiGS, 2021. 354 p.
5. Elistratova N.N. Features of the personal resource of the participants of the SVO in Ukraine in a state of post-traumatic stress disorder // Stress and self-regulation in educational and professional environments. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2025. P. 79-85. EDN: KRNSDZ
6. Lebedeva A.V., Selezneva E.V., Chirkovskaya E.G. The relationship between the facts of biography and the profile of managerial readiness // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences. 2019. N 4. P. 49-59. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-4-49-59 EDN: VZJCYH
7. The model of key competencies of managers and specialists of public authorities: research and justification of application / O.Y. Pereverzina [et al.]; Presidential Academy; Higher School of Economics RANHiGS; FOiR Higher School of Economics RANHiGS. Moscow: 2023. 81 p.
8. Pereverzina O.Y. Life scenarios and subjective myths as determinants of an individual's life strategy // The world of psychology. 2015. N 3. P. 123-130. EDN: UYAVEZ
9. Pereverzina O.Y. Contextual personality and professional diagnostics in the assessment of managerial personnel // Proceedings of the IV international scientific and practical sociological conference «Continuing Grushina». February 27-28, 2014, Moscow: VTsIOM, 2014. P. 351-352.
10. Pereverzina O.Y. Contextual paradigm in the assessment of personal and professional resources of managers // Acmeology. 2015. N 2. P. 149-157. EDN: TTYFXT

11. Rotmanova N.V., Ilyina E.A. Features of the manifestation of post-traumatic stress disorder in the participants of the SVO, depending on combat experience. // Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences. 2025. N 1. P. 189-193. DOI: 10.24412/2308-717X-2025-1-189-193 EDN: UBBAUX
12. Runushkina N.V., Runushkin R.V. Extreme situations and their impact on the development of post-traumatic syndrome in participants of the SVO // Tools for the effective development of modern science. Collection of materials of the International Scientific and practical Conference. Kemerovo, 2024. P. 14-16. EDN: NPVGSD
13. Sabirova Z.E. Educational personnel programs and projects in the support system for the participants of the SVO // Economics and management: scientific and practical journal. 2025. N 5 (185). P. 139-142. DOI: 10.34773/EU.2025.5.23 EDN: JZPZUO
14. Selezneva E.V., Barkova Yu.K. Social orientation of personality and value strategies of managers of the public service system // Management issues. 2019. N 4 (40). P. 203-216. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-4-204-216.2 EDN: CUYLYN
15. Sinyagin Yu.V. Factors, conditions and biographical predictors of a successful managerial career in the public civil service system. 2019. N 4. P. 6-21. DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-4-6-21 EDN: CIUGUO
16. Sinyagin Yu.V., Selezneva E.V., Barkova Yu.K. Vital strategies of managers of the public administration system // The world of psychology. 2020. N 4 (104). P. 187-199. DOI: 10.51944/2073-8528_2020_4_187 EDN: NDEENA
17. Tulchansky I.Yu., Bildanov A.G. Combat stress among participants in a special military operation // Development of tactics of combined arms units, units of the armed forces and special forces in wars and armed conflicts. Materials of the First All-Russian Military Scientific Conference. Kazan, 2023. P. 175-179. EDN: GGXFEL
18. Kharchenko K.V. Professional training and development as a factor of social adaptation of the participants of the civil service entering the civil service // Law enforcement monitoring. 2025. N 2(55). P. 126-130. DOI: 10.24412/2226-0692-2025-2-00-15 EDN: LESROB
19. Chudakov A.Yu. Post-traumatic stress disorder and suicidal behavior in participants of the SVO: relevance, analysis and solutions // Caring for the health of servicemen of the Russian Guard - a contribution to the defense capability and stability of the state. Collection of scientific papers. Ser. «Theory and methodology of adult education and upbringing». Saint Petersburg, 2025. P. 53-57. EDN: XQTGMF
20. Sheburakov I.B., Barkova Yu.K., Vorobyeva O.A. Rating of the managerial potential of the subjects of the Russian Federation as a tool for personnel quality management // Management issues. 2025. Vol. 19. N. 3. P. 5-20. EDN: ZPHMBY
21. Nazarova A.N., Ivshin S.Yu. Specifics of implementation of educational programs on management and economics for participants of the special military operation // Dialogue of generations: Learn. Teach. Study. Proceedings of the VI All-Russian Research and Practice Conference with International Participation. Saint Petersburg, 2025. P. 67-71. EDN: KFNJMJ

Поступила в редакцию: 05.02.2026

Принята в печать: 20.03.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

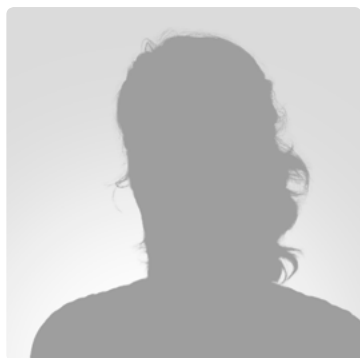

ЛИЧНОСТЬ:
РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

**ЛИЧНОСТЬ И КОМАНДЫ
В СИСТЕМАХ УПРАВЛЕНИЯ:
НАУКА И ПРАКТИКА**

Представления о старости и смысло-жизненные ориентации у лиц, прибегающих к различным типам антивозрастных косметологических процедур

Старостина Елена Евгеньевна

Студентка института психолого-социальной работы (направление «Клиническая психология») ФГАОУ ВО ПМГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

e-mail: elstars71@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-1653-3972

Шалина Ольга Сергеевна

Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии института психолого-социальной работы ФГАОУ ВО ПМГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

e-mail: shalinaya@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 6131-7790

ORCID ID: 0000-0002-6800-45743

Котельникова Анастасия Владимировна

Доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и медицинской психологии института психолого-социальной работы ФГАОУ ВО ПМГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Российская Федерация

e-mail: kotelnikova_a_v@staff.sechenov.ru

SPIN-код РИНЦ: 7493-6708

ORCID ID: 0000-0002-9605-557X

Гришина Екатерина Геннадьевна

Кандидат психологических наук, медицинский психолог ГБУ СРЦ имени В.Г. Михайлова Департамента труда и социальной защиты населения гор. Москвы, Москва, Российская Федерация

e-mail: egrishina2009@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 2281-4519

ORCID ID: 0009-0001-7312-0703

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей представлений о старости и смысложизненных ориентаций у лиц зрелого возраста, использующих различные типы антивозрастных косметологических процедур. В качестве методов исследования использовались авторская анкета, направленная на сбор социально-биографических данных, а также на уяснение субъективного отношения к возрастным изменениям, «Семантический дифференциал старости», с помощью которого оценивалась семантика отношения к различным возрастным этапам, и опросник «Смысложизненные ориентации». На выборке из 57 человек в возрасте 25-65 лет показано, что выбор типа процедур (топические, малоинвазивные, хирургические) связан с различными паттернами психологического функционирования в контексте переживания возрастных изменений. Установлено, что увеличение инвазивности процедур коррелирует с негативизацией представлений о старости, снижением осмысленности текущего жизненного процесса и диссоциацией временной перспективы. Расширены представления о психологических особенностях лиц, прибегающих к различным антивозрастным процедурам. Полученные результаты могут быть использованы при составлении программ психологического сопровождения пациентов, обращающихся в клиники пластической хирургии и эстетической косметологии.

Ключевые слова

• старость, социальные представления • смысложизненные ориентации • антивозрастные косметологические процедуры • временная перспектива • психологическая адаптация • эйджизм •

Введение

Современное общество характеризуется двумя мощными и зачастую противоречивыми тенденциями: неуклонным увеличением продолжительности жизни (демографическим старением) и культом молодости, активно поддерживаемым рекламой.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2050 г. доля населения мира в возрасте 60 лет и старше почти удвоится – с 12% до 22%, что составит более 2 миллиардов человек, при этом число людей в возрасте 80 лет и старше вырастет втрое¹. Этот глобальный тренд «старения населения» ставит перед обществом и отдельными индивидами новые психологические и социальные вызовы.

Одновременно с этим, как отмечают исследователи [11], уже довольно давно через медиа-репрезентации и рекламу (особенно beauty-индустрии) интенсивно тиражируется культ молодости, который формирует социальные ожидания, связывающие ценность человека с его внешней молодостью. Этот дискурс часто содержит элементы эйджизма – дискриминации по возрастному признаку, представляя старение как процесс упадка и потери привлекательности [9; 12].

¹ Decade of healthy ageing: baseline report. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240017900> (дата обращения: 05.07.2025).

В этом напряженном контексте феномен старости приобретает особую психологическую значимость для каждого человека. Отношение к собственному старению и формирующиеся представления о старости становятся критически важным фактором психологического благополучия, адаптации и качества жизни в зрелом и пожилом возрасте. Современные исследования подтверждают, что позитивное восприятие старения является залогом высокого качества жизни в позднем возрасте [6]. Важную роль в этом процессе как показывают исследования, играет социальный контекст: прочные социальные связи и активная интеграция в общественную жизнь существенно повышают качество жизни пожилых людей [10]. В противоположность этому негативные стереотипы старения и непринятие собственного старения связаны с более высоким уровнем стресса, депрессивной симптоматикой, снижением когнитивных функций и даже сокращением продолжительности жизни. При этом особенно значима связь негативного восприятия старения с риском развития депрессий позднего возраста [2].

Антивозрастные косметологические процедуры (АКП), направленные на коррекцию видимых признаков старения, к настоящему моменту превратились поистине в массовое явление. К ключевым социокультурным детерминантам распространения таких процедур относится, прежде всего, интенсификация культуры молодости в условиях глобализированного медиа-пространства и индустрии красоты, многократно усиливающего давление эйджистских стереотипов [9; 11].

Современный спектр предлагаемых методов АКП крайне широк и варьируется от поверхностного воздействия до глубокого вмешательства. В настоящее время сформировалась трехуровневая типология: топические средства (косметоветки с ретинолом, пептидами), малоинвазивные процедуры (инъекционные и аппаратные методики) и пластическая хирургия. Использование всех этих методов уже не является прерогативой узких социальных групп или представителей определенных профессий, при этом мотивация обращения к таким процедурам может быть чрезвычайно разнообразной: от стремления соответствовать профессиональным стандартам до глубоких личностных страхов, связанных со старением и смертью [1].

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности того, как субъективные представления о старости связаны с практикой использования антивозрастных косметологических процедур. Существует ли специфика в восприятии старости у людей, активно борющихся с ее внешними проявлениями, по сравнению с теми, кто этого не делает? Как эти представления соотносятся с актуальным состоянием смысловой сферы личности и особенностями восприятия собственного жизненного пути? Понимание этих взаимосвязей имеет ключевое значение для клинической психологии в контексте оказания психологической помощи людям, переживающим возрастные кризисы, сталкивающимся с проблемами принятия собственного старения или демонстрирующим дисфункциональные паттерны поведения, связанные с внешностью.

Таким образом, цель настоящей статьи — выявить и описать особенности представлений о старости и смысложизненных ориентаций у лиц, регулярно прибегающих к разным типам антивозрастных косметологических процедур.

В исследовании мы исходили из предположения, что выбор типа антивозрастных процедур зависит от представления человека о старости, а также от самовосприятия в процессе возрастных изменений, самооценки и принятия старения.

Методы и выборка исследования

Дизайн исследования — сравнительный кросс-секционный. Выборку составили 57 человек в возрасте 25–65 лет ($M=45,7\pm 10,6$). Все респонденты являются гражданами Российской Федерации, активно ухаживают за сво-

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

ей внешностью и используют антивозрастные косметологические процедуры.

При отборе участников исследования по возрасту мы опирались на теоретические положения Э. Эриксона о психосоциальном развитии [8], подчеркивавшего, что период с 25 до 65 лет охватывает этапы зрелости, центральными конфликтами которых являются «интимность / изоляция» и «продуктивность / застой», а это делает особенно актуальными вопросы самоидентичности, продуктивности и, как следствие, восприятия старения и возрастных изменений.

Выборка включала 48 женщин и 9 мужчин. Анализ профессиональной принадлежности респондентов показал, что значительная часть выборки (24 человека) была занята в сферах, где внешний облик и презентация зачастую имеют повышенное значение и могут влиять на профессиональную успешность: бизнес-сфера (11 человек), сфера услуг (13 человек), культура и искусство (4 человека), профессиональный спорт (2 человека). Это позволяет предположить, что профессиональный контекст мог выступать одним из факторов, формирующих отношение к возрастным изменениям и практикам их коррекции.

Участники были разделены на три подгруппы по типу предпочитаемых антивозрастных косметологических процедур:

- подгруппа «Топика» (n=16) — лица, регулярно использующие так называемые топические космецевтики с доказанными антивозрастными компонентами, такими как ретинол (и его аналоги), пептиды, антиоксиданты и кислоты в форме сывороток, кремов и эссенций;
- подгруппа «Малоинвазивные процедуры» (n=28) — лица, имеющие опыт прохождения инъекционных (ботулинотерапия, контурная пластика филлерами на основе гиалуроновой кислоты, биоревитализация) и / или аппаратных методик (лазерные шлифовки, RF-лифтинг, фотоомоложение);
- подгруппа «Хирургия» (n=13) — лица, имеющие опыт проведения пластических хирургических операций, направленных на коррекцию возрастных изменений, таких как блефаропластика, фейслифтинг и круговая подтяжка лица.

Все участники были проинформированы о целях исследования, гарантиях конфиденциальности и анонимности их данных, а также о своем праве отказаться от участия на любом этапе. Диагностика проводилась после получения информированного согласия в письменной или электронной форме.

Группы были статистически сопоставимы по полу, возрасту и уровню образования ($p>0,05$), что позволяет исключить влияние этих переменных на межгрупповые различия.

Для сбора эмпирических данных использовался комплекс диагностического инструментария.

Авторская анкета, разработанная для реализации цели исследования, включала следующие блоки вопросов: социально-демографические данные (пол, возраст, сфера занятости); практика использования АКП (тип, регулярность); мотивация обращения к косметологическим услугам (открытый и закрытый вопросы); субъективные представления о возрастных границах наступления старости и факторах, ее определяющих; эмоциональное отношение к конкретным признакам старения и восприятие своего отражения в зеркале.

Методика «Семантический дифференциал старости» [5] была использована для исследования эмоционально-смысловой структуры представлений о старости и временной перспективе личности. Испытуемым предлагалось оценить четыре ключевых концепта – «Я сейчас», «Я в прошлом», «Я в старости», «Я перед смертью» – по 12 биполярным шкалам, образованным прилагательными-антонимами (например, «слабая – сильная», «тревожная – спокойная», «бесплодная – продуктивная»). Это позволило получить интегральные показатели эмоционального отношения и содержательного наполнения образов «Я» в разных временных модулах.

Тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева² был применен для диагностики уровня осмысленности жизни. Опросник состоит из 20 утверждений и позволяет оценить пять основных шкал: «Цели в жизни» (наличие жизненных целей), «Процесс жизни» (эмоциональная насыщенность и интерес к жизни), «Результативность жизни» (удовлетворенность прожитой частью жизни), «Локус контроля-Я» (убежденность в способности контролировать свою жизнь) и «Локус контроля-Жизнь» (вера в управляемость жизни в целом). Шестым, интегральным показателем, является «Общая осмысленность жизни».

Статистическая обработка данных проводилась с использованием непараметрических критериев (H-критерий Крускала-Уоллиса для межгрупповых сравнений, U-критерий Манна-Уитни для попарного анализа, точный критерий Фишера для сравнения частот, коэффициент ранговой корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей) в программе Statistica 10.0. Уровень статистической значимости был принят равным $p \leq 0,05$.

Обсуждение результатов исследования

Проведенное исследование позволило выявить системные различия в психологических профилях лиц, предпочитающих разные типы антивозрастных практик. Анализ данных показывает, что выбор конкретного типа АКП не является случайным, а тесно связан с глубинными особенностями восприятия времени, осмысленности жизни и стратегий психологической адаптации к процессу старения.

При сопоставительном анализе частоты встречаемости ключевых мотивов обращения к АКП была обнаружена их универсальность для всех групп ($p > 0,05$). Наиболее значимыми для респондентов оказались цели поддержания эстетики кожи и лица и общего улучшения внешнего вида. Профилактика старения также входит в число главных мотиваторов, что указывает на превентивный и эстетически ориентированный подход к возрасту. В меньшей степени респонденты стремятся следовать модным тенденциям, что подчеркивает личностную, внутреннюю обоснованность их выбора.

Мотивы «улучшение внешнего вида» (87,5% в подгруппе «Топика», 67,9% в подгруппе «Малоинвазивные процедуры» и 76,9% в подгруппе «Хирургия») и «поддержание эстетики кожи и лица» (93,8%, 50,0% и 84,6% соответственно) являлись доминирующими. Однако за этой внешней схожестью скрываются качественные различия в понимании сути старения. Так, подгруппа «Малоинвазивные процедуры» достоверно чаще связывала наступление старости с ухудшением самочувствия (78,6% против 56,3% в подгруппе «Топика»; $p < 0,05$) и снижением работоспособности (60,7% против 31,3%; $p < 0,05$), что отражает повышенную чувствительность к физиологическим аспектам старения и согласуется с концепцией «воплощения стереотипа» Б. Ливи [13], согласно которой интернализованные негативные возрастные стереотипы влияют на самочувствие и восприятие собственного старения. В свою очередь, подгруппа «Хирургия» продемонстрировала гипертрофированную озабоченность именно внешним признаком — потерей упругости кожи (92,3% против 37,5% в подгруппе «Топика» и 50,0% в подгруппе «Малоинвазивные процедуры»; $p < 0,01$), что можно рассматривать как редукцию сложного феномена старения до его видимого компонента и компенсаторную попытку контроля через радикальное внешнее изменение.

Среди факторов, определяющих наступление старости, респонденты наиболее часто выделяют ухудшение самочувствия и ограничение мобильности, что

² Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006. 18 с.

акцентирует внимание на физическом аспекте старения. При этом снижение работоспособности и изменение внешнего вида также играют существенную роль.

Обнаружены значимые различия между подгруппами «Топика» и «Малоинвазивные процедуры». Представители подгруппы «Малоинвазивные процедуры» достоверно чаще связывали наступление старости с ухудшением самочувствия ($p < 0,05$) и снижением работоспособности ($p < 0,05$) по сравнению с подгруппой «Топика». Подгруппа «Малоинвазивные процедуры» также значимо чаще отмечала ограничение мобильности как критерий старости ($p < 0,05$) относительно подгруппы «Топика».

Наиболее выраженные межгрупповые различия выявлены в структуре беспокоящих признаков старения. Подгруппа «Хирургия» продемонстрировала статистически значимо более высокую озабоченность потерей упругости кожи по сравнению как с подгруппой «Топика» ($p < 0,01$), так и с подгруппой «Малоинвазивные процедуры» ($p < 0,05$). При этом подгруппа «Малоинвазивные процедуры» достоверно чаще выражала беспокойство по поводу изменения овала лица относительно подгруппы «Топика» ($p < 0,05$).

Что касается возрастных рамок, абсолютное большинство респондентов склоняются к психологическому, а не хронологическому определению старости, выбирая вариант «состояние души». Конкретный возраст наиболее часто указывали респонденты 50-60 лет.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, что интенсивность и инвазивность практикуемой антивозрастной коррекции связаны с особенностями восприятия признаков старения. Подгруппа, прибегающая к хирургическим методам, демонстрирует более выраженную и специфическую озабоченность внешними проявлениями старения (потеря упругости кожи), в то время как подгруппа, использующая малоинвазивные процедуры, в большей степени акцентирует внимание на физиологических аспектах старения (снижение работоспособности, ухудшение самочувствия).

Эмоциональное отношение к происходящим возрастным изменениям раскрывается через описание беспокоящих признаков старения и самовосприятия. Наибольшую тревогу у респондентов вызывают внутренние, витальные признаки, такие как снижение энергии, а также внешние и функциональные — изменение фигуры, ухудшение памяти и потеря упругости кожи. Это свидетельствует о комплексном характере переживаний, затрагивающем как физическое самочувствие, так и внешний облик. Восприятие своего отражения в зеркале распределено между тремя основными позициями: чуть менее половины респондентов отмечают, что видят себя по-разному в разные дни, что может говорить о ситуативности и нестабильности образа Я. Примерно равные доли видят себя моложе своих лет или соответствующе возрасту, и лишь небольшая группа — старше. Это указывает на тенденцию к позитивному или, как минимум, адекватному восприятию своего визуального возраста.

Наиболее значимые различия были обнаружены в структурной организации временной перспективы. Обнаруженная с помощью анализа интеркорреляций результатов применения методики «Семантический дифференциал старости» в подгруппе «Топика» опосредованная связь между настоящим и конечностью жизни через концепцию старости ($r=0,65$ и $r=0,82$ соответственно) отражает, по-видимому, наиболее адаптивную стратегию, позволяющую постепенно интегрировать идею старения и смерти в целостную картину жизни. Напротив, полная диссоциация актуального Я от образов будущего в подгруппе «Хирургия», где единственная значимая связь наблюдалась между «Я в старости» и «Я перед смертью» ($r=0,59$), свидетельствует о работе мощных защитных механизмов отрицания. Этот феномен хорошо объясняется в рамках теории управления страхом смерти (Terror Management Theory), согласно которой радикальное изменение внешности может служить символическим отрицанием смертности

и угасания [3]. Промежуточная позиция подгруппы «Малоинвазивные процедуры», с одной стороны, демонстрирующая прямую связь «Я сейчас» — «Я перед смертью» ($r=0,43$), что говорит об экзистенциальной честности, а с другой — отрицательные корреляции этой связи с локусом контроля указывают на внутренний конфликт между осознанием конечности и переживанием потери управления над жизнью. Графическая иллюстрация описанных результатов представлена на рис. 1.

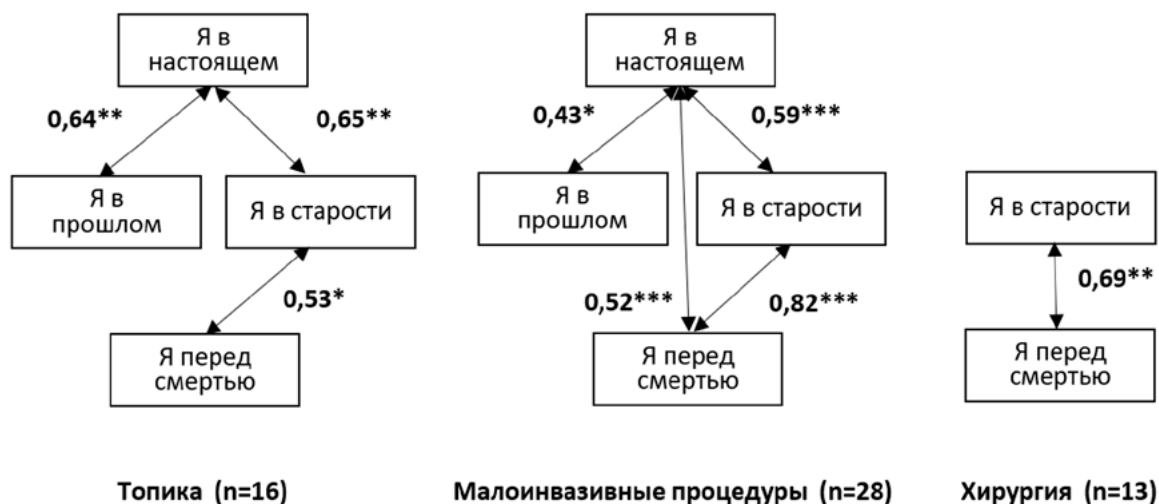

Рисунок 1. Взаимосвязи различных составляющих образа Я в подгруппах с различным опытом АКП (* - значения коэффициента корреляции Спирмена, значимые на уровне $p \leq 0,05$, ** - $p \leq 0,01$, *** - $p \leq 0,001$)

Выявленные особенности смысложизненных ориентаций дополняют выявленную нами картину. Статистически значимое снижение показателей по шкале «Процесс жизни» ($N=9,8$; $p=0,01$) от подгруппы «Топика» ($18,3 \pm 3,8$) к подгруппе «Хирургия» ($15,8 \pm 2,9$) означает, что для лиц, выбирающих радикальные методы коррекции, текущая жизнь в меньшей степени воспринимается как интересная и наполненная смыслом. Респонденты, предпочитающие поверхностный уход, в большей степени воспринимают сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, в то время как для подгруппы, выбирающей хирургические методы коррекции, характерна тенденция к переживанию рутинности, скуки и неудовлетворенности текущим течением жизни. Это согласуется с концепцией «экзистенциального вакуума» В. Франкла [4], когда внутренняя пустота и неудовлетворенность текущим жизненным процессом компенсируются через гипертрофированное внимание к внешности. Тенденция к снижению показателей по шкале «Локус контроля — жизнь» ($N=3,5$; $p=0,17$) также соответствует общей логике: от подгруппы «Топика» ($14,3 \pm 6,8$) к подгруппе «Хирургия» ($10,8 \pm 5,9$) нарастает ощущение, что жизнь контролируется внешними обстоятельствами, а не собственными усилиями. Лица, прибегающие к радикальным методам коррекции внешности, в меньшей степени верят в свою способность контролировать события собственной жизни, воспринимая ее как зависящую от внешних обстоятельств. Аналогичная тенденция ($p=0,12$) наблюдается и в динамике общего показателя осмысленности жизни, который последовательно снижается от подгруппы «Топика» ($85,5 \pm 16,8$) к подгруппе «Хирургия» ($75,5 \pm 17,3$). Это указывает на то, что интенсивность вовлеченности в антивозрастные практики может быть связана с общей степенью экзистенциальной наполненности и осмысленности жизни.

Корреляционный анализ выявил специфические паттерны взаимосвязей между смысложизненными ориентациями и характеристиками образа «Я» в исследуемых группах (рис. 2).

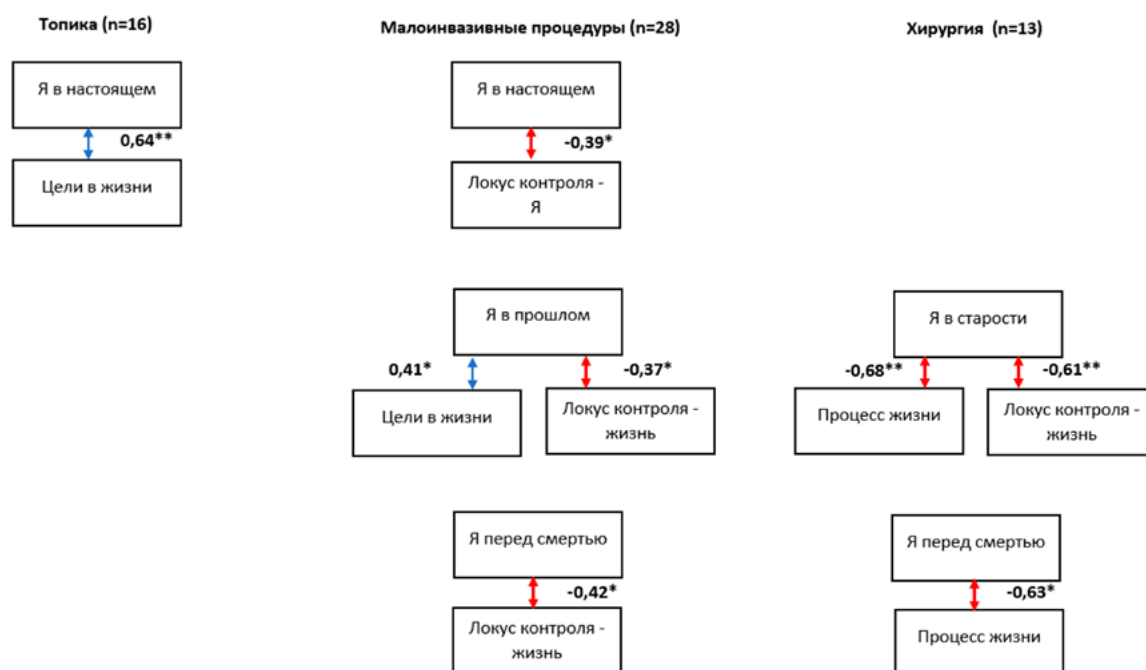

Рисунок 2. Взаимосвязи смысложизненных ориентаций и характеристик образа «Я» в контексте представлений о старости в группах с разным опытом антивозрастных косметических процедур (* – значения коэффициента корреляции Спирмена, значимые на уровне $p \leq 0,05$, ** - $p \leq 0,01$)

Как видно из рисунка, в подгруппе «Топика» обнаружена единственная значимая положительная корреляция между «Я в настоящем» и шкалой «Цели в жизни» ($r=0,64$; $p \leq 0,01$), что свидетельствует о согласованности актуального самовосприятия с наличием четких жизненных целей. Отсутствие значимых корреляций с другими временными модусами Я может указывать на относительную автономность настоящего от прошлого и будущего в смысловом пространстве личности.

В подгруппе «Малоинвазивные процедуры» выявлены противоречивые взаимосвязи: отрицательная корреляция между «Я в настоящем» и «Локусом контроля - Я» ($r=-0,39$; $p \leq 0,05$) указывает на внутренний конфликт, в то время как положительная корреляция между «Я в прошлом» и «Локусом контроля - жизнь» ($r=0,41$; $p \leq 0,05$) подчеркивает значимость прошлого опыта для формирования отношения к управлению жизнью. Особого внимания заслуживает отрицательная корреляция между «Я перед смертью» и «Локусом контроля - жизнь» ($r=-0,42$; $p \leq 0,05$), отражающая связь между представлениями о конечности жизни и ощущением потери контроля.

Обнаруженные сильные отрицательные корреляции в подгруппе «Хирургия» между образами «Я в старости» и «Процессом жизни» ($r=-0,68$; $p \leq 0,01$), а также между «Я перед смертью» и «Процессом жизни» ($r=-0,63$; $p \leq 0,05$) указывают на глубокий экзистенциальный кризис, при котором мысли о старении фактически блокируют возможность переживания смысла в настоящем. Это свидетельствует о глубоком конфликте между восприятием будущих возрастных этапов и осмысленностью текущей жизни. Примечательно отсутствие значимых корреляций с актуальным образом Я, что может указывать на диссоциацию между настоящим и будущим самовосприятием. Этот паттерн соответствует кризису

«отчаяния» на стадии зрелости по Э. Эриксону [8], когда неудача в достижении Эго-интеграции приводит к неприятию жизненного пути в целом и тотальному отрицанию его завершающих этапов.

Таким образом, полученные результаты позволяют не просто констатировать различия между подгруппами, но и вписать их в широкий теоретический контекст современных геронтологических и экзистенциальных исследований. Выбор типа АКП выступает маркером не только эстетических предпочтений, но и глубинных психологических процессов, связанных с адаптацией к старению, управлением экзистенциальной тревогой и поиском смысла на разных этапах зрелости.

Заключение

Проведенное исследование позволило верифицировать и уточнить выдвинутую гипотезу, подтвердив существование качественно различных психологических профилей, связанных с выбором типа антивозрастных косметологических процедур. Полученные результаты раскрывают нелинейный характер этих различий в контексте переживания возрастных изменений на этапе зрелости. Наиболее адаптивный профиль характерен для подгруппы «Топика», для которой свойственны сбалансированная временная перспектива, ориентация на внутренние мотивы ухода за внешностью и относительно высокая осмысленность текущей жизни, что соответствует успешному решению возрастных задач зрелости в понимании Э. Эриксона и может быть рассмотрено в контексте концепции благополучного старения [7].

Подгруппа «Малоинвазивные процедуры» занимает промежуточное, но внутренне конфликтное положение, демонстрируя, с одной стороны, высокую экзистенциальную честность в восприятии конечности жизни, а с другой — выраженную сенситивность к физическим аспектам старения и снижение чувства контроля над собственной жизнью, что может отражать трудности в интеграции опыта на данном возрастном этапе.

Наиболее проблемный психологический профиль выявлен в подгруппе «Хирургия», для которой характерны глубокая диссоциация между актуальным Я и образами будущего, низкая осмысленность жизни и доминирование стратегии тотального отрицания старения через радикальное изменение внешности, что соответствует кризису развития на этапе зрелости.

К ограничениям настоящего исследования относятся кросс-секционный дизайн, не позволяющий устанавливать причинно-следственные связи, а также относительно небольшой объем и специфичность выборки. Перспективными направлениями для дальнейших исследований могли бы стать лонгитюдное изучение динамики психологических характеристик в зависимости от изменения практик АКП в контексте возрастного развития, а также исследование взаимосвязи выявленных профилей с успешностью решения возрастных задач на разных этапах зрелости.

Несмотря на указанные ограничения, полученные результаты имеют несомненную теоретическую и практическую значимость для психологии развития и возрастной психологии. Они раскрывают новые аспекты взаимосвязи между телесным опытом, временной перспективой и смысложизненными ориентациями в период зрелости, а также предоставляют основания для разработки программ психологического сопровождения лиц, переживающих трудности принятия возрастных изменений. Выявленные закономерности могут быть использованы для развития концепции успешного старения и понимания психологических механизмов адаптации к возрастным изменениям на разных этапах зрелого возраста.

Список литературы:

1. Баженова С.А., Данилова Л.Г., Четошникова Л.А. Маркетинг антивозрастных медицинских услуг в эстетической медицине // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2019. Т. 27. № 4. С. 424-428. DOI: 10.32687/0869-866X-2019-27-4-424-428 EDN: QWCEQO
2. Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И. Депрессии позднего возраста: клинико-психологические аспекты исследований // Новые психологические исследования. 2022. № 4. С. 140-171. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_07 EDN: MDMZZM
3. Гаврилова Т.А. Тревога смерти в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 45-54. EDN: NSIPIH
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
5. Новиков А.Л., Новикова И.А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 63-71. EDN: PXZTSP
6. Петраш М.Д., Стрижицкая О.Ю., Крупина К.М. Адаптация русскоязычной версии опросника «Восприятие старения» Aging Perceptions Questionnaire (APQ) // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2024. № 2. С. 223-240 EDN: RJLRKD
7. Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 3. С. 243-257. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.303 EDN: XZICCD
8. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.
9. Buja A., Akhtar S. The association between social capital and quality of life in old adults: a systematic review and meta-analysis // Frontiers in Public Health. 2025. Vol. 13. P. 1-10. DOI: 10.3389/fpubh.2025.1668696 EDN: PWQISU
10. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 296 p.
11. Contemporary Perspectives on Ageism. International Perspectives on Aging. / Ed. L. Ayalon, Cl. Tesch-Römer. Cham: Springer, 2018. Vol. 19. 564 p. DOI: 10.1007/978-3-319-73820-8
12. Kotter-Grühn D. Changing Negative Views of Aging: Implications for Intervention and Translational Research // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35. N 1. P. 167-186. DOI: 10.1891/0198-8794.35.167
13. Levy B.R. Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging // Current Directions in Psychological Science. 2009. Vol. 18. N 6. P. 332-336. DOI: 10.1111/j.1467-8721.2009.01662.x.

Perceptions of old age and life-meaning orientation in individuals undergoing various anti-aging cosmetic procedures

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Starostina Elena Evgenievna

Student at the Institute of Psychological and Social Work (direction «Clinical Psychology») of the Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: elstars71@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-1653-3972

Shalina Olga Sergeevna

PhD, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Medical Psychology at the Institute of Psychological and Social Work of the Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: shalinaya@yandex.ru

RSCI SPIN code: 6131-7790

ORCID ID: 0000-0002-6800-45743

Kotelnikova Anastasia Vladimirovna

Doctor of Psychology, PhD, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Medical Psychology at the Institute of Psychological and Social Work of the Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russian Federation

e-mail: kotelnikova_a_v@staff.sechenov.ru

RSCI SPIN code: 7493-6708

ORCID ID: 0000-0002-9605-557X

Grishina Ekaterina Guennadievna

PhD, Candidate of Psychological Sciences, medical psychologist at the V.G. Mikhailov Social rehabilitation Center of the Department of Labor and Social Protection of the Population of Moscow, Moscow, Russian Federation

e-mail: egrishina2009@yandex.ru

RSCI SPIN code: 2281-4519

ORCID ID: 0009-0001-7312-0703

Abstract

The article presents the results of an empirical study on the perceptions of old age and life-meaning orientations among middle-aged individuals using various types of anti-aging cosmetic procedures. The research methods included a researcher-developed questionnaire designed to collect socio-biographical data and clarify subjective attitudes toward age-related changes, the «Semantic Differential of Old Age» to assess the semantics of attitudes toward various life stages, and the «Life-Meaning Orientations» test. Based on a sample of 57 individuals aged 25–65, it is shown that the choice of procedure type (topical, minimally invasive, or surgical) is associated with distinct patterns of psychological functioning in the context of experiencing age-related changes. It has been established that an increase in the invasiveness of procedures correlates with a more negative perception of old age, a decline in the perceived meaning of the current life process, and a dissociation of the time perspective. The study expands current understanding of the psychological characteristics of individuals undergoing various anti-aging procedures. The results are interpreted through the lens of adult psychological development and contribute to the field of developmental psychology. The findings can be used to develop psychological support programs for patients seeking services at plastic surgery and aesthetic cosmetology clinics.

Keywords

- perceptions of old age • meaning-in-life orientations • anti-aging cosmetic procedures
- time perspective • psychological adaptation • ageism •

References:

1. Bazhenova S.A., Danilova L.G., Chetoshnikova L.A. Marketing of anti-aging medical services in aesthetic medicine // Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine. 2019. N 27(4). P. 424-428.
2. Balashova E.Yu., Mikheladze L.I. Late-life depressions: clinical and psychological aspects of research // New Psychological Research. 2022. N 4. P. 140-171.
3. Gavrilova T. A. Death Anxiety in Horror Management Theory J. Greenberg, T. Piszczynski and Sh. Solomon // Psychological Journal. 2011. V. 32. N 1. P. 45-54.
4. Leontiev D.A. The Life-Sense Orientations Test (LSO). Moscow: Smysl, 2006. 18 p.
5. Novikov A.L., Novikova I.A. The method of semantic differential: theoretical foundations and practice of application in linguistic and psychological research // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2011. N 3. P. 63-71.
6. Petrah M.D., Strizhitskaya O.Yu., Krupina K.M. Adaptation of the Russian version of the Aging Perceptions Questionnaire (APQ) // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education. 2024. N 2. P. 223-240.
7. Sergienko E.A., Kharlamenkova N.E. Psychological factors of successful aging // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education. 2018. Vol. 8. N 3. P. 243-257.
8. Erikson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow: Flinta: MPSI: Progress, 2006. 352 p.
9. Ayalon L., Tesch-Römer C. (eds.). Contemporary Perspectives on Ageism. Cham: Springer, 2018. 564 p.
10. Buja A., Akhtar S. The association between social capital and quality of life in old adults: a systematic review and meta-analysis // Frontiers in Public Health. 2025. Vol. 13. P. 1-10.
11. Gill R. Gender and the Media. Cambridge: Polity Press, 2007. 296 p.
12. Kotter-Grühn D. Changing Negative Views of Aging: Implications for Intervention and Translational Research // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. 2015. Vol. 35. N 1. P. 167-186.
13. Levy B.R. Stereotype Embodiment: A Psychosocial Approach to Aging // Current Directions in Psychological Science. 2009. Vol. 18. N 6. P. 332-336.

Поступила в редакцию: 25.12.2025

Принята в печать: 16.03.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

EDN: HHMORD

УДК 316.64; 330.16

Взаимосвязь уровня психологического благополучия с социальными ожиданиями взрослых в отношении краткосрочных образовательных продуктов в соцсетях

Полякова Оксана Александровна

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация

e-mail: profi.polyakova@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: 5063-4179

ORCID ID: 0009-0003-5289-5838

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования, ориентированного на проверку потенциальной взаимосвязи психологического благополучия взрослых и их социальных ожиданий в отношении образовательных продуктов. Актуальность исследования обусловлена ростом числа краткосрочных образовательных программ, представленных в социальных сетях, и наличием спроса на них. В качестве инструмента оценки уровня психологического благополучия использован опросник К. Рифф, для выявления социальных ожиданий - авторский опросник. В исследовании приняли участие 147 взрослых пользователей социальных сетей. Выявлена отрицательная корреляционная взаимосвязь между частотой формирования нерационализованных ожиданий и такой составляющей психологического благополучия, как «управление окружением». Установлено, что высокий уровень психологического благополучия обуславливает более осознанный подход к самому факту обучения и способствует большему уровню оправданности ожиданий. Подтверждена многоаспектность социальных ожиданий как личностных образований, формирующихся и изменяющихся на протяжении всей жизни. Полученные результаты могут быть использованы в психотерапевтической работе на этапе выбора инструментов решения внутренних задач человека.

Ключевые слова

• взрослые • социальные сети • образовательные продукты • социальные ожидания • психологическое благополучие •

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Введение

Рост объема и скорости обращения информации в современном обществе обусловил целый трансформаций, отражающихся на всех сферах жизни человека. Как справедливо отмечает И.В. Кротова, «технологический прогресс создал новые условия развития личности, и в настоящее время информационная нагрузка может рассматриваться как один из основных факторов современной социальной реальности» [3, с. 9].

Постоянно трансформирующееся и характеризующееся быстрой сменой акцентов информационное пространство обладает всеми характеристиками повсеместности, когда модели социального познания, социального взаимодействия и коммуникации между людьми отражены в различных областях медиатизации общества и структурированы посредством интерпретации [4; 9].

Как отмечают многие исследователи, информационная среда не только оказывает большую нагрузку на пользователя, но и формирует его картину мира, тем самым влияя на его поведение [14; 15]. Одновременно значительно сократился период, когда владение неким конечным объемом знаний и навыков остаётся достаточным для качественного выполнения профессиональных и социальных функций и, соответственно, поддержания определенного уровня конкурентоспособности, в том числе, на рынке труда. Естественным следствием данных процессов стало увеличение социального запроса на образовательные программы для взрослых.

Рынок образовательных услуг в ответ на увеличение спроса существенно увеличился, в том числе, в сегменте неформального образования. Развитие интернет-технологий значительно расширило образовательные возможности для потенциальных обучающихся, фактически нивелируя географические, физические, возрастные и социальные барьеры.

Отдельным сегментом рынка образовательных услуг являются краткосрочные программы, представленные в социальных сетях. Значительная часть таких продуктов создана представителями блогосферы. Авторами-составителями нередко выступают пользователи социальной сети, которые позиционируют себя как эксперты в той иной области, при этом не имея педагогического образования, навыков разработки методических материалов или опыта преподавания. Можно сказать, что в социальных сетях представлено большое количество краткосрочных образовательных продуктов, разработанных одними пользователями соцсетей для других. Несмотря на спорную образовательную ценность этого типа продуктов, рост данного сегмента отмечается не только в нашей стране, но и по всему миру, что указывает на наличие спроса.

Данную ситуацию, на наш взгляд, стоит рассматривать в контексте усиливающейся роли социальных сетей в жизни современного человека. Как отмечает П.Н. Ганский, «в рамках интернет-пространства происходит активное конструирование особой социальной реальности, подчиняющейся своим собственным законам и порядкам» [1, с. 119].

Именно усиление роли социальных сетей, в том числе как источника формирования и корректировки ценностей, социальных установок, социальных ожиданий, стало базовой смыслообразующей идеей для планирования и реализации нашего исследования.

Взрослые обучающиеся, стремясь удовлетворить свои запросы в условиях современного стремительно меняющегося мира, предъявляют определенные требования к содержанию курсу, к организации образовательного процесса, имеют некоторые ожидания в отношении приемлемых для них форматов коммуникации и результатов. Так, по результатам исследования, реализованного R.Bourdeaux и L.Schoenack среди взрослых студентов, проходивших онлайн курсы на базе различных университетов США, «слушатели ожидают от своих преподавателей чёткости, уважения и продуманной структуры самого курса, поскольку

ку первичным приоритетом взрослых студентов является ценность времени, и они не готовы тратить его впустую» [12, р. 157].

Вопросы образования взрослых во взаимосвязи с тем или иными психологическими проблемами исследуются с самых разных точек зрения. В частности, в статье Э.В. Сыманюк и И.В. Девятовской вопросы образования взрослых рассматриваются как ресурс для преодоления как профессиональных, так и личностных кризисов [8]. Е.В. Корсакова рассматривает процесс образования взрослых с точки зрения возрастной динамики социально-психологических характеристик, а также влияния жизненного опыта на мотивацию к обучению [2]. Большое количество психологических исследований, затрагивающих вопросы особенностей образования взрослых и их ожиданий в отношении обучения, посвящено анализу возможностей повышения эффективности образовательных программ [5], а также роли мотивации обучающегося [11; 13].

Анализ литературы показал актуальность обучения взрослых на различных жизненных этапах прежде всего как ресурса поддержания личностной и профессиональной эффективности человека во взаимосвязи с его социально-психологическими характеристиками, в том числе, с его мотивационной сферой. Однако исследователи практически не затрагивают вопрос соотношения личностных характеристик с ожиданиями от обучения. Вместе с тем, ожидания, являясь элементом мотивационной сферы личности, значимо влияют на решение человека обучаться и его выбор в пользу конкретной образовательной программы, а те или иные личностные характеристики могут выступать в качестве факторов, определяющих особенности этих ожиданий.

Одним из таких личностных факторов, на наш взгляд, является психологическое благополучие.

Отметим, что несмотря на широкую распространенность термина «психологическое благополучие» в научной литературе, единой его дефиниции не существует [6, с. 53].

Для нас суть обозначенного понятия наиболее близка в понимании К.Рифф.

Согласно концепции К. Рифф, базовыми компонентами психологического благополучия, являются: автономность, контроль над окружением (компетентность), личностный рост, позитивные отношения с другими, самопринятие, цели в жизни. При этом, каждый выделенный параметр не является отдельной чертой характера или свойств личности, а описывает более сложные характеристики личности, способствующие эффективному функционированию во всех сферах жизни: работа, коммуникации, семейная жизнь и т.д.

Основываясь на концепции психологического благополучия, созданной К. Рифф, а также отмечая вслед за Е. Динером, что исследование психологического благополучия должно учитывать не только непосредственно измеряемый уровень благополучия, но и внутреннюю, индивидуальную систему координат, с которой человек соотносит собственное психологическое благополучие, Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко определили психологическое благополучие как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью [6, с.54].

Данная теория показывает нам психологическое благополучие как сложное переживание удовлетворенности собственной жизнью, включая как ее актуальные, так и потенциальные аспекты. При этом разрыв между тем, чем человек является, и тем, чем он может стать, задает уровень внутреннего напряжения, который потенциально может быть заполнен внешними смыслами.

Цель данной статьи – выявить взаимосвязь уровня психологического благополучия с социальными ожиданиями взрослых в отношении краткосрочных образовательных курсов, представленных в социальных сетях.

В качестве гипотезы было принято следующее положение: люди с высокими показателями психологического благополучия более осознанно подходят к выбору программы обучения, их ожидания реже содержат не рационализированные компоненты

На более ранних этапах проведения исследования мы уже показали, что чем выше уровень психологического благополучия, тем ниже вероятность завышенных ожиданий человека от краткосрочных образовательных продуктов. В частности, мы показали, что «наличие цели и готовность управлять своей жизненной ситуацией во многом определяет само решение обучаться, что в свою очередь формирует адекватные ожидания обучающегося» [7].

На текущем этапе ранее представленные данные дополнены за счет расширения базы респондентов, а также анализа полученных данных с применением подхода выделения нерационализированных ожиданий в отдельную группу. Это позволило рассматривать полученные взаимосвязи на более высоком уровне обобщения.

Выборка и методы исследования

В данном исследовании участвовали взрослые интернет-пользователи в возрасте от 19 до 66 лет, занятые наемным трудом. Всего для опроса было отображено 147 человек, среди которых 66% составили женщины и 34% — мужчины. Все участники имели равный доступ к интернету и как минимум один профиль в социальной сети.

В качестве основной методической базы для оценки уровня психологического благополучия был использован опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптированный Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко [10].

К Рифф, изучая проблематику психологического благополучия, выделила и операционализовала такие его аспекты как самопринятие, позитивные отношения с другими людьми, автономность, управление окружением, наличие цели в жизни и личностный рост. Эти факторы отражают основные компоненты эмоционального, когнитивного и социального функционирования индивида, обеспечивающие оптимальное состояние внутреннего равновесия и удовлетворения жизнью.

Данная методика позволяет диагностировать:

- позитивные отношения: качественное взаимодействие с близкими людьми, дружба и поддержка окружения играют ключевую роль в поддержании высокого уровня психологического благополучия; благополучные личные связи способствуют ощущению защищенности, доверительности и любви;
- автономия: автономность подразумевает независимость мыслей и действий, самостоятельность выбора и ответственность за свою жизнь;
- управление окружением: способность эффективно взаимодействовать с окружением, управлять обстоятельствами и адаптироваться к жизненным ситуациям является важным аспектом психологического благополучия и включает умение организовать пространство вокруг себя таким образом, чтобы оно способствовало удовлетворению потребностей и достижению целей;
- личностный рост: отражают стремление к росту, мотивацию к самосовершенствованию и самоактуализации;
- цель в жизни: наличие четких жизненных ориентиров и смысла существования обеспечивает чувство направления и осмысленности повседневной активности; люди, обладающие ясностью цели, лучше справляются с трудностями и испытывают меньший уровень стресса;
- самопринятие: способность позитивно воспринимать себя, включая признание своих достоинств и недостатков.

Эти факторы тесно взаимосвязаны друг с другом и оказывают совокупное

влияние на общее качество психологического состояния человека.

Для достижения целей исследования нами также был разработан дополнительный опросник, включающий в себя вопросы об ожиданиях в отношении краткосрочных образовательных продуктах, представленных в социальных сетях.

Формулировка предложенных вариантов ответов была направлена на выявление уровня рациональности и оптимистичности ожиданий респондентов. Соответственно для вопроса «Если говорить о краткосрочных курсах, представленных в соцсетях, считаю, что большинство ожидает от них», были предложены следующие варианты ответов: быстрых результатов, просто быть в тренде, «секретных фишек», реальных знаний, ожидания многих расплывчаты. Стоит отметить, что вариант ответа «секретных фишек» аккумулировал в себе всю совокупность нерационализированных ожиданий респондента (с целью подтверждения единообразия в понимании данная формулировка была подобрана и протестирована до запуска основного исследования выборочно на 25 респондентах).

Расчёты проводились с использованием программного обеспечения SPSS. Изучение возможных корреляционных связей между исследуемыми переменными осуществлялось с помощью коэффициента корреляции r-Пирсона.

Обсуждение результатов исследования

В результате статистической обработки полученных данных была выявлена взаимосвязь между уровнем психологического благополучия и отношением к образовательным продуктам, представленным в соцсетях, в целом.

В частности, большинство измеряемых нами показателей психологического благополучия отрицательно коррелируют с частотой выбора ответа «люди зарабатывают деньги, к обучению это никак не относится» (табл. 1).

Таблица 1. Взаимосвязь психологического благополучия и отношения к образовательным продуктам, представленным в социальных сетях

Типы мотивации	Отношение к образовательным программам, представленным в социальных сетях				
	Иногда это отличная возможность быстро и недорого получить дополнительный профессиональный навык	Такие курсы могут быть интересными и полезными, поскольку созданы практиками	Курсы, созданные людьми без педагогического образования, не могут быть полезными	Люди зарабатывают деньги, к обучению это никак не относится	Не помешает для общего развития
Положительные отношения с другими людьми	0,010	0,122	0,179*	-0,170*	-0,006
Автономия	-0,148	0,125	-0,081	0,021	-0,016
Управление окружением	-0,002	0,150	0,199**	-0,274**	-0,081

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Личностный рост	0,048	0,229**	-0,165*	-0,190*	-0,115
Цель в жизни	-0,025	0,265**	0,154	-0,290**	-0,149
Самопринятие	-0,054	0,179*	0,206*	-0,225**	-0,121

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что психологическое благополучие выступает как показатель сбалансированного состояния личности, которой не свойственно категоричное отрицание каких-либо вариантов образовательных продуктов. Данный вывод подкрепляется положительной корреляцией между мнением, что «такие курсы могут быть интересными и полезными, поскольку созданы практиками», и такими компонентами психологического благополучия, как личностный рост ($r = 0,229$, при $p < 0,01$), цель в жизни ($r = 0,265$, при $p < 0,01$), самопринятие ($r = 0,179$, при $p < 0,05$).

Для респондентов с высокими показателями по шкалам «положительные отношения с другими людьми», «управление окружением», «самопринятие» характерно также убеждение, что «курсы, созданные людьми без педагогического образования, не могут быть полезными». Таким образом, респонденты, имеющие четкие цели и убеждения и руководствующиеся ими в жизни, рассматривают образовательные продукты, представленные в социальных сетях, как дополнительную возможность, к которой не стоит относиться скептически и полностью исключать.

На следующем этапе анализа мы сопоставили показатели психологического благополучия с ответами респондентов на вопрос об ожиданиях, которые, по их мнению, имеют потенциальные обучающиеся при обращении к краткосрочным программам электронного образования, представленным в социальных сетях.

Была выявлена следующая взаимосвязь: чем лучше человек контролирует свою внешнюю деятельность, эффективно использует представляющиеся возможности, способен использовать или создавать условия и обстоятельства, тем реже он ожидает «секретных фишек» от краткосрочных электронных образовательных продуктов ($r = -0,227$ при $p < 0,01$) (табл. 2).

Таблица 2. Взаимосвязь психологического благополучия и ожиданий от обращения к краткосрочным программам электронного образования, представленным в социальных сетях

Если говорить о краткосрочных курсах считаю, что большинство ожидает от них:	Показатели психологического благополучия						
	Положительные отношения с другими	Автономия	Управление окружением	Личностный рост	Цель в жизни	Самопринятие	Интегральный показатель
Быстрых результатов	0,220**	-0,139	-0,092	0,158	0,057	-0,075	0,029

Просто хотят быть в тренде	0,105	0,093	0,051	0,033	0,047	0,083	0,091
«Секретных фишек»	0,046	-0,129	-0,227**	0,083	-0,020	-0,044	-0,077
Реальных знаний	-0,043	0,037	-0,144	0,112	-0,044	-0,124	-0,191
Ожидания многих распылчаты	0,056	-0,106	-0,109	0,022	-0,021	-0,065	0,048

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Напомним, что под термином «секретные фишки» мы подразумеваем комплекс не рационализированных респондентами оптимистичных ожиданий.

Корреляционный анализ позволил также выявить взаимосвязь между такой составляющей психологического благополучия, как положительное отношение с другими и ожиданием быстрых результатов ($r = 0,220$ при $p < 0,01$).

Для респондентов, которые указывали, что имели какой-либо опыт обращения к платным или бесплатным образовательным программам, представленным в социальных сетях, в авторском опроснике был предусмотрен уточняющий вопрос о степени оправданности ожиданий от пройденного обучения. Результаты корреляционного анализа позволили выявить положительные корреляционные взаимосвязи с уровнем психологического благополучия с показателем «оправданность ожиданий».

Респонденты, которые имеют средние и высокие показатели психологического благополучия по шкалам: «автономия», «управление окружением», «цель в жизни», «личностный рост» чаще других указывают на оправданность ожиданий от обучения, выбирая ответ: «Я получил(а) определенный набор знаний и навыков, который использую в профессиональной сфере» (табл. 3).

Таблица 3. Взаимосвязь психологического благополучия и субъективного ощущения оправданных ожиданий от образовательных программ в соцсетях

Оправданность ожиданий	Показатели психологического благополучия						
	Положительные отношения с другими	Автономия	Управление окружением	Личностный рост	Цель в жизни	Самопринятие	Интегральный показатель
Я получил(а) определенный набор знаний и навыков, который использую в профессиональной сфере (для получения/увеличения дохода)	-0,007	0,457**	0,573**	0,447*	0,546**	0,226	0,494**

Я получил(а) определенный набор знаний и навыков, использую их в личной жизни, для поддержания красоты/здоровья или в хобби	-0,086	-0,370*	-0,268	0-,146	-0,316	0,239	-0,204
Я не прошёл(ла) курс полностью (не интересно, не хватило самоорганизации)	0,099	-0,160	-0,404**	-0,381*	-0,322	-0,520**	-0,377**

*Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя)

**Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Как видно из таблицы, отрицательная корреляция выявлена между частотой варианта ответа «Я не прошёл(ла) курс полностью (не интересно, не хватило самоорганизации)» и такими показателями психологического благополучия, как «управление окружением» ($r = -0,404$ при $p < 0,01$), «личностный рост» ($r = -0,381$ при $p < 0,05$), «самопринятие» ($r = -0,520$ при $p < 0,01$).

Подобный результат позволяет сделать вывод о том, что высокий уровень психологического благополучия обуславливает более осознанный подход к самому факту обучения, а соответственно способствует большему уровню оправданности ожиданий.

Полученные нами экспериментальные данные подтверждают, что ожидания человека в отношении образовательных программ, представленных в социальных сетях, взаимосвязаны с показателем психологического благополучия. Это выражается в большей вероятности формирования не рационализированных оптимистичных ожиданий в случае снижения общего уровня психологического благополучия или некоторых его составляющих.

Заключение

Обобщающий вывод из нашего исследования можно сформулировать следующим образом: ожидания человека взаимосвязаны с показателями его психологического благополучия. В нашем исследовании подобная взаимосвязь отражена на примере ожиданий от обращений к краткосрочным образовательным продуктам, представленным в социальных сетях.

Продвижение этого типа образовательных продуктов построено на идее минимизации сил и трудозатрат при условии получения быстрых результатов. Фактически речь идет о целенаправленном формировании ожиданий пользователя. Однако пользователи в различной степени подвержены влиянию транслируемого в социальных сетях контента в силу комплекса факторов, одним из которых является уровень психологического благополучия человека, обуславливающий более рациональные компоненты ожиданий.

В результате проведенного исследования было установлено, что:

- существует отрицательная взаимосвязь между частотой формирования не рационализированных ожиданий («секретных фишек») и такой составляющей психологического благополучия, как «управление окружением»;
- респонденты, которые имеют высокие показатели по шкале «положительные отношения с другими» чаще ожидают быстрых результатов;

— высокие показатели психологического благополучия тесно взаимосвязаны с прохождением курса до конца после принятия решения о старте обучения.

В целом результаты нашего эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что сниженные показатели психологического благополучия взаимосвязаны с поиском закрытия и компенсации «проседающих» компонентов, и социальные сети, являясь источником ценностей, которые подменяют собой отсутствующие (например, ввиду недостатка опыта) становятся заместителем информации для создания ожиданий.

Многочисленные примеры социального успеха транслируются в социальных сетях на фоне информации о быстрых и легких способах его достижения. В числе таких способов нередко выступают краткосрочные образовательные программы.

Безусловно, влияние социальных сетей на пользователей различно, что определяется целым комплексом факторов. Однако наше исследование показывает, что одним из предикторов снижения критичности восприятия контента, транслируемого через социальные сети, является пониженный показатель психологического благополучия или отдельных его составляющих.

В ситуациях же, когда показатели психологического благополучия в норме, само решение об обучении становится более осознанным, внешний контент, в частности транслируемый в социальных сетях, оказывает меньшее влияние на возможный выбор за счет более рациональной оценки. В тех ситуациях, когда человек делает выбор в пользу образовательного продукта, представленного в социальных сетях, его ожидания от них менее оптимистичны, более рациональны по сравнению с пользователями, чьи ожидания сформировались под влиянием внешнего информационного потока в силу определенного дисбаланса между компонентами психологического благополучия.

Ограничения исследования – относительно небольшая выборка, не позволяющая учесть фактор жизненного этапа респондента, влияющий на интересы и потребности индивида, в том числе при обращении к различным образовательным программам.

В качестве перспектив дальнейшей проработки проблематики можно обозначить проведение исследования среди респондентов различных поколений, выделяя в качестве дифференцирующего критерия возраст, в котором респондент получил возможность освоения и использования доступа в сеть Интернет.

Список литературы:

1. Ганский П.Н. Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 118-121. EDN: UIXAZN
2. Корсакова Е.В. Система непрерывного образования взрослых: социально-психологические характеристики взрослых учащихся // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2014. № 2(82). С. 154-159. EDN: SERLXB
3. Кротова И.В. Личность в информационной среде: осознаваемые архетипы // Личность: ресурсы и потенциал. 2025. № 3(27). С.9-21. EDN: ISHKLM
4. Марцинковская Т.Д., Андреева (Голубева) Н.А., Преображенская С.В. Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 347-361. DOI: 10.21638/spbu16.2023.304 EDN: UORWFR
5. Матухин Д.Л. Психолого-возрастные особенности и основные психологические функции взрослых обучающихся // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 159-163. EDN: ILLJXR

6. Орлова Д.Г. Оценка психометрического качества и модификация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 26(3). С. 53-62. EDN: WVQBSL
7. Полякова О.А., Овсяник О.А. Взаимосвязь социальных ожиданий взрослых пользователей социальных сетей в отношении программ краткосрочного электронного образования и уровня психологического благополучия // Психологические исследования. 2025. Т. 18. №104 (4). DOI: 10.54359/ps.v18i104.2013 EDN: ECINUH
8. Сыманюк Э.Э., Девятковская И.В. Непрерывное образование как ресурс преодоления психологических барьеров в процессе профессионального развития личности // Образование и наука. 2015. № 1(120). С. 80-92 EDN: TJYQFL
9. Хорошилов Д.А. Оцифрованный разум: медиатизация социального познания в культуре, науке и искусстве // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 9-22. DOI: 10.17759/sps.2019100402 EDN: GHHYPV
10. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95-129.
11. Allwright R.L. The Importance of Interaction in Classroom Language Learning // Applied Linguistics. 1984. Vol. 5. № 2. P. 195. EDN: ILATQP
12. Bourdeaux R., Schoenack L. Adult Student Expectations and Experiences in an Online Learning Environment // The Journal of Continuing Higher Education. 2016. Vol. 3(64). P.152-161.
13. Melvin B.S. Motivating Language Learners through Authentic Materials / B.S. Melvin, D.S. Stout // Interactive Language Teaching / Ed. by W.M. Rivers. Cambridge, 1987. P. 85.
14. Profiling misinformation susceptibility / Ya. Kyrychenko [et al.] // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 241. P. 1-6. DOI: 10.1016/j.paid.2025.113177 EDN: NFKQSR
15. Schramm H., Olbermann Z. and Mayer F. The involvement concept –replaceable or irreplaceable? A case for a conceptual analysis of a core concept of media psychological communication research // Front. Psychol. 2024. Vol. 15. P. 1-9. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1395895 EDN: NCPWHJ

The correlation between psychological well-being and adults' social expectations of short-term educational products on social media

Polyakova Oksana Aleksandrovna

independent researcher; Moscow, Russian Federation

e-mail: profi.polyakova@yandex.ru

RSCI SPIN code: 5063-4179

ORCID ID: 0009-0003-5289-5838

Abstract

The article presents the results of an empirical study aimed at testing the potential correlation between adult psychological well-being and their social expectations regarding educational products. The relevance of the study is due to the growing number of short-term educational programs presented on social media and the increasing demand for them. To assess psychological well-being, Ryff's Scales of Psychological Well-being was used, while social expectations were identified through a researcher-developed questionnaire. A total of 147 adult social media users participated in the study. A negative correlation has been found between the frequency of forming non-rationalized expectations and the «environmental mastery» component of psychological well-being. It has been established that a high level of psychological well-being determines a more conscious approach to the learning process itself and contributes to a higher degree of expectation fulfillment.

The multidimensional nature of social expectations as personality constructs that form and change throughout the lifespan has been confirmed. The findings can be applied in psychotherapeutic practice at the stage of selecting tools for addressing an individual's internal challenges.

Keywords

• adults • social media • educational products • social expectations • psychological well-being •

References:

1. Gansky P.N. The Internet space as a special communication environment and its impact on modern societies // Theory and practice of social development. 2015. N 17. P. 118-121. EDN: UIXAZN
2. Korsakova E.V. The system of continuous adult education: socio-psychological characteristics of adult learners // Bulletin of the I.Ya. Yakovlev ChSPU. 2014. N 2(82). P. 154-159. EDN: SERLXB
3. Krotova I.V. Personality in the information environment: perceived archetypes // Personality: resources and potential. 2025. N 3(27). P. 9-21. EDN: ISHKLM
4. Marcinkovskaya T.D., Andreeva (Golubeva) N.A., Preobrazhenskaya S.V. Information identity and information perception as a new digital everyday life // Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2023. Vol. 13. N 3. P. 347-361. DOI: 10.21638/spbu16.2023.304 EDN: UORWFR
5. Matukhin D.L. Psychological and age-related features and basic psychological functions of adult learners // Bulletin of Tomsk State Law University. 2008. N 308. P. 159-163. EDN: ILLJXR
6. Orlova D.G. Assessment of psychometric quality and modification of the questionnaire «Scale of psychological well-being» K. Riff // Bulletin of the Udmurt University. The series «Philosophy. Psychology. Pedagogy». 2016. N 26(3). P. 53-62. EDN: WVQBSL
7. Polyakova O.A., Ovsyanik O.A. The relationship between the social expectations of adult users of social networks in relation to short-term e-education programs and the level of psychological well-being // Psychological research. 2025. Vol. 18. N 104 (4). DOI: 10.54359/ps.v18i104.2013 EDN: ECINUH
8. Simanyuk E.E., Devyatovskaya I.V. Continuous education as a resource for overcoming psychological barriers in the process of professional personal development. 2015. N 1(120). P. 80-92 EDN: TJYQFL

9. Khoroshilov D.A. Digitized mind: mediatization of social cognition in culture, science and art // Social Psychology and society. 2019. Vol. 10. N 4. P. 9-22. DOI: 10.17759/sps.2019100402 EDN: GHHYPV
10. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psychological well-being of the individual (review of concepts and research methodology) // Psychological diagnostics. 2005. N 3. P. 95-129.
11. Allwright R.L. The Importance of Interaction in Classroom Language Learning // Applied Linguistics. 1984. Vol. 5. N 2. P. 195.
12. Bourdeaux R., Schoenack L. Adult Student Expectations and Experiences in an Online Learning Environment // The Journal of Continuing Higher Education. 2016. Vol. 3 (64). P. 152-161.
13. Melvin B.S. Motivating Language Learners through Authentic Materials / B.S. Melvin, D.S. Stout // Interactive Language Teaching / Ed. by W.M. Rivers. Cambridge, 1987. P. 85
14. Profiling misinformation susceptibility / Ya. Kyrychenko [et al.] // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 241. P. 1-6. DOI: 10.1016/j.paid.2025.113177 27 EDN: NFKQSR
15. Schramm H., Olbermann Z. and Mayer F. The involvement concept –replaceable or irreplaceable? A case for a conceptual analysis of a core concept of media psychological communication research // Front. Psychol. 2024. Vol. 15. P. 1-9. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1395895 EDN: NCPWHJ

Поступила в редакцию: 30.01.2026

Принята в печать: 05.03.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

ЛИЧНОСТЬ:
РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

**ТРАЕКТОРИИ
ЛИЧНОСТНОГО
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

EDN: HJWYFL

УДК 316.6

Особенности профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации

Базылев Ян Станиславович

Аспирант Государственного университета управления, Москва, Российская Федерация
e-mail: ybazylev3@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 2227-3804
ORCID ID: 0009-0006-8394-4446

Арамян Каринэ Арменовна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент Государственного университета управления, Член Рабочей группы по цифровой экономике при Национальном совете по профессиональным квалификациям при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
e-mail: aramyan.ka@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 8654-8686
ORCID: 0000-0001-9729-0451

Аннотация

В статье рассматриваются социально-психологические особенности профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации. Актуальность исследования обусловлена изменением условий профессионального становления личности, расширением цифровых форм взаимодействия и ростом неопределённости профессиональных ролей и критериев профессиональной успешности. Эмпирическое исследование проведено на выборке молодых специалистов в возрасте от 22 до 35 лет ($n=80$). В работе применён комплекс методов, включающий психодиагностическую оценку уровня и структурных компонентов профессиональной идентичности (когнитивного, ценностно-смыслового и оценочного), а также статистическую обработку данных (описательная статистика и корреляционный анализ при $p \leq 0,05$) с использованием стандартных программных средств. Теоретические основания выделения компонентов и анализа ценностно-смысловых аспектов опираются на работы Wang B., Liu Y., Qian J., Parker S.K., а также Е.Н. Корчагина и А.В. Лобановой. Полученные результаты свидетельствуют о средней степени выраженности профессиональной идентичности у молодых специалистов и её структурной неоднородности, проявляющейся в различном уровне сформированности

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

её когнитивного, ценностно-смыслового и оценочного компонентов. Показано, что цифровая трансформация выступает значимым контекстным фактором, усиливающим вариативность профессиональных представлений и влияющим на процесс профессионального становления личности.

Ключевые слова

• молодые специалисты • профессиональная идентичность • профессиональное становление • профессиональное развитие • цифровая трансформация •

Введение

Цифровая трансформация социальных и профессиональных практик в последние годы становится одним из ключевых факторов изменения условий жизнедеятельности личности. Переход многих сфер труда и образования на цифровые платформы, широкое внедрение инструментов удалённой координации, цифровых систем контроля и оценки результатов, а также рост роли онлайн-репутации перестраивают не только «технику» выполнения деятельности, но и способы включённости человека в профессиональную среду. Расширение дистанционных форм взаимодействия, гибридных форм занятости, цифровых каналов коммуникации и самопрезентации приводит к заметному размыванию границ между рабочими и внерабочими контекстами, повышает интенсивность информационных потоков и усиливает зависимость профессионального успеха от способности управлять собственной представленностью в цифровом пространстве [15].

Одновременно цифровая среда существенно расширяет пространство профессионального выбора: появляются новые профессии и форматы занятости, возрастает доступность профессиональных сообществ и образовательных траекторий, ускоряется обмен опытом и формирование сетей контактов. Однако эта «расширенная» вариативность сопровождается ростом неопределённости: становятся менее устойчивыми критерии профессиональной эффективности, меняются требования к компетенциям, а профессиональные роли всё чаще приобретают проектный и гибридный характер. Эмпирические исследования трудовых практик в условиях удалённой и гибридной занятости показывают, что цифровая организация труда способна одновременно восприниматься как предпочтительная и как более нагруженная, что подчёркивает неоднозначность психологических последствий цифровых форм работы [1; 6]. В этих условиях особую актуальность приобретает анализ психологических оснований профессиональной идентичности личности, формирующейся и реализующейся в контексте цифровых социальных изменений. Профессиональная идентичность становится не только результатом освоения норм и ценностей профессии, но и механизмом согласования «образа себя как профессионала» с постоянно меняющимися цифровыми требованиями, режимами коммуникации и способами профессионального признания. Именно поэтому дальнейшее рассмотрение профессиональной идентичности как сложного и контекстуально обусловленного социально-психологического образования представляется методологически необходимым [5].

В современной социальной психологии Л.Б. Шнейдер рассматривает профессиональную идентичность как сложное, динамичное образование, отражающее осознание субъектом своей принадлежности к профессиональному

сообществу, принятие профессиональных ролей, норм и ценностей, а также субъективную оценку собственной профессиональной состоятельности [14]. Исследователи подчёркивают, что профессиональная идентичность выполняет регулятивную функцию, определяя особенности профессионального поведения, устойчивость к изменениям и готовность личности к профессиональному развитию [4], и отмечают, что в условиях высокой социальной изменчивости идентичность приобретает процессуальный характер и становится чувствительной к контексту среды.

Цифровая трансформация усиливает контекстуальную зависимость профессиональной идентичности, создавая новые формы профессионального опыта и новые основания для идентификационных процессов. По данным современных исследований, цифровая среда одновременно расширяет возможности профессиональной самореализации и повышает уровень неопределённости профессиональных границ, ролей и критериев эффективности. Так, в работах М.В. Клементьевой показано, что цифровизация изменяет способы включения личности в профессиональные сообщества, трансформирует механизмы социального сравнения и влияет на структуру профессионального Я-образа [8].

Особый научный интерес в данном контексте представляет анализ профессиональной идентичности молодых специалистов, находящихся на этапе активного профессионального становления. Современные эмпирические данные указывают на то, что этот период характеризуется повышенной вариативностью профессиональных траекторий, сочетанием устойчивых и нестабильных идентификационных оснований, а также высокой чувствительностью к условиям социальной и технологической среды. Именно в начале профессионального пути формируются ключевые идентификационные конструкты, определяющие дальнейшее профессиональное развитие [11].

Несмотря на растущее количество публикаций, посвящённых цифровой трансформации труда и профессионального развития, проблема профессиональной идентичности личности в условиях цифровой трансформации по-прежнему остается недостаточно систематизированной в отечественной социальной психологии. В ряде исследований анализируются отдельные аспекты цифровизации: профессиональные ценности, мотивация, адаптация или профессиональное благополучие, — однако работ, в которых профессиональная идентичность как социально-психологический феномен, формирующийся в изменяющихся цифровых условиях, рассматривается целостно, отсутствуют [13; 15; 16].

Это определяет актуальность дальнейших исследований, направленных на выявление социально-психологических особенностей профессиональной идентичности личности в условиях цифровой трансформации.

Теоретической основой настоящего исследования послужили социально-психологические подходы к анализу идентичности личности, в рамках которых идентичность рассматривается как результат активного соотнесения субъектом себя с социальными группами, ролями и системами значений [3]. В этой логике идентичность выступает не «фиксированной характеристикой», а процессом, включающим самокатегоризацию, социальное сравнение, освоение групповых норм и построение субъективно значимых интерпретаций собственного опыта.

В данном контексте профессиональная идентичность понимается как частный, но структурно значимый компонент социальной идентичности, отражающий осознание личностью своей принадлежности к профессиональному сообществу и принятие соответствующих норм, ценностей и ролевых ожиданий. При этом профессиональная идентичность формируется на пересечении личностного «Я» и социального «Мы»: с одной стороны, она опирается на индивидуальный опыт, жизненные смыслы и представления о собственных возможностях, а с другой, задаётся системой профессиональных стандартов, символов, языков описания деятельности и коллективных критериев «хорошего специалиста» [7].

С социально-психологической точки зрения профессиональная идентичность может рассматриваться как многоуровневое и многоаспектное образование, включающее:

- когнитивный компонент (знания о профессии, понимание профессиональной роли, представления о себе как о специалисте);
- ценностно-смысловой компонент (принятие профессиональных ценностей, целей и смыслов, включённость профессии в систему жизненных приоритетов);
- оценочно-аффективный компонент (переживание принадлежности к профессиональной группе, уверенность в собственной профессиональной состоятельности, эмоционально окрашенная оценка себя и своей деятельности).

Такое понимание позволяет связать профессиональную идентичность с регуляцией поведения и профессионального развития: она задаёт направление профессиональных выборов, поддерживает устойчивость в условиях изменений и выступает психологическим основанием готовности к освоению новых требований.

Принципиально важным для нашего исследования является положение о контекстуальной обусловленности идентичности: её содержание и устойчивость зависят от характеристик социальной среды, плотности и качества профессиональных взаимодействий, а также от степени определённости норм и границ профессии [10]. В условиях цифровых социальных изменений (расширения дистанционных форм занятости и коммуникации) это усиливает динамичность профессиональной идентичности и повышает значимость анализа механизмов её формирования как в офлайн-, так и в онлайн-профессиональных сообществах.

В отечественной психологии идентичность трактуется как динамическое образование, формирующееся в процессе социального взаимодействия и опосредованное социокультурным контекстом. При этом в работах Л.М. Митиной подчёркивается, что идентификационные процессы зависят от степени стабильности социальной среды и характера предъявляемых ею требований [11]. Таким образом, в условиях трансформации социальных практик возрастает роль контекстных факторов, определяющих содержание и устойчивость идентичности.

Существенное значение для настоящего исследования имеет социально-психологический подход, акцентирующий внимание на роли профессионального сообщества как источника норм, ценностей и критериев профессиональной успешности. Профессиональное сообщество в данном случае выступает не просто «контекстом деятельности», а референтной группой, задающей образцы профессионального поведения, способы интерпретации трудовых ситуаций и «язык» описания профессионального опыта. Именно через соотнесение себя с коллективными представлениями о профессии (о «хорошем специалисте», «качественной работе», «профессиональной ответственности») личность уточняет собственные основания профессионального самоопределения и формирует устойчивый профессиональный Я-образ.

Профессиональная идентичность формируется в процессе интериоризации профессиональных стандартов и через включённость личности в систему профессиональных взаимодействий [2]. При этом интериоризация включает не только усвоение формальных регламентов и компетенций, но и принятие неформальных норм: способов сотрудничества, критериев признания, ожиданий относительно профессиональной роли и допустимых стратегий решения задач. Включённость в профессиональные взаимодействия реализуется через совместную деятельность, обратную связь, наставничество, участие в профессиональных обсуждениях и практиках взаимной оценки, что усиливает субъективное переживание принадлежности к профессиональной группе и повышает определённость профессиональных перспектив.

При этом степень выраженности профессиональной идентичности определяется не только индивидуальными характеристиками, но и условиями социальной среды. Существенную роль играют доступность профессиональных коммуникаций, качество организационной культуры, ясность критериев оценки результатов, поддержка со стороны более опытных коллег и возможность наблюдать признанные образцы профессиональной успешности. В современных исследованиях показано, что профессиональная идентичность и удовлетворённость профессиональной деятельностью связаны с благополучием на рабочем месте и такими показателями, как вовлечённость и инициативность, а также снижением эмоционального истощения. Тем самым социально-организационные условия становятся значимым ресурсом (или барьером) укрепления профессиональной идентичности [13].

Важно подчеркнуть, что в условиях цифровизации профессиональные сообщества всё чаще функционируют в смешанном (офлайн / онлайн) формате: нормы и критерии профессиональной успешности транслируются не только через непосредственный контакт, но и через цифровые каналы, профессиональные платформы и сетевые формы взаимодействия. Это расширяет пространство профессиональных сравнений и ускоряет обмен профессиональными образцами, одновременно повышая вариативность идентификационных оснований и чувствительность профессиональной идентичности к изменениям в среде.

Методологически значимым для исследования является также учёт влияния цифровой трансформации как фактора изменения условий профессиональной социализации. В исследованиях О.А. Сычева и Т.А. Гурьяновой подчёркивается, что цифровая среда модифицирует формы профессионального взаимодействия, расширяет пространство идентификационных выборов и одновременно снижает жёсткость профессиональных границ [12]. Это позволяет рассматривать цифровую трансформацию не как самостоятельный объект анализа, а как контекст, опосредующий процессы формирования профессиональной идентичности.

В рамках настоящего исследования профессиональная идентичность рассматривается как социально-психологическое образование, формирующееся во взаимодействии личности с профессиональной и социокультурной средой, трансформирующейся под влиянием цифровых изменений [16]. Данное теоретическое положение определяет выбор логики эмпирического исследования и используемых методов.

Целью настоящего исследования является выявление социально-психологических особенностей профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации.

Задачи исследования:

- выявить особенности выраженности и структуры профессиональной идентичности молодых специалистов;
- определить роль цифровой трансформации как контекстного фактора формирования профессиональной идентичности.

Выборка и методы исследования

В эмпирическом исследовании приняли участие молодые специалисты, находящиеся на этапе начального профессионального становления. Общий объём выборки составил 80 человек в возрасте от 22 до 35 лет. Все респонденты имели опыт профессиональной деятельности не менее одного года. В выборку вошли представители различных профессиональных сфер, что позволило рассматривать особенности профессиональной идентичности вне рамок конкретной профессии и сосредоточиться на социально-психологических закономерностях формирования этого социально-психологического феномена.

В качестве основного метода исследования профессиональной идентичности была использована методика изучения профессиональной идентичности личности, направленная на диагностику степени выраженности и структурных компонентов профессиональной идентичности (когнитивного, ценностно-смыслового и оценочного), описанная в работах Wang, B., Liu, Y., Qian, J., Parker, S.K. [16]. Выбор данной методики обусловлен её соответствием современным социально-психологическим представлениям о профессиональной идентичности как многоуровневом образовании, формирующемся в процессе включения личности в профессиональную среду.

Для оценки ценностно-смысловых аспектов профессиональной идентичности использовалась методика, описанная в работе Е.Н. Корчагина и А.В. Лобановой, направленная на изучение профессиональных ценностей и смыслов, отражающих субъективную значимость профессиональной деятельности и степень её включённости в систему жизненных приоритетов личности. В ней подчёркивается роль ценностно-смысловых оснований в формировании устойчивой профессиональной идентичности на ранних этапах профессионального пути [9].

Для обработки эмпирических данных применялись методы описательной и аналитической статистики. Анализ включал расчёт показателей центральной тенденции и мер вариативности, а также корреляционный анализ, позволивший выявить взаимосвязи между компонентами профессиональной идентичности. Для оценки взаимосвязей использовался коэффициент корреляции Пирсона. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием стандартных программных средств математической статистики. Уровень статистической значимости принимался равным $p \leq 0,05$.

Использование данного методического комплекса обеспечило возможность комплексного анализа социально-психологических особенностей профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации и позволило получить эмпирические данные, релевантные цели и задачам исследования.

Обсуждение результатов исследования

На первом этапе анализа были рассмотрены описательные статистики показателей профессиональной идентичности молодых специалистов. Полученные данные свидетельствуют о том, что в целом уровень профессиональной идентичности респондентов характеризуется средней степенью выраженности ($M=3,42$; $SD=0,61$), что соответствует этапу начального профессионального становления и указывает на продолжающийся процесс профессионального самоопределения.

Анализ структурных компонентов профессиональной идентичности показал, что наиболее выраженным является когнитивный компонент, отражающий осознание принадлежности к профессиональной группе и понимание содержания профессиональной роли ($M=3,68$; $SD=0,57$). Ценностно-смысловой компонент, связанный с субъективной значимостью профессии и её включённостью в систему жизненных приоритетов личности, имел умеренные значения ($M=3,39$; $SD=0,63$). Наименее выраженным оказался оценочный компонент, отражающий уверенность в собственной профессиональной состоятельности и устойчивость профессиональных представлений ($M=3,19$; $SD=0,66$).

Корреляционный анализ позволил выявить ряд статистически значимых взаимосвязей между компонентами профессиональной идентичности. Так, были обнаружены положительные корреляции между когнитивным и оценочным компонентами профессиональной идентичности ($r=0,41$; $p \leq 0,01$), что указывает на согласованность осознания профессиональной принадлежности и субъ-

ективной оценки собственной профессиональной компетентности. Также была выявлена значимая положительная связь между ценностно-смысловым и оценочным компонентами ($r=0,36$; $p \leq 0,05$), свидетельствующая о том, что повышение субъективной значимости профессиональной деятельности сопровождается ростом уверенности в профессиональной состоятельности.

В то же время анализ показал повышенную вариативность показателей оценочного компонента профессиональной идентичности, что подтверждается более высокими значениями стандартного отклонения по данной шкале (табл. 1).

Таблица 1. Показатели центральной тенденции и вариативности компонентов профессиональной идентичности

Компонент	M	SD
Когнитивный	3,68	0,57
Ценностно-смысловой	3,39	0,63
Оценочный	3,19	0,66

Это позволяет говорить о наличии индивидуальных различий в степени сформированности профессиональной идентичности у молодых специалистов и указывает на неоднородность исследуемой группы.

Дополнительный анализ распределения показателей профессиональной идентичности позволил выделить тенденцию к сочетанию относительно сформированных когнитивных представлений о профессии с менее устойчивыми ценностно-смысловыми и оценочными основаниями. Полученные данные отражают специфику профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации, при которой расширение профессиональных возможностей сочетается с неопределённостью критериев профессиональной успешности и границ профессиональной ответственности.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что профессиональная идентичность молодых специалистов характеризуется структурной неоднородностью и различной степенью выраженности её компонентов, что создаёт основу для дальнейшей интерпретации выявленных закономерностей в контексте социально-психологических условий цифровой трансформации.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить социально-психологические особенности профессиональной идентичности молодых специалистов в условиях цифровой трансформации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что профессиональная идентичность на этапе начального профессионального становления характеризуется средней степенью выраженности, что отражает продолжающийся процесс профессионального самоопределения и поиск устойчивых профессиональных ориентиров.

Анализ структуры профессиональной идентичности показал её внутреннюю неоднородность. Наиболее сформированным компонентом является когнитивный, связанный с осознанием профессиональной принадлежности и пониманием содержания профессиональной роли, тогда как ценностно-смысловой и оценочный компоненты отличаются большей вариативностью и меньшей

устойчивостью. Это указывает на рассогласование между осознанием профессиональной идентичности и субъективной уверенностью молодых специалистов в собственной профессиональной состоятельности.

Выявленные взаимосвязи между компонентами профессиональной идентичности подтверждают её целостный характер и подчёркивают значимость согласованности когнитивных, ценностных и оценочных оснований в процессе профессионального становления личности. При этом условия цифровой трансформации выступают значимым контекстным фактором, усиливающим вариативность профессиональных представлений и повышающим чувствительность профессиональной идентичности к изменениям социальной и профессиональной среды.

Полученные результаты следует интерпретировать с учётом параметров выборки, поэтому обобщение выводов на отдельные профессии/отрасли, а также на другие возрастные и профессиональные группы требует дополнительной проверки. Применённые процедуры обработки данных (описательная статистика и корреляционный анализ при $p \leq 0,05$) позволяют выявлять взаимосвязи между компонентами профессиональной идентичности, однако не дают оснований для заключений о причинно-следственных отношениях. В дальнейшем целесообразно расширить и дифференцировать выборку (в том числе за счёт сравнительного анализа профессиональных групп) и более детально изучить цифровую трансформацию как контекст профессионального становления, выделив и сопоставив конкретные условия цифрового взаимодействия, которые могут по-разному быть связаны со структурой профессиональной идентичности.

Список литературы:

1. Балабанова Е.С., Молчанова Д.А. Труд в условиях удаленной и гибридной занятости (на примере работников IT-компаний) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. № 1. С. 3-25. DOI: 10.21638/spbu12.2022.101 EDN: REROUN
2. Белинская Е.П. Совладание с трудностями как проблема в социальной психологии // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 4. С. 16-30. DOI: 10.17759/sps.2025160402 EDN: FMNMWF
3. Белинская Е.П. Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 5-11. DOI: 10.17759/sps.2024150401 EDN: OREXIY
4. Бермус А.Г. Профессиональная идентичность педагога в эпоху искусственного интеллекта: к построению исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2025. Т. 22. № 4. С. 389-399. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399 EDN: EMUBVZ
5. Векторная модель развития профессиональной идентичности современных специалистов с разным уровнем психологического благополучия в условиях цифровизации профессиональных сред / [Абдуллаева М.М. и др.] // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. № 4. С. 11-35. DOI: 10.11621/LPJ-23-37. EDN: CSPSCG
6. Вяльшин Н.Р. Профессиональная идентичность как фактор цифрового бытия // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2024. № 3(66). С. 30-36. DOI: 10.26907/2079-5912.2024.3.30-36 EDN: LHFOSY
7. Гришина Н.В. Идентичность как проявление целостности личности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15. № 4. С. 12-24. DOI: 10.17759/sps.2024150402 EDN: IHSWDW

8. Клементьева М.В. Статусы виртуальной идентичности: понятие и методика оценки («Статус ВИ») // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 21. № 1. С. 79-100. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-79-100 EDN: GOPCQF
9. Корчагин Е.Н. Профессиональная идентичность: обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. С. 190-203. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-1-190-203 EDN: BIZFBN
10. Корчагин Е.Н., Лобанова А.В. Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14. № 1. С. 45-56. DOI: 10.17759/jmfp.2025140105 EDN: THPLMX
11. Митина Л.М. Личностно-профессиональное развитие педагога: современное осмысление и инновационная практика // Вестник практической психологии образования. 2022. Т. 19. № 2. С. 9-19. DOI: 10.17759/bppe.2022190201 EDN: ZGOKPF
12. Сычев О.А., Гурьянова Т.А. Цифровые ресурсы личностного развития и карьерные планы современной молодежи // Психологическая наука и образование. 2025. Т. 30. № 1. С. 105-117. DOI: 10.17759/pse.2025300108 EDN: OZCIEQ
13. Чекалева Н.В., Алексеева Т.Ю. Развитие профессиональной идентичности на основе профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 3(32). С. 159-162. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-159-162 EDN: SAKMVN
14. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования: монография. М.: Прометей, 2004. 334 с.
15. De Boer P., Bordoloi P. Nationality differences in Gen Z work values: an exploratory study // Journal of International Education in Business. 2022. N 15(2). P. 373-392. DOI: 10.1108/JIEB-09-2021-0088 EDN: IPRRSW
16. Achieving effective remote working during the COVID-19 pandemic: a work design perspective / B. Wang [et al.] // Applied Psychology: An International Review. 2021. N 70(1). P. 16-59. DOI: 10.1111/apps.12290 EDN: MTKWBS.

Professional identity characteristics of young professionals amidst digital transformation

Bazylev Yan Stanislavovich

Postgraduate Student at the State University of Management, Moscow, Russian Federation

e-mail: ybazylev3@yandex.ru

RSCI SPIN code: 2227-3804

ORCID ID: 0009-0006-8394-4446

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Aramyan Karine Armenovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the State University of Management, Member of the Working Group on Digital Economy at the National Council for Professional Qualifications under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

e-mail: aramyan.ka@gmail.com

RSCI SPIN code: 8654-8686

ORCID: 0000-0001-9729-0451

Abstract

The article examines the socio-psychological characteristics of young professionals' professional identity in the context of digital transformation. The changing conditions of professional development, the expansion of digital interaction, and the increasing uncertainty of professional roles and success criteria drive the relevance of the study. The empirical study was conducted on a sample of 80 young professionals aged 22 to 35 (n=80). The study employed a multi-method approach, including psychodiagnostic assessment of professional identity levels and its structural components (cognitive, value-semantic, and evaluative), alongside statistical data processing (descriptive statistics and correlation analysis at $p \leq 0.05$) using standard software packages. The theoretical foundations for identifying the components and analyzing the value-semantic aspects are based on the works of Wang B., Liu Y., Qian J., and Parker S.K., as well as E.N. Korchagin and A.V. Lobanova. The findings indicate a moderate level of professional identity among young professionals and its structural heterogeneity, manifested in varying degrees of development across its cognitive, value-semantic, and evaluative components. It is shown that digital transformation serves as a significant contextual factor that increases the variability of professional perceptions and influences the process of professional identity development.

Keywords

• young professionals • professional identity • professional formation • professional development • digital transformation •

References:

1. Balabanova E.S., Molchanova D.A. Work in the field of intellectual and hybrid activities (primarily, IT companies) // Bulletin of St. Petersburg.- St. Petersburg University. Sociology. Vol. 15. N 1. P. 3-25. DOI: 10.21638/spbu12.2022.101 EDN: REROUN
2. Belinskaya E.P. Coping with difficulties as a problem in social psychology// Social psychology and society. 2025. Volume 16. N 4. P. 16-30. DOI: 10.17759/sps.2025160402 EDN: FMNMWF
3. Belinskaya E.P. Correlation of social and personal identities: the current state of the problem // Social psychology and society. 2024. Vol. 15. N 4. P. 5-11. DOI: 10.17759/sps.2024150401 EDN: OREXIY
4. Bermus A.G. Professional identity of a teacher in the era of artificial intelligence: towards building a research program // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education. 2025. Vol. 22. N 4. P. 389-399. DOI: 10.22363/2312-8631-2025-22-4-389-399 EDN: EMUBVZ

5. Vector model of the development of professional identity of modern specialists with different levels of psychological well-being in the context of digitalization of professional environments / [Abdullayeva M.M. et al.] // Bulletin of the Moscow University. Episode 14. Psychology. 2023. Vol. 46. N 4. P. 11-35. DOI: 10.11621/LPJ-23-37. EDN: CSPSCG
6. Vyalshin N.R. Professional identity as a factor of digital existence // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2024. N 3(66). P. 30-36. DOI: 10.26907/2079-5912.2024.3.30-36 EDN: LHFOSY
7. Grishina N.V. Identity as a manifestation of personality integrity // Social psychology and society. 2024. Vol. 15. N 4. P. 12-24. DOI: 10.17759/sps.2024150402 EDN: IHSWDW
8. Klementyeva M.V. Statuses of virtual identity: the concept and methodology of assessment («Status of VI») // National Psychological Journal. 2024. Vol. 21. N 1. P. 79-100. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-79-100 EDN: GOPCQF
9. Korchagin E.N. Professional identity: a review of foreign studies // Pedagogy and psychology of education. 2023. N 1. P. 190-203. DOI: 10.31862/2500-297X-2023-1-190-203 EDN: BIZFBN
10. Korchagin E.N., Lobanova A.V. Professional identity of students of psychological and pedagogical training // Modern foreign psychology. 2025. Vol. 14. N 1. P. 45-56. DOI: 10.17759/jmfp.2025140105 EDN: THPLMX
11. Mitina L.M. Personal and professional development of a teacher: modern understanding and innovative practice // Bulletin of practical Psychology of Education. 2022. Volume 19. N 2. P. 9-19. DOI: 10.17759/bppe.2022190201 EDN: ZGOKPF
12. Sychev O.A., Guryanova T.A. Digital resources of personal development and career plans of modern youth // Psychological science and education. 2025. Vol. 30. N 1. P. 105-117. DOI: 10.17759/pse.2025300108 EDN: OZCIEQ
13. Chekaleva N.V., Alekseeva T.Y. The development of professional identity based on the professional and value orientations of future teachers // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2021. N 3(32). P. 159-162. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-159-162 EDN: CAKMVN
14. Schneider L.B. Professional identity: the experience of theoretical and experimental research: a monograph. Moscow: Prometheus, 2004. 334 p.
15. De Boer P., Bordoloi P. Nationality differences in Gen Z work values: an exploratory study // Journal of International Education in Business. 2022. N 15(2). P. 373-392. DOI: 10.1108/JIEB-09-2021-0088 EDN: IPRRSW
16. Achieving effective remote working during the COVID-19 pandemic: a work design perspective / B. Wang [et al.] // Applied Psychology: An International Review. 2021. N 70(1). P. 16-59. DOI: 10.1111/apps.12290 EDN: MTWKBS.

Поступила в редакцию: 02.02.2026

Принята в печать: 04.03.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

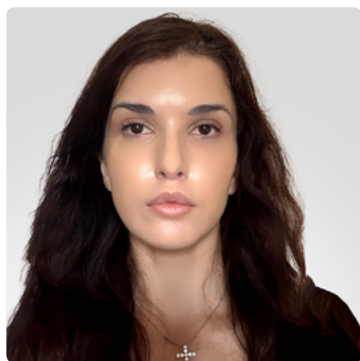

СЛЕДУЮЩАЯ

EDN: ITCNYN

УДК 301.62

Теоретические подходы к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов

Шубина Алена Игоревна

Аспирант кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Российская Федерация
e-mail: siphone666@yandex.ru

Научный руководитель

Подольская Татьяна Афанасьевна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности в системах управления ФОиР ВШГУ Президентской академии, Москва, Российская Федерация
e-mail: tpodolskaya@list.ru
SPIN-код РИНЦ: 9735-5743
ORCID ID: 0000-0003-0337-051X

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретических подходов к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов. Рассматривается феномен агрессии в истории науки, социальные и средовые факторы киберагрессии, проводится анализ исследований личностных, когнитивных и ситуативных факторов киберагрессии у студентов. Обобщение результатов исследований показывает, что разные типы киберагрессии имеют различную психологическую подоплеку, тем самым подтверждая сложность детерминации данного феномена. Теоретический анализ позволяет делать выводы об особенностях действия различных факторов развития и проявления киберагрессии у студентов. Показано, что социальные и средовые факторы создают питательную среду для киберагрессии, не просто провоцируя ее, но и формируя ее восприятие как допустимой формы коммуникации и самоутверждения. Личностными факторами киберагрессии студентов выступает специфическое сочетание черт «Большой пятерки» (низкая доброжелательность и добросовестность, высокий нейротизм), ориентация на индивидуалистические ценности при дефиците самоограничения, избирательность и рационализация в работе моральных оснований. Когнитивные и ситуативные факторы выступают непосредственными триггерами агрессивного акта.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Ключевые слова

• киберагрессия • студенты • социально-психологические факторы • социальные факторы • средовые факторы • личностные факторы • когнитивные факторы • ситуативные факторы •

Введение

Интернет-контент и социальные сети являются сегодня существенной частью жизни всех возрастных групп пользователей, особенно молодежи и подростков и важным фактором их социализации и личностного развития.

В поле зрения исследователей находятся различные проблемные области: виртуальное пространство и его влияние на поведение подростков и молодежи [15; 23], различные формы проявления девиантного поведения в интернет-среде [25], деструктивное влияние виртуальных социальных сетей [26], причины кибербуллинга [3; 4; 8; 10] и многие другие [14; 16-19].

В последнее время предметом исследований часто становится феномен киберагрессии. Под киберагрессией понимаются целенаправленные деструктивные действия, совершаемые в интернете с использованием электронных средств коммуникации и нацеленные на причинение вреда другим пользователям [2; 3]. Этот феномен, хотя и не предполагает физического контакта, способен приводить к серьезным психологическим травмам, развитию тревожности, депрессии и даже суицидальным мыслям у жертв, что подтверждается исследованиями последствий кибервиктимизации [2; 3].

Феномен киберагрессии в формах кибербуллинга, троллинга, хейтинга, флейминга и иных деструктивных онлайн-практик стал неотъемлемой частью общения в цифровом пространстве. Студенчество как социальная группа с максимальной цифровой включенностью, активной личностной и социальной идентификацией, оказывается одновременно и наиболее уязвимой, и наиболее вовлеченной в эти практики.

Актуальность исследования социально-психологических факторов киберагрессии у студентов обусловлена комплексом взаимосвязанных причин. Во-первых, виртуальная коммуникация пронизывает все сферы жизни современного вуза, создавая новые пространства для конфликтов и их эскалации. Во-вторых, психологические последствия киберагрессии (тревожность, депрессия, социальная изоляция, суицидальные мысли) несут серьезные риски для психического здоровья и академической успеваемости студентов. В-третьих, несмотря на растущий объем исследований, понимание глубинных механизмов киберагрессии остается фрагментарным: преобладают работы, изучающие либо личностные предикторы, либо ситуативные триггеры, в то время как целостная, системная модель социально-психологических факторов киберагрессии, интегрирующая историко-философские, психологические, социальные и когнитивные детерминанты, остается недостаточно разработанной.

Отсутствие единой теоретической модели, интегрирующей ключевые факторы киберагрессии у студентов, затрудняет как понимание природы агрессивного поведения в интернет-пространстве, поведения, так и разработку эффективных профилактических программ.

Целью данной статьи является анализ теоретических подходов к исследованию социально-психологических факторов киберагрессии у студентов.

В соответствии с этой целью необходимо:

— рассмотреть историю изучения феномена агрессии;

- проанализировать современные научные представления о социальных и средовых факторах киберагрессии;
- выявить особенности изучения личностных, когнитивных и ситуативных факторов киберагрессии у студентов.

История изучения феномена агрессии

Феномен агрессии, будучи одной из наиболее древних и трагических граней человеческого существования, на протяжении всей истории науки оставался в центре внимания философов, а позднее — психологов и социологов. Изучение агрессии представляет собой сложнейший междисциплинарный узел, где пересекаются вопросы о природе человека, истоках зла, пределах свободы, механизмах социального контроля и перспективах выживания цивилизации.

История научного и философского осмысления агрессии есть история попыток ответить на мучительный вопрос: является ли деструктивность имманентным, роковым свойством человеческой природы, или же она есть продукт искажённых социальных условий, поддающихся исправлению? Этот вопрос, поставленный ещё в античности, с невиданной остротой звучит сегодня, в эпоху цифровых технологий, глобальных конфликтов и антропологического кризиса.

С.А.Храпов и С.В.Копылова отмечают, что в древних мифологиях и ранних философских системах агрессия часто осмысливалась как космологический или теологический принцип. Уже у Гераклита борьба («полюмос») — отец всего и царь всего; созидательный конфликт противоположностей есть двигатель мирового процесса. Однако это была, скорее, метафизическая агрессия, абстрактная сила становления. Конкретное человеческое насилие и жестокость получали иное объяснение — через призму невежества, утраты гармонии или божественного гнева [22].

Сократ, совершивший поворот к антропоцентризму, утверждал, что никто не творит зло сознательно, а лишь по неведению. Зло — есть следствие незнания истины и блага. Аристотель, определяя человека как «политическое животное», заложил основы понимания агрессии как сбоя в социальном взаимодействии, хотя и признавал наличие у некоторых людей «рабской природы», склонной к пороку [22].

Эпоха Возрождения, провозгласившая человека мерой всех вещей, сместила акцент с божественного предопределения на человеческую ответственность и творческую мощь. Агрессия стала рассматриваться не только как грех, но и как результат неправильного воспитания, дурных примеров, несовершенства социальных институтов. Гуманисты верили, что через образование, искусство и культуру можно укротить деструктивные страсти. Просвещение XVIII в., с его культом разума и верой в прогресс, поставило вопрос о социальных и правовых механизмах обуздания агрессии.

XIX век принёс революционные изменения. Карл Маркс перенёс анализ агрессии в социально-экономическую плоскость. Для него корень насилия — в отчуждении, в классовой эксплуатации, в самой структуре капиталистического общества, порождающей антагонистические противоречия. Агрессия пролетариата (революция) есть ответная, исторически оправданная реакция на системное насилие со стороны буржуазии. Этот подход впервые позволил увидеть в агрессии не просто индивидуальный или случайный порок, а закономерный продукт определённого общественного устройства [22].

Подлинный прорыв в понимании внутриличностных механизмов агрессии совершил Зигмунд Фрейд на рубеже XIX–XX вв. З.Фрейд постулировал существование в человеке не только инстинкта жизни (Эроса, либидо), но и инстинкта смерти (Танатоса), врождённого влечения к разрушению и возвращению в неорганическое состояние. Агрессия, таким образом, была возведена в ранг фун-

даментальной, биологически укоренённой силы. Социальность и культура, по З.Фрейду, возникают как результат сублимации и перенаправления этой разрушительной энергии, но всегда ценой вытеснения и невроза. Концепция «катарсиса» — отреагирования агрессивной энергии в безопасных формах (например, в спорте или искусстве) — стала одной из первых научных моделей управления деструктивностью [22].

XX столетие сделало проблему агрессии центральной для целого спектра наук. Этолог К.Лоренц в книге «Агрессия (так называемое зло)» развил идеи З.Фрейда, но на зоологическом материале. Он рассматривал агрессию как полезный для вида инстинкт, способствующий расселению, отбору лучших особей и защите потомства. Однако у человека, по К. Лоренцу, в силу исчезновения естественных врагов и ослабления врождённых запретов на убийство себе подобных, этот инстинкт «сошёл с рельсов», превратившись в саморазрушительную силу [1].

В своем анализе феномена агрессии Н.В.Щербакова и А.А.Кравченко показали, что прямую оппозицию инстинктивизму составили теории, выводящие агрессию исключительно из социального опыта. Бихевиористы, прежде всего Дж. Доллард и его коллеги, выдвинули знаменитую «гипотезу фрустрации-агрессии»: агрессия всегда является следствием блокирования целенаправленного поведения (фрустрации). Позднее эта жёсткая формула была смягчена (Л. Берковиц показал, что фрустрация создаёт лишь готовность к агрессии, которая реализуется при наличии «посылов» — соответствующих стимулов), однако, как отмечают Н.В.Щербакова и А.А.Кравченко, сама идея связать агрессию с внешними препятствиями оказалась чрезвычайно плодотворной [29].

А. Бандура в рамках теории социального научения доказал, что агрессии учатся. Человек перенимает модели агрессивного поведения через наблюдение (особенно за значимыми фигурами — родителями, киногероями), а также через прямое подкрепление (когда агрессия приносит желаемый результат). Этот подход снимал с агрессии ореол фатальности и открывал путь для целенаправленного воспитания и коррекции через контроль среды, средств массовой информации и систему поощрений/наказаний [29].

Особое место в философско-психологическом анализе агрессии занимает Э. Фромм. В работе «Анатомия человеческой деструктивности» он провёл ключевое различие между «доброкачественной» и «злокачественной» агрессией. Первая — биологически адаптивна, служит защите жизни (оборонительная агрессия). Вторая — специфически человеческий феномен, не связанный с инстинктами, а порожаемый социальными условиями и экзистенциальными проблемами [21]. Корни «злокачественной» агрессии, по Э.Фромму, лежат в «синдроме некрофилии» (влечении к мёртвому, механическому, разрушению), который вырастает из бессилия, изоляции, скуки и, главное, из «бегства от свободы» — неспособности вынести бремя личной ответственности и автономии [24].

Современный этап исследования агрессии характеризуется отказом от поиска единой универсальной причины и признанием полипарадигмальности и системности подхода. Как отмечают исследователи [1; 22], феномен агрессии должен рассматриваться как многоуровневая система, где взаимодействуют биологические предпосылки (генетика, нейрофизиология, гормоны), психологические механизмы (характер, самооценка, когнитивные схемы), социально-экономические факторы (неравенство, фрустрация базовых потребностей) и культурно-исторический контекст (нормы, ценности, идеологии).

В XXI веке особую остроту проблеме агрессии придавала цифровая революция. Интернет, как отмечает А.А.Лисенкова [9], создал принципиально новую среду для проявления и распространения агрессии. Анонимность, дистантность, отсутствие невербальных сигналов и мгновенная скорость коммуникации привели к феномену «онлайн-раскрепощения». Кибербуллинг, троллинг, хейтерство,

флейминг, распространение деструктивного контента — всё это новые формы агрессии, обладающие лавинообразным эффектом и способные наносить серьёзный психологический ущерб. Цифровая среда стала как катализатором агрессивных настроений, так и пространством для их «безопасной» реализации, что, однако, не снижает, а зачастую усиливает общий уровень социальной напряженности [9].

Современные научные представления о социальных и средовых факторах киберагрессии у студентов

Цифровая социализация и нормализация агрессии в онлайн-среде. Как отмечается в многочисленных публикациях, ключевым фоном, на котором разворачивается киберагрессия, является сам процесс цифровой социализации современных российских студентов. Это поколение, для которого граница между онлайн и офлайн жизнью практически стерта. Социальные сети являются не просто средством общения, а основным пространством для построения отношений, самопрезентации, получения новостей и, что критически важно, формирования социальных норм [21]. В этом пространстве агрессивные паттерны поведения зачастую не кодифицируются как девиантные, а воспринимаются как допустимая, а иногда и поощряемая форма взаимодействия.

Агрессивный, категоричный стиль ведения споров, переходящий в личные оскорбления (флейминг), стал нормой на многих публичных цифровых площадках, от комментариев в новостных пабликах до обсуждений в студенческих чатах. Студент, включенный в эту среду, усваивает, что для того, чтобы быть услышанным или отстоять позицию, необходимо действовать напористо и даже агрессивно. Эскалация конфликта становится привычным сценарием.

Возможность действовать под псевдонимом или с минимальной идентификацией снижает чувство личной ответственности и эмпатии. В условиях российской интернет-культуры, где анонимные форумы и «подворотни» соцсетей исторически играли большую роль, этот фактор особенно силен [20].

Социокультурный контекст и макросоциальные тренды. Исследователи отмечают, что киберагрессия в российском студенчестве не существует в вакууме, она вписана в более широкий социальный контекст. Социально-экономическое напряжение и фрустрация, экономическая нестабильность, давление, связанное с будущим трудоустройством, страх не оправдать ожиданий семьи, создают у многих студентов хронический фон стресса и фрустрации. Киберпространство становится доступным и безопасным (для агрессора) каналом для сброса этого напряжения. Агрессия направляется не на реальный источник проблем (который может быть неочевиден или слишком могущественен), а на более доступные цели — однокурсников, участников сетевых дискуссий [23].

Российское интернет-пространство (Рунет) развивался с большей степенью свободы и одновременно анонимности, чем офлайн-публичное пространство. Здесь сформировались собственные, подчас очень жесткие, нормы коммуникации. «Демонстрация силы» через вербальную агрессию, цинизм как защитная реакция, коллективное «наездничество» — все это элементы цифровой культуры, которые студент усваивает еще до поступления в вуз и затем приносит с собой в студенческое сообщество [22; 25].

Особенности изучения личностных, когнитивных и ситуативных факторов киберагрессии у студентов

Личностные факторы киберагрессии. Многочисленные исследования, в том числе мета-анализы зарубежных авторов и свежие эмпирические данные по

российским выборкам, сходятся в том, что модель «Большой пятерки» предоставляет устойчивый концептуальный каркас для такого прогноза. Обобщая результаты [27; 30], можно выделить следующий профиль личности, ассоциированный с повышенным риском проявления киберагрессии.

Низкая доброжелательность (отсутствие уважительности, доверия, альтруизма и склонности к сотрудничеству), является, пожалуй, самым мощным отрицательным фактором. Студенты с низкими показателями по этой шкале проявляют черствость, цинизм, склонность к манипуляции и антагонизму. В конфликтах они ориентированы на соперничество, а не на поиск компромисса. В онлайн-среде, где отсутствует немедленная эмоциональная обратная связь от жертвы, этот дефицит эмпатии и пренебрежение чувствами других выступает ключевым разрешающим механизмом для агрессии. Именно низкая доброжелательность наиболее последовательно отличает как традиционных буллеров, так и киберагрессоров.

Низкая добросовестность характеризуется слабым самоконтролем, импульсивностью, неорганизованностью и пренебрежением к социальным обязательствам. Студенты с этой чертой склонны действовать, не задумываясь о последствиях, легко поддаются сиюминутным побуждениям и не следуют внутренним моральным нормам. В контексте киберпространства, с его иллюзией безнаказанности и анонимности, низкая добросовестность снимает последние внутренние барьеры.

Интересно, что эта черта также является значимым предиктором кибервиктимности, создавая образ «идеальной жертвы» — человека, который своими необдуманно онлайн-действиями (например, излишней откровенностью, провокационными высказываниями) сам может провоцировать агрессию в свой адрес.

Высокий нейротизм (эмоциональная нестабильность, тревожность, склонность к депрессивным состояниям и вспышкам гнева) также тесно связан с киберагрессией, особенно с её импульсивными, аффективными формами [27; 28]. Для студентов, переживающих стресс сессий, социального сравнения, неопределенности будущего, киберпространство может стать «громоотводом», куда выплескивается накопленное негативное эмоциональное напряжение. Агрессия в сети здесь выступает как дезадаптивный копинг-механизм, способ временного снижения психологического дискомфорта.

Связь с киберагрессией высокой экстраверсии более неоднозначна. С одной стороны, экстраверты социально активны, стремятся к вниманию и доминированию в группе. Киберпространство с его широкой аудиторией предоставляет для этого все возможности. Агрессивное поведение может использоваться как инструмент для завоевания статуса в онлайн-сообществах, привлечения внимания (например, в роли тролля) или укрепления связей внутри определенной группы через совместное «преследование» другого. С другой стороны, именно энергичность и общительность как аспекты экстраверсии могут иногда играть защитную роль [28].

Помимо черт «Большой пятерки», исследования выявляют глубокую связь киберагрессии с ценностно-мотивационной и моральной сферой личности. Анализ результатов исследований указывает на значимость таких индивидуалистических ценностей по Шварцу, как Власть (стремление к доминированию, социальному статусу) и Гедонизм (погоня за удовольствиями) [5]. Для студентов, ориентированных на власть, киберагрессия может быть инструментом утверждения своего превосходства и влияния в цифровом пространстве. Гедонистическая мотивация объясняет агрессию ради «забавы», развлечения, свойственную троллингу. При этом внутренний конфликт может создаваться одновременной выраженностью ценности Конформности (желание соответствовать групповым нормам). Если в референтной группе студента киберагрессивные практики поощряются или считаются нормой, конформное поведение будет

толкать его к участию в них, несмотря на возможные внутренние противоречия [5].

Крайне важным оказывается блок моральных оснований. Согласно теории Дж. Хайдта, моральные суждения опираются на несколько «оснований» [6]. Исследования показывают, что киберагрессия связана с дефицитом в сфере оснований, относящихся к заботе о благополучии других и справедливости. Студенты, совершающие акты онлайн-агрессии, демонстрируют сниженную чувствительность к страданиям жертвы и пренебрежение принципами честности и взаимности [6].

Таким образом, портрет студента, склонного к киберагрессии, складывается из нескольких взаимосвязанных уровней. На личностно-диспозиционном уровне это сочетание низкой доброжелательности и добросовестности с высоким нейротизмом. На ценностно-мотивационном уровне — ориентация на власть, гедонизм и конформность к девиантным групповым нормам при дефиците ценностей самоограничения и благожелательности [13]. На морально-нравственном уровне — селективная работа моральных оснований, их дисбаланс и склонность к рационализации. На индивидуально-психологическом уровне — частое наличие фона из антивитальных переживаний, одиночества и депрессивных тенденций, с которыми студент не умеет справляться конструктивно [13].

Когнитивные факторы киберагрессии. За фасадом грубых комментариев, троллинга и кибербуллинга в студенческой среде лежит сложная система мыслительных процессов и ситуативных триггеров. Если социальные и личностные факторы создают общий фон и предрасположенность, то именно когнитивные и ситуативные механизмы являются непосредственными «исполнителями», запуская агрессивный акт здесь и сейчас. Киберагрессия — это не просто спонтанная вспышка гнева; это часто результат специфических искажений восприятия, моральных компромиссов и реакции на конкретные стрессоры учебной и социальной жизни.

Когнитивная сфера студента, вовлеченного в киберагрессию, характеризуется рядом систематических искажений, которые деформируют восприятие ситуации, жертвы и собственных действий, выступая в роли внутреннего адвоката деструктивного поведения.

Фундаментальный когнитивный сдвиг в онлайн-среде — это восприятие собеседника не как целостной личности со своими чувствами, семьей и сложной внутренней жизнью, а как абстрактного «пользователя», «ника» (никнейма), набора символов на экране. Мозг не получает невербальных сигналов (мимики боли, дрожи в голосе), которые в офлайн-общении автоматически вызывают эмпатический отклик и сдерживают агрессию. Жертва становится симулякром, цифровым объектом, по отношению к которому моральные запреты ослабевают. Этот процесс усиливается в условиях массовых обсуждений в чатах или комментариях, где жертва теряется в «толпе» таких же аватаров [28].

Еще одним когнитивным фактором киберагрессии является враждебная атрибуция — склонность интерпретировать двусмысленные или нейтральные действия других как сознательно враждебные, направленные лично против себя. Студент, уже находящийся в состоянии стресса или обладающий личностной уязвимостью (высокий нейротизм), может прочитать в неэмоциональном ответе однокурсника в учебном чате («Дедлайн не меняется, сдавайте как можете») намеренное унижение или пренебрежение. Эта когнитивная ошибка трансформирует потенциально нейтральную ситуацию в личный вызов, требующий агрессивного ответа. В условиях академического соперничества и неопределенности такая интерпретативная модель становится частым триггером конфликтов.

Студенты-агрессоры активно используют в своем диалоге когнитивные искажения самооправдания, которые, по словам А.Бандуры, позволяют людям совершать аморальные действия без чувства вины [13]:

- моральное оправдание: «Я не оскорбляю, я просто жестко критикую его глупую позицию по поводу истории» (агрессия маскируется под принципиальность или интеллектуальный спор);
- смягчающее сравнение: «Да я всего лишь написал пару колкостей, а вот другие вообще его фотки редактировали!» (сравнение с гипотетически более жестокими действиями снижает воспринимаемую тяжесть своего поступка);
- перекладывание ответственности: «Меня все в чате поддержали, это была коллективная идея» или «Сам виноват, что такие глупые посты публикует» (диффузия ответственности на группу или обвинение жертвы) [12].

Клиповое мышление поощряет быстроту реакции, краткость, эмоциональный захват. Глубокий анализ контекста, проверка фактов, взвешенное формулирование ответа требуют времени и когнитивных усилий. Импульсивный, агрессивный ответ часто становится самым простым и быстрым когнитивным решением. Студент, привыкший потреблять информацию фрагментарно, может и так же фрагментарно, без рефлексии, реагировать, выхватывая из сообщения оппонента только тезис для атаки.

Ситуативные факторы. Когнитивные искажения создают почву для киберагрессии, но именно конкретные ситуативные факторы, характерные для жизни российского студента, активизируют ее. Академический стресс и дедлайн, периоды сессий, сдачи курсовых, защиты проектов — это время колоссального психоэмоционального напряжения. Состояние хронической усталости, страха неудачи и недосыпа снижает порог контроля над импульсами и повышает раздражительность. Конфликт в общем чате из-за распределения задач в групповом проекте, критика от однокурсника накануне экзамена могут спровоцировать взрывную киберагрессию как способ разрядки накопившегося стресса. В этом случае жертва становится просто удобной емкостью для слива негативных эмоций, источник которых — сама система академических требований [19].

Групповое давление и динамика в студенческих чатах — мощнейший ситуативный фактор. Даже студент, не склонный к агрессии, в условиях анонимного или полуанонимного чата может присоединиться к травле «чужака» (новенького, инакомыслящего, неуспешного) под влиянием:

- конформизма – стремления быть принятым в референтную группу;
- диффузии ответственности – ощущения, что вина распределится на всех;
- эффекта «онлайн-расторженности» в группе – анонимность и поддержка единомышленников растормаживают еще сильнее;
- страха самому стать жертвой – не присоединиться к агрессии означает потенциально оказаться в оппозиции к группе [3; 8].

Личные жизненные кризисы и фрустрация, в целом ситуации, не связанные напрямую с вузом, но резко повышающие уровень фрустрации: ссора с партнером, финансовые проблемы, конфликт с родителями, чувство одиночества в большом городе также способствуют киберагрессии. Социальные сети и мессенджеры становятся ближайшим «полем», на которое проецируется эта боль и гнев. Не имея конструктивных навыков совладания с эмоциями, студент может спровоцировать ссору в сети или выплеснуть агрессию на случайного собеседника, чтобы почувствовать временное облегчение и иллюзию контроля [4; 7; 11].

Взаимодействие внутренних психологических характеристик и внешних условий. В данном контексте исследование, проведенное С.С. Антипиной и А.В. Микляевой [2], представляет собой значимый шаг вперед, предлагая и эмпирически обосновывая целостную модель социально-психологических детерминант киберагрессии у подростков.

Центральной целью исследования выступала эмпирическая верификация ранее разработанной теоретической модели, предполагающей, что киберагрессивное поведение подростков является результатом сложного взаимодей-

ствия набора внутренних психологических характеристик и внешних условий.

В качестве ключевых детерминант в модели были определены: уровень агрессивности, способность к эмпатии, предпочитаемые стили поведения в конфликтных ситуациях, коммуникативные характеристики (такие как контроль, импульсивность и направленность в общении) и социальный интеллект. Эти переменные рассматривались не изолированно, а в системе взаимосвязей, которая, в свою очередь, модулируется такими условиями, как пол, возраст и время, ежедневно проводимое подростком в интернете.

Для проверки этой комплексной гипотезы было предпринято масштабное эмпирическое исследование с участием 325 подростков в возрасте от 10 до 16 лет, учащихся общеобразовательных школ Санкт-Петербурга. Выбор данного возрастного диапазона не случаен: подростковый период характеризуется интенсивным социально-психологическим развитием, формированием идентичности, высокой восприимчивостью к влиянию сверстников и одновременной активной интеграцией в цифровую среду, что делает эту группу особенно уязвимой и склонной к проявлению как традиционной, так и киберагрессии [2].

Для диагностики склонности к киберагрессии использовался авторский опросник «Типология киберагрессии», который позволил дифференцировать поведение не только по интенсивности, но и по качественным особенностям, выделив четыре типа: импульсивно-ответный (спонтанная реакция на провокацию), произвольно-ответный (обдуманная месть), импульсивно-инициативный (спонтанные действия ради развлечения) и произвольно-инициативный (спланированные действия для достижения целей).

Остальные конструкторы измерялись с помощью апробированных и валидных методик: агрессивность — с помощью опросника Басса-Перри, эмпатия — шкалы Меграбяна-Эпштейна, стили поведения в конфликте — теста Томаса, социальный интеллект — шкалы Тромсо, а коммуникативные особенности — набора соответствующих опросников. Статистический анализ, центральным элементом которого стало моделирование структурными уравнениями (SEM), позволил не просто констатировать наличие отдельных связей, а проверить целостную архитектуру предложенной модели, оценив вклад каждого фактора с учётом их взаимного влияния.

Результаты исследования предоставили богатый материал для анализа и подтвердили сложный, многокомпонентный характер детерминации киберагрессии. Описательная статистика показала, что все исследуемые социально-психологические характеристики в той или иной степени представлены в подростковой выборке, а различные типы киберагрессии действительно имеют место, причём наиболее выраженными оказались ответные формы (особенно произвольно-ответная). Это указывает на то, что для многих подростков интернет-среда становится пространством для реакции на несправедливость или обиду, реальную или мнимую. Однако главная ценность работы заключается в результатах структурного моделирования, которые выявили специфические паттерны влияния каждой детерминанты на разные типы агрессии.

Так, было установлено, что агрессивность как личностная черта имеет наиболее прямое и сильное влияние на импульсивно-ответную киберагрессию. Подростки с высокими показателями физической агрессии и гнева, сталкиваясь с онлайн-провокацией, склонны реагировать немедленно и бурно, перенося в цифровое пространство модели поведения, характерные для офлайн-конфликтов. Примечательно, что связь гнева с другими типами агрессии оказалась отрицательной. Это говорит о том, что данный аффект, будучи нереализованным в прямой конфронтации, может трансформироваться в более холодные и расчётливые формы онлайн-агрессии.

Эмпатия, традиционно рассматриваемая как сдерживающий фактор агрессии, в этом исследовании проявила себя неоднозначно. Её прямое влияние было значимым лишь для произвольно-инициативной киберагрессии, причём связь

была положительной. Это, на первый взгляд, парадоксальное открытие можно интерпретировать в русле концепции «тёмной эмпатии» или макиавеллизма: развитая способность понимать эмоции и состояния других может использоваться не для сострадания, а для более точного и эффективного причинения вреда, для манипуляции или достижения собственных целей в сети. Таким образом, эмпатия в цифровом контексте может быть не только защитным, но и инструментальным фактором, что подчёркивает необходимость дифференцированного подхода к её воспитанию.

Одним из наиболее весомых блоков детерминант оказались стили поведения в конфликтной ситуации. С одной стороны, агрессивные стратегии, такие как соперничество, продемонстрировали устойчивые положительные связи практически со всеми типами киберагрессии, особенно с импульсивно-инициативной. Это подтверждает гипотезу о транслировании общих поведенческих паттернов из реальной жизни в виртуальную среду. Подросток, привыкший решать споры через конфронтацию и доминирование, с высокой вероятностью будет применять те же тактики и в онлайн-взаимодействиях. С другой стороны, стратегия приспособления показала отрицательную связь с произвольно-ответной агрессией, что логично: склонность уступать и избегать конфликта снижает вероятность участия в актах мести.

Социальный интеллект, как способность понимать и прогнозировать поведение других людей, также выступил значимым фактором киберагрессии. Высокие показатели социального интеллекта были связаны с произвольно-ответной и импульсивно-инициативной киберагрессией. Это, как и в случае с эмпатией, указывает на потенциально «тёмную» сторону социально-когнитивных способностей. Подростки с развитым социальным интеллектом лучше считывают социальные сигналы в сети, понимают уязвимости собеседников и могут использовать это знание как для развлекательной агрессии (троллинга), так и для более расчётливых действий.

Коммуникативные характеристики, такие как импульсивность в общении и манипулятивная направленность, закономерно усиливали склонность к киберагрессии, в то время как высокий коммуникативный контроль мог выступать сдерживающим фактором для некоторых её форм.

Возраст положительно коррелировал с инициативными типами киберагрессии, что может отражать как рост цифровой компетентности и уверенности в сети, так и возрастные изменения в мотивационной сфере подростков. Наиболее неожиданным результатом стало отсутствие прямой значимой связи между временем, проведённым в интернете, и общим уровнем киберагрессии. Это опровергает упрощённое представление о том, что чем больше подросток «сидит в сети», тем он агрессивнее. Вероятно, решающую роль играет не количество, а качество онлайн-активности, вовлечённость в определённые сообщества, контент и характер коммуникации.

Интегральная модель, прошедшая статистическую проверку и продемонстрировавшая приемлемые показатели соответствия, подтвердила свою адекватность. Она наглядно показывает, что киберагрессия не является следствием какого-то одного дефицита или травмы. Это продукт сочетания личностных диспозиций (агрессивность, низкий коммуникативный контроль), специфических социально-когнитивных навыков (социальный интеллект, эмпатия, используемые в деструктивных целях), устоявшихся поведенческих стратегий (конфликтные стили) и демографических факторов. Важно, что эти элементы взаимодействуют, усиливая или ослабляя влияние друг друга. Например, высокий социальный интеллект в сочетании с агрессивностью и склонностью к соперничеству создаёт «идеальную почву» для расчётливых форм киберагрессии.

Заключение

Проведенное теоретическое исследование позволило осуществить комплексный анализ подходов к изучению социально-психологических факторов киберагрессии в студенческой среде и показать, что киберагрессия является не случайным или маргинальным феноменом, а системным, многоаспектным продуктом взаимодействия разноуровневых детерминант, укорененных как в индивидуальной психике, так и в социально-культурном контексте цифровой эпохи.

Основные выводы сводятся к следующему:

Социальные и средовые факторы, к которым относятся нормализация агрессивной риторики в цифровой культуре, анонимность, институциональная пассивность вузов, групповое давление в студенческих чатах, общественная поляризация и язык вражды, транслируемые через медиа, создают питательную среду для киберагрессии. Эти факторы не просто провоцируют агрессию, но и формируют восприятие ее как допустимой или даже эффективной формы коммуникации и самоутверждения.

Личностно-психологический портрет студента, склонного к киберагрессии, включает специфическое сочетание черт «Большой пятерки» (низкая доброжелательность и добросовестность, высокий нейротизм), ориентацию на индивидуалистические ценности при дефиците самоограничения, избирательность и рационализацию в работе моральных оснований.

Когнитивные и ситуативные факторы выступают непосредственными триггерами агрессивного акта. К ним относятся когнитивные искажения (дегуманизация жертвы, враждебная атрибуция, моральное отчуждение), которые в условиях ситуативного стресса (академические дедлайны, личные кризисы), групповой динамики и состояния онлайн-расторженности снимают внутренние барьеры и запускают агрессивную реакцию.

Эмпирическое исследование С.С.Антипиной и А.В.Микляевой подтвердило сложность детерминации, показав, что разные типы киберагрессии (импульсивно-ответный, произвольно-инициативный и др.) имеют различную психологическую подоплеку.

В качестве перспектив дальнейшего исследования видится разработка комплексной модели социально-психологических факторов киберагрессии у студентов и ее эмпирическая верификация.

Список литературы:

1. Агапов П. В. Человеческая агрессия в социальных науках: вопросы теории и методологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 2(34). С. 7-12. EDN: TAVNLP
2. Антипина С.С., Микляева А.В. Социально-психологические детерминанты киберагрессии: эмпирическое обоснование теоретической модели // Российский девииантологический журнал. 2025. № 2. С. 255-266. DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266 EDN: GMVKRO
3. Богомолова А.Г., Кот Е.А. Криминалистические аспекты кибербуллинга как формы деструктивного поведения в сети интернет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 25-32. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-2-3 EDN: MAVDQD
4. Бородина В.Н. Роль детско-родительских отношений в возникновении кибербуллинга // МНКО. 2023. № 1(98). С. 138-141. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-138-141 EDN: EGEKMI

5. Воронина Н.В. Динамика ценностей индивидуализма /коллективизма среди российской и европейской молодёжи (на основе данных европейского социального исследования за 2006-2021 гг.) // Россия реформирующаяся. 2024. № 22. С. 146-178. DOI: 10.19181/ezheg.2024.6 EDN: AOIQPT
6. Заикин В. А. Моральное функционирование: социально-психологический подход. Социально-интуитивистская теория Дж. Хайдта // Национальный психологический журнал. 2017. № 1(25). С. 32-38. DOI: 10.11621/prj.2017.0104 EDN: YJMQMV
7. Зернов Д.З., Шалютина Н.В. Молодёжь в социальных сетях: масштабирование социальных взаимодействий и практики формирования индивидуальных медиасред (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 2. С. 27-54. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.2. EDN HVERVL
8. Лапенко А.В. Проблемы восприятия обучающимися буллинга и кибербуллинга в образовательной среде // Высшее образование сегодня. 2023. № 3. С. 106-111. DOI: 10.18137/RNU.НЕТ.23.03.Р.106 EDN: TPNUBH
9. Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. 2017. № 6. С. 137-147. EDN: ZHKEKX
10. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления// Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С.293-311. DOI: 10.21702/rpj.2016.3.17 EDN: UVJLFK
11. Малышева Е.А. Психология подросткового общения в условиях медиапространства // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2. С. 105-110. EDN: ZSPIZF
12. Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 60-70. DOI: 10.11621/prj.2019.0307 EDN: SDTAJP
13. Оксенчук А. О. Личностные предикторы киберагрессии студенческой молодежи // Студент – Исследователь – Учитель. 2024. С. 308-309. EDN: UHLRJO
14. Подольский А.И., Гойко В.Л. Молодежь и интернет-контент: анализ больших данных // Вопросы психологии. 2021. № 3. С. 46-54. EDN: SUMAOW
15. Подольский А.И., Идобаева О.А. Quo vadis? траектории ценностно-мотивационного развития современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 45-59. EDN: HHAXYZ
16. Подольский А.И., Идобаева О.А., Гойко В.Л. Перспективы исследования взаимодействия молодежи с интернет-контентом // Кадры инновационного развития. 2022. № 1(1). С. 36-41. DOI: 10.18698/jpcid.2022.1.36-41 EDN: NWKSDF
17. Подростки и молодежь во взаимодействии с интернет-контентом: междисциплинарное исследование с использованием больших данных / А.И. Подольский [и др.]. Монография. М.: Издательство «Перо», 2021. 210 с.
18. Подростки и молодежь во взаимодействии с интернет-контентом: новые перспективы исследования / А.И. Подольский [и др.] // Кадровый потенциал инновационного развития. II Международная научно-практическая конференция. Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет). Москва, 2022. С. 165-171. EDN: CEWOZF
19. Сёмина М.В., Фёдорова Е.П. Проявление академического стресса у студентов: теоретические аспекты исследования // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. № 3. С. 63-74. DOI: 10.21702/ncpb.2023.3.5 EDN: WSUSXV
20. Фетисова Т. А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации. Обзор // Вестник культурологии. 2018. № 4(87). С. 185-197.
21. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: Перевод / Авт. вступ. ст. П. С. Гуревич. М.: Республика, 1994. 447 с. EDN: SYMVVF

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

22. Храпов С.А., Копылова С.В. Феномен агрессии в социокультурной динамике: историко-философский анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 7(33): в 2-х ч. Ч. I. С. 210-214. EDN: QBKNKT
23. Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. Обзор зарубежных исследований / [И.Н. Погожина и др.] // Вопросы образования. 2020. № 3. С.61-89. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-60-94 EDN: IBZGEA
24. Чуракова Т.Л. Агрессия как проявление человеческой деструктивности // Вестник магистратуры. 2021. № 2-1(113). С. 111-116. EDN: OSODZX
25. Шаров А.А. Особенности киберагрессии как современного феномена девиантной активности у молодежи // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 6(184). С. 486-490. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p486-490 EDN: UNPWZX
26. Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации с экстраверсией, нейротизмом и психологическим полом // Российский психологический журнал. 2019. № 2. С. 81-102. DOI: 10.21702/rpj.2019.2.5 EDN: RLDZCE
27. Шейнов В.П., Карпиевич В.А. Взаимосвязи черт личности модели «большая пятерка» с проблемным использованием социальных сетей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2025. № 1. С. 114-118. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-43-1-114-118 EDN: YECYBB
28. Школьный буллинг: признаки социально-психологической дезадаптации у Обидчиков, Жертв и Обидчиков-жертв / [Т.В. Капустина и др.] // Российский психологический журнал. 2023. № 1. С. 235-251. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.15 EDN: RPAWGV
29. Щербакова Н.В., Кравченко А.А. Феномен агрессии: философско-правовой аспект // Образование и право. 2024. № 12. С. 457-462. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-12-457-462 EDN: OUWWRE
30. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150-159.

Theoretical approaches to studying the socio-psychological factors of cyberaggression among students

Shubina Alena Igorevna

Postgraduate student, Department of Personality Psychology in Management Systems, FEDM GSPM, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation
e-mail: siphone666@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

Scientific Supervisor:

Podolskaya Tatyana Afanasyevna

Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Personality Psychology in Management Systems, FEDM GSPM, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation

e-mail: tpodolskaya@list.ru

RSCI SPIN code: 9735-5743

ORCID ID: 0000-0003-0337-051X

Abstract

The article is devoted to analyzing theoretical approaches to the study of socio-psychological factors of cyberaggression among students. The phenomenon of aggression is examined through the history of science, alongside social and environmental factors of cyberaggression; an analysis is conducted of research on personality, cognitive, and situational factors of cyberaggression among students. A synthesis of research findings indicates that different types of cyberaggression have distinct psychological underpinnings, thereby confirming the complex determination of this phenomenon. The theoretical analysis allows for drawing conclusions about the specific functioning of various factors that drive the development and manifestation of cyberaggression among students. It is shown that social and environmental factors create a breeding ground for cyberaggression, not merely provoking it, but also shaping its perception as an acceptable form of communication and self-assertion. Personality factors of student cyberaggression include a specific combination of Big Five traits (low agreeableness and conscientiousness, high neuroticism), a focus on individualistic values coupled with a lack of self-restraint, and the selectivity and rationalization of moral foundations. The personality factors behind student cyberaggression include a specific combination of the «Big Five» traits (low agreeableness and conscientiousness, high neuroticism), a focus on individualistic values with a lack of self-restraint, and selectivity and rationalization of moral foundations. Cognitive and situational factors serve as direct triggers for an aggressive act.

Keywords

• cyberaggression • students • socio-psychological factors • social factors • environmental factors • personal factors • cognitive factors • situational factors •

References:

1. Agapov P.V. Human aggression in social sciences: issues of theory and methodology // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social sciences. 2014. N 2(34). P. 7-12. EDN: TAVNLP
2. Antipina S.S., Miklyaeva A.V. Social and psychological determinants of cyberaggression: empirical substantiation of the theoretical model // Russian journal of deviantology. 2025. N 2. P. 255-266. DOI: 10.35750/2713-0622-2025-2-255-266 EDN: GMVKRO
3. Bogomolova A.G., Kot E.A. Forensic aspects of cyberbullying as a form of destructive behavior on the Internet // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. N 2. P. 25-32. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-2-3 EDN: MAVDQD

4. Borodina V.N. The role of parent-child relationships in the emergence of cyberbullying // MNKO. 2023. N 1(98). P. 138-141. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-198-138-141 EDN: EGEKMI
5. Voronina N.V. Dynamics of Individualism/Collectivism Values Among Russian and European Youth (Based on Data from the European Social Survey for 2006-2021) // Russia under Reform. 2024. N 22. P. 146-178. DOI: 10.19181/ezheg.2024.6 EDN: AOIQPT
6. Zaikin V.A. Moral Functioning: A Social-Psychological Approach. J. Haidt's Social-Intuitionist Theory // National Psychological Journal. 2017. N 1(25). P. 32-38. DOI: 10.11621/npj.2017.0104 EDN: YJMQMV
7. Zernov D.Z., Shalyutina N.V. Young People in Social Networks: Scaling Social Interactions and Practices of Forming Individual Media Environments (Based on Regional Research) // Sociological Science and Social Practice. 2024. Vol. 12. N 2. P. 27-54. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.2. EDN HVERVL
8. Lapenko A. V. Problems of students' perception of bullying and cyberbullying in the educational environment // Higher education today. 2023. N 3. P. 106-111. DOI: 10.18137/RNU.HET.23.03.P.106 EDN: TPNUBH
9. Lisenkova A.A. Philosophy of Aggression in the Digital Age // Philosophical Sciences. 2017. N 6. P. 137-147. EDN: ZHKEKX
10. Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. Psychological Features of Cyberbullying as a Form of Internet Crime // Russian Psychological Journal. 2016. Vol. 13. N 3. P. 293-311. DOI: 10.21702/rpj.2016.3.17 EDN: UVJLFK
11. Malysheva E.A. Psychology of Adolescent Communication in the Media Space // Kazan Pedagogical Journal. 2019. N 2. P. 105-110. EDN: ZSPIZF
12. Molchanov S.V. Moral Self-Justification as the Myth of "Moral Freedom" of the Individual // National Psychological Journal. 2019. N 3(35). P. 60-70. DOI: 10.11621/npj.2019.0307 EDN: SDTAJP
13. Oksenchuk A. O. Personality Predictors of Cyberaggression in Student Youth // Student – Researcher – Teacher. 2024. P. 308-309. EDN: UHLRJO
14. Podolsky A. I., Goiko V. L. Youth and Internet Content: Big Data Analysis // Questions of Psychology. 2021. N 3. P. 46-54. EDN: SUMAOW
15. Podolsky A.I., Idobaeva O.A. Quo vadis? Trajectories of Value-Motivational Development of Modern Russian Youth // Voprosy Psychologii. 2019. N 2. P. 45-59. EDN: HHXYZ
16. Podolsky A.I., Idobaeva O.A., Goiko V.L. Prospects for Studying Youth Interaction with Internet Content // Personnel for Innovative Development. 2022. N 1(1). P. 36-41. DOI: 10.18698/jpcid.2022.1.36-41 EDN: NWKSDF
17. Adolescents and Young Adults Interacting with Internet Content: An Interdisciplinary Study Using Big Data / A.I. Podolsky et al. Monograph. Moscow: Pero Publishing House, 2021. 210 p.
18. Adolescents and Young Adults Interacting with Internet Content: New Research Prospects / A.I. Podolsky [et al.] // Human Resources Potential for Innovative Development. II International Scientific and Practical Conference. Bauman Moscow State Technical University (National Research University). Moscow, 2022. P. 165-171. EDN: CEWOZF
19. Semina M.V., Fedorova E.P. Academic Stress in Students: Theoretical Aspects of the Study // North Caucasian Psychological Bulletin. 2023. N 3. P. 63-74. DOI: 10.21702/ncpb.2023.3.5 EDN: WSUSXV
20. Fetisova T.A. Aggressive behavior in Internet communication. Review // Bulletin of Cultural Studies. 2018. N 4(87). P. 185-197.
21. Fromm E. Anatomy of human destructiveness: Translation / Author's introduction. article P.S. Gurevich. Moscow: Respublika, 1994. 447 p. EDN: SYMVF
22. Khrapov S.A., Kopylova S.V. The phenomenon of aggression in sociocultural dynamics: historical and philosophical analysis // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice. 2013. N 7(33): in 2 parts. Part I. P. 210-214. EDN: QBKNKT

23. Digital behavior and features of the motivational sphere of Internet users: logical-categorical analysis. Review of foreign studies / I.N. Pogozhina [et al.] // Issues of Education. 2020. N 3. P. 61-89. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-3-60-94 EDN: IBZGEA
24. Churakova T. L. Aggression as a manifestation of human destructiveness // Bulletin of the Magistracy. 2021. N 2-1(113). P. 111-116. EDN: OSODZX
25. Sharov A.A. Features of cyberaggression as a modern phenomenon of deviant activity among young people // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2020. N 6(184). P. 486-490. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p486-490 EDN: UNPWZX
26. Sheynov V.P. Relationships between victimization and extroversion, neuroticism, and psychological gender // Russian Psychological Journal. 2019. N 2. P. 81-102. DOI: 10.21702/rpj.2019.2.5 EDN: RLDZCE
27. Sheynov V.P., Karpievich V.A. Relationships between the Big Five Personality Traits and Problematic Use of Social Networks // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2025. N 1. P. 114-118. DOI: 10.52928/2070-1640-2025-43-1-114-118 EDN: YECYBB
28. School bullying: signs of socio-psychological maladjustment in offenders, victims, and offender-victims / [T.V. Kapustina et al.] // Russian Psychological Journal. 2023. N 1. P. 235-251. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.15 EDN: RPAWGV
29. Shcherbakova N.V., Kravchenko A.A. The phenomenon of aggression: philosophical and legal aspect // Education and Law. 2024. N 12. P. 457-462. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-12-457-462 EDN: OUWWRE
30. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. V. 124. P. 150-159.

Поступила в редакцию: 15.02.2026

Принята в печать: 20.03.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

СЛЕДУЮЩАЯ

ЛИЧНОСТЬ:
РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

**СОВРЕМЕННЫЕ
КАДРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

EDN: IVRXXO

УДК 378

Реализация компетентностной модели в подготовке будущих руководителей: перспективы и возможности

Кондратенко Евгения Николаевна

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Президентской академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: kondratenko-en@ranepa.ru

Иванова Людмила Леонидовна

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Президентской академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: ivanova-ll@ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена методологическому обоснованию интеграции компетентностного подхода и комплексного ресурсного анализа в систему подготовки управленческих кадров в современной России. В контексте структурных реформ высшего образования и технологических вызовов авторы указывают на необходимость перехода от традиционной квалификационной модели к системе формирования ключевых компетенций. Особое внимание уделяется методологии комплексного ресурсного анализа, разработанной на факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ Президентской академии, которая позволяет осуществлять интегральную диагностику личностного потенциала будущих руководителей через их ресурсную составляющую. Показано, что комплексный ресурсный анализ является системообразующим инструментом, обеспечивающим переход от оценки знаний руководителей к оценке их способности мобилизовывать и применять личностные ресурсы в профессиональной деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

Ключевые слова

• компетентностный подход • комплексный ресурсный анализ • управленческие компетенции • подготовка руководителей • кадровые конкурсы • зоны развития •

Введение

В контексте трансформации российской системы высшего образования реализация компетентностной модели в подготовке будущих специалистов приобретает высокую научную и практическую значимость, детерминированную комплексом внешних вызовов: от перехода к экономике знаний и структурных реформ в системе образования до технологических сдвигов. В условиях динамично развивающегося общества эффективность профессиональной деятельности определяется не только узкоспециальными знаниями, но и такими личностными качествами, как мобильность, способность к непрерывному самообразованию и адекватная реакция на изменяющиеся социальные запросы. В ответ на эти вызовы образовательная парадигма смещается в сторону компетентностного подхода, который ориентирован на формирование у выпускников вузов комплекса ключевых компетенций, обеспечивающих их успешную профессиональную и социальную адаптацию.

Сущность компетентностного подхода заключается в переходе от традиционной квалификационной модели, акцентированной на выполнении отдельных регламентированных функций, к компетентностной, интегрирующей междисциплинарные требования к результатам образовательного процесса в измеримую компетенцию, обеспечивающую самостоятельность и эффективность действий специалиста в процессе решения комплексных практических задач в условиях неопределенности.

В отличие от узко понимаемой квалификации компетентность охватывает не только предметные знания и практические навыки, но и метапредметные категории: готовность к познанию, развитые социальные навыки и способность к решению комплексных задач. В контексте современной теории самоорганизации компетенции могут быть интерпретированы как ключевой персональный ресурс, позволяющий будущему специалисту эффективно действовать и принимать качественные решения в условиях нестабильности и сложности современных организационных систем.

Особое значение компетентностная модель подготовки приобретает по отношению к кадрам управления.

Проблематика компетентностной модели подготовки руководителей исследуется в России в нескольких плоскостях [см., например: 1; 2]. Накоплен существенный опыт исследований корпоративного обучения руководителей в различных научных направлениях, в том числе, с позиций экономики, психологии, теории и методики профессионального образования, общей педагогики, социологии, теории управления, управления персоналом. Значительный пласт исследований посвящен комплексной диагностике и оценке руководителей, разработанной на факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ Президентской академии [3; 4; 8; 10; 13; 14]. Актуальны исследования трансверсальной компетентности, связанной со способностью быстро адаптироваться и переходить из одной сферы деятельности в другую, что имеет первостепенное значение в достижении успеха на рынке труда [5; 6; 7; 12]. Интересны, на наш взгляд, и международные исследования, подтверждающие, что развитие общих компетенций, таких как, например, критическое мышление и исследова-

тельские навыки, положительно коррелирует с академической успеваемостью и будущим профессиональным успехом [15; 16; 17; 18; 19; 20].

Современные тенденции развития российского общества способствуют формированию конкретного запроса на компетенции будущих руководителей:

- так, цифровизация и развитие искусственного интеллекта (ИИ) формируют запрос на развитие не только критического мышления и этики при работе с ИИ, но и способности к управлению на основе данных и работе с иммерсивными технологиями, в том числе и в образовательном процессе¹;
- необходимость обеспечения технологического суверенитета, несомненно, требует развития компетенций проектного управления в приоритетных отраслях (электроника, авиа- и ракетостроение, IT и др.);
- партнерство государства, вузов и бизнеса определяет способность к межсекторному взаимодействию, работе в распределенных командах и управлению инновациями в образовательной, научной и корпоративной средах².

Однако, несмотря на признанную значимость компетентностного подхода, в процессе его реализации в подготовке будущих руководителей в России существует ряд пробелов: отсутствие целостности, недостаточная проработка технологий формирования управленческих компетенций и отсутствие научного осмысления и методического обеспечения интеграции новых образовательных технологий.

Цель нашего исследования заключается в обосновании модели подготовки будущих руководителей на основе интеграции компетентностного подхода и методологии комплексного ресурсного анализа для повышения эффективности управления личностным и профессиональным потенциалом в условиях современной российской действительности.

Методология исследования

Проведенное исследование опирается на аналитический доклад «Россия 2025: от кадров к талантам»³, в котором еще в 2017 г. был диагностирован системный разрыв между запросами рынка труда и системой подготовки кадров, ориентированной на «всеобщность», а также на «Стратегию развития образования до 2036 года с перспективой до 2040 года»⁴, подготовленную в соответствии с поручением Президента РФ для достижения национальной цели по реализации потенциала каждого человека, развития его талантов, воспитанию патриотичной и социально ответственной личности, что возможно благодаря созданию конкурентоспособной гибкой системы образования, ориентированной на потребности экономики.

В своем исследовании мы опирались на системный подход, позволяющий рассматривать личность будущего руководителя как целостную систему, не сводимую к сумме отдельных компетенций. Использование синергетической парадигмы обеспечило понимание процессов самоорганизации и нелинейной динамики развития управленческого потенциала в условиях нестабильной среды.

¹ Мировые тренды образования в российском контексте – 2025. URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2025/ (дата обращения 01.10.2025).

² Новая модель высшего образования: проектирование будущего. URL: <https://mgsu.ru/en/news/67465/> (дата обращения 01.10.2025).

³ Россия 2025: от кадров к талантам. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/11/Skills_Outline_web_tcm26-175469.pdf (дата обращения 01.10.2025).

⁴ Стратегия развития образования до 2036 года с перспективой до 2040 года. URL: https://sh1-bodajbo-r138.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/2/Education/Strategiya_razvitiya_obrazovaniya_do_2036_goda.pdf (дата обращения 01.10.2025).

Теория человеческого капитала и ресурсный подход позволили акцентировать внимание на инвестиционной составляющей образования и значимости персональных ресурсов как стратегического потенциала.

Методологический аппарат настоящего исследования представляет собой синтез традиционного компетентностного подхода с инновационной методологией комплексного ресурсного анализа, что позволяет перейти от оценки отдельных навыков к системному управлению личностным потенциалом будущих руководителей.

Предлагаемая методология обеспечивает достижение поставленной цели через системное изучение объекта исследования во взаимосвязи его структурных компонентов.

Реализация компетентностного подхода в практике российских кадровых конкурсов

В условиях быстро меняющейся конкурентной среды традиционные подходы к оценке и развитию руководителей демонстрируют ограниченную эффективность, что актуализирует необходимость поиска новых методологических решений.

Согласимся с исследователями, которые утверждают, что компетентностный подход, изначально разработанный в рамках образовательного дискурса, в последние годы приобретает новое звучание в контексте управления человеческими ресурсами [1].

Реализация компетентностной модели требует трансформации образовательного процесса, который должен быть переориентирован на активные и интерактивные методы обучения. Ситуационные задачи, деловые игры, проектная работа, тренинги и моделирование реальных управленческих ситуаций становятся ключевыми педагогическими инструментами. Эти методы позволяют студентам не только усвоить теоретические знания, но и сформировать практический опыт их применения, развить критическое мышление и способность к саморефлексии. Таким образом, компетентностная модель подготовки руководителей направлена на формирование не просто квалифицированного, а конкурентоспособного и адаптивного специалиста, обладающего личностным и профессиональным ресурсом для эффективного управления в условиях современной сложности.

На стратегическом уровне компетентностный подход трансформируется из инструмента формирования конкретных профессиональных качеств в механизм создания устойчивых конкурентных преимуществ руководителей. Его реализация позволяет не только систематизировать требования к управленческим кадрам, но и целенаправленно формировать уникальные компетенции, повышающие конкурентоспособность кадров управления на рынке труда.

Содержательное ядро подготовки будущих руководителей в рамках компетентностного подхода составляет формирование системы ключевых управленческих компетенций [4]. К их числу относятся:

- системно-аналитические компетенции: способность к стратегическому мышлению, анализу рисков, работе с большими массивами данных и прогнозированию последствий принимаемых решений;
- социально-психологические компетенции: владение навыками коммуникации, командного взаимодействия, разрешения конфликтов, эмоционального интеллекта, мотивации и развития команды;
- инновационно-проектные компетенции: готовность к управлению изменениями, инициированию и реализации проектов, а также к созданию организационной культуры, поддерживающей непрерывное совершенствование;

— ценностно-смысловые компетенции: способность к этическому лидерству, принятию ответственных решений с учетом социальных последствий и формированию корпоративной социальной ответственности.

Одним из лучших доказательств эффективности компетентностного подхода в подготовке руководителей являются масштабные проекты, реализуемые в России, такие как конкурс «Лидеры России», президентский проект «Время героев» и подобные ему региональные обучающие программы, например, «Герои Дона». Эти инициативы представляют собой действующие лаборатории по апробации и внедрению передовых образовательных методик, ориентированных на выявление и развитие конкретных управленческих компетенций.

Ключевым элементом успеха данных проектов является их многоэтапная структура, построенная вокруг комплексной оценки компетенций. Например, в конкурсе «Лидеры России» используется система тестирования, включающая оценку когнитивных способностей (системное и стратегическое мышление); психодиагностику (определение уровня эмоционального интеллекта, стрессоустойчивости, лидерского потенциала) и центры оценки (Assessment Center), где участники выполняют ситуационные задания и участвуют в ролевых играх, моделирующих реальные управленческие ситуации. Это позволяет оценить не «знание о том, как надо», а «способность сделать» в приближенных к профессиональной реальности условиях.

Программы «Время героев» и «Герои Дона», ориентированные на военнослужащих и участников СВО, демонстрируют адаптацию компетентностной модели для специфической целевой аудитории. Следует отметить, что военнослужащие, прошедшие сложный боевой и профессиональный путь, обладают значительным потенциалом в решении задач, стоящих перед органами власти в мирное время. Так, Т.Г. Слюсарева отмечает, что стратегическое мышление, лидерские качества, ответственность, способность к сотрудничеству и стремление служить обществу позволяют участникам СВО эффективно управлять и вносить значимый вклад в развитие своих муниципальных образований [11].

Раскрытие этого потенциала и обеспечивают Программы «Время героев» и «Герои Дона». Их учебные модули сфокусированы на развитии конкретных компетенций, критически важных для послевоенной адаптации и карьеры в гражданской сфере: проектное управление, основы предпринимательства, работа в команде, публичные выступления. Крайне важно, что сегодня в качестве наставников для участников данной Программы выступают руководители как федеральных органов власти, так и главы регионов и крупнейших компаний страны. Образовательный процесс строится на принципах проблемно-ориентированного обучения, где участники сразу применяют полученные знания для разработки и защиты собственных социальных или бизнес-проектов.

Таким образом, успешная реализация данных проектов подтверждает несколько ключевых тезисов современной теории управления образованием:

- эффективность моделей «обучения через действие»: интеграция теоретических модулей с практическими заданиями и реальным проектным менеджментом ускоряет формирование компетенций;
- важность персональной траектории развития: каждый участник получает обратную связь по своему профилю компетенций, что позволяет ему целенаправленно работать над своими «зонами роста»;
- валидность комплексной оценки: компетенция проявляется не в тесте, а в действии, поэтому наиболее точную картину дают методы, имитирующие реальную профессиональную среду.

Практики конкурсов «Лидеры России», «Время героев» и «Герои Дона» наглядно демонстрируют эффективность компетентностного подхода, однако их успех обусловлен не только применением передовых оценочных методик, но и глубоким пониманием структуры личностного потенциала. Именно здесь возникает методологический симбиоз между этими проектами и разработками факультета оценки и развития управленческих кадров ВШГУ Президентской академии.

Комплексный ресурсный анализ: построение интегральной ресурсной карты управленца

В контексте реализации компетентностной модели подготовки руководителей особую актуальность приобретают методы диагностики, позволяющие оценить не только наличный уровень компетенций, но и внутренний потенциал личности для их развития. Одной из таких методик является комплексный ресурсный анализ (КРА), методология которого разработана на факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ Президентской академии. Данная методология выходит за рамки традиционной оценки знаний и навыков, фокусируясь на идентификации и измерении персональных ресурсов специалиста как системообразующего фактора его долгосрочной эффективности.

Методологическую основу КРА составляют принципы современной теории самоорганизации и системного подхода. В ее рамках личность рассматривается как сложная, открытая и динамическая система, обладающая определенным набором ресурсов. Ключевая задача комплексного ресурсного анализа – оценить не столько отдельные компетенции, сколько их синергию и способность личности к преобразованию внутренних ресурсов для достижения целей в нестабильной среде [9].

Основными анализируемыми ресурсными блоками в рамках данной методологии являются:

- когнитивный ресурс – способности к системному и стратегическому мышлению, анализу больших данных, быстрой обработке информации и генерации нестандартных решений;
- мотивационно-волевой ресурс – уровень целеполагания, устойчивости к стрессу и фрустрации, способность к концентрации и долгосрочным усилиям для достижения стратегических ориентиров;
- коммуникативно-кооперативный ресурс – эффективность в построении социальных связей, способность к командной интеграции, разрешению конфликтов и оказанию влияния;
- ценностно-смысловой ресурс – наличие сформированной системы этических координат, лидерской идентичности и осознанной гражданской позиции, определяющей вектор управленческих решений.

Практическая реализация КРА на факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ Президентской академии осуществляется через применение комплекса диагностических инструментов, который включает:

- психодиагностическое тестирование для оценки устойчивых личностных характеристик;
- ситуационные задачи, направленные на моделирование реальных профессиональных проблем, которые позволяют развивать навыки мобилизации и интеграции личностных ресурсов для выработки эффективных управленческих решений;
- экспертные интервью по компетенциям, позволяющие глубинно оценить мотивацию и ценностные установки;
- оценку в формате Assessment Centre, где поведение участников анализируется по заданным ресурсным параметрам.

Результатом применения КРА является не просто профиль компетенций, а интегральная «ресурсная карта» управленца. Эта карта позволяет:

- выявить зоны синергии и потенциальные дефициты ресурсов;
- спрогнозировать успешность кандидата в решении задач различного уровня сложности;
- разработать персонализированную траекторию развития, направленную не на «натаскивание» по отдельным навыкам, а на целостное усиление системных ресурсов личности.

Интеграция методологии комплексного ресурсного анализа в образовательную и кадровую практику

В контексте современной парадигмы высшего образования, ориентированной на формирование конкурентоспособного специалиста, особую актуальность приобретают диагностические инструменты, позволяющие не только фиксировать актуальный уровень развития студентов, но и прогнозировать их профессиональные траектории. Универсальность методологии КРА позволяет применять ее и для такой целевой группы как студенты Президентской академии с целью составления индивидуального ресурсного профиля и разработки на его основе персональной стратегии карьерного продвижения и адаптации на конкретном рабочем месте. Это позволит выпускнику аргументированно презентовать себя работодателю и целенаправленно выбирать вакансии, в рамках которых уникальный набор его компетенций будет максимально востребован.

Оценка личностного развития студентов с использованием методологии КРА позволяет сместить вектор его позиции с реактивного на проактивный.

Практика показывает существующую закономерность: при столкновении с трудностями в обучении, научно-исследовательской, общественной и иных видах деятельности у части студентов существенно снижается учебная мотивация. В этой связи важно, что КРА имеет двойную методологическую направленность. Во-первых, выполняя диагностико-развивающую функцию, КРА предоставляет студенту рефлексивный инструмент для переоценки собственного потенциала, смещая фокус с дефицитов и трудностей на осознание имеющихся ресурсов (личностных, социальных, когнитивных). Это позволяет формировать стратегическое мышление и навыки управления собственной жизнью, которые являются бесценными в любой будущей профессиональной деятельности. Во-вторых, КРА обладает прогностико-ориентационной функцией. На основе данных, полученных в ходе оценки, становится возможным построение «профиля успешности» для целевых должностей государственной или муниципальной службы с выделением ключевых ресурсов и компетенций.

Наиболее удобной площадкой для апробации данного подхода является работа со студентами, обучающимися по целевым договорам. В данном случае интеграция КРА в образовательный процесс позволит выстроить систему целенаправленного формирования кадрового резерва для органов власти, обеспечивая не только «подгонку» под текущие вакансии, но и опережающую подготовку управленцев, обладающих стратегическим видением и способных к проактивной трансформации системы государственного управления.

Таким образом комплексный ресурсный анализ позволяет системно подойти к управлению карьерой, обеспечивая максимальную реализацию выпускника при одновременном решении долгосрочных задач государства по формированию эффективного кадрового резерва.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что реализация компетентностной модели в подготовке будущих руководителей представляет собой не просто образовательную технологию, а системный ответ на вызовы современной экономики и социальной сферы.

Кадровые проекты («Лидеры России», «Время героев») служат полигоном для сбора богатейшего эмпирического материала о поведении и компетенциях управленцев, а методология КРА предоставляет научный аппарат для системного анализа этого материала, перевода его из плоскости констатации отдельных успехов в плоскость прогнозирования долгосрочного личностного и про-

фессионального потенциала. Вместе они образуют замкнутый цикл: практика проверяет и обогащает методологию, а методология, в свою очередь, повышает точность, глубину и прогностическую силу практической оценки и программ развития. Это позволяет говорить о формировании в России целостной экосистемы подготовки управленческих кадров, основанной на принципах компетентностного и ресурсного подходов.

Значимость внедрения этих подходов в практику управленческих кадров подтверждается успешной апробацией модели в рамках кадровых проектов национального и масштаба («Лидеры России», «Время героев»), а также аналогичных региональных конкурсов (например, «Герои Дона» и др.). В указанных проектах демонстрируется эффективное сочетание активных методов обучения, ориентированных на «обучение действием», комплексную оценку в ходе решения заданий для выявления управленческих навыков, а также построения персонализированных траекторий развития на основе ресурсного картирования.

Перспективы дальнейших исследований видятся нам в масштабировании методологии КРА в системе высшего образования, адаптации модели для различных отраслевых управленческих позиций с учетом технологических вызовов, а также в исследовании долгосрочной эффективности деятельности выпускников программ, реализованных на основе описанной модели.

Таким образом, можно говорить о формировании методологического фундамента для создания в России целостной экосистемы подготовки управленческих кадров с учетом прогнозной оценки способности кандидатов к развитию, адаптации и эффективной работе, способной обеспечить кадровый суверенитет и технологическое лидерство страны в условиях новой социально-политической и экономической реальности.

Список литературы:

1. Белько И.В. Компетентностный портрет современного руководителя как необходимый элемент развития карьеры // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. С. 152-159. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.20 EDN: SKIDLL
2. Гончаров Г.А., Четвериков В.М. Компетентностный подход как основа формирования инновационного лидерства в организации // Управленческий учет. 2025. № 8. С. 61-68. EDN: ASDPGO
3. Диагностика и профессиональное развитие управленческих кадров государственной службы: методология и технологии: коллективная монография / [Ю. К. Баркова и др.]; под общ. науч. ред. Ю. В. Синягина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 354 с.
4. Мухидова О. Формирование трансверсальных компетенций - приоритетная задача преподавателей высшей школы // Society and Innovations. 2021. № 11/S. С. 394-398. DOI: 10.47689/2181-1415-vol2-iss11/S-pp394-398 EDN: JQTNQR
5. Набиева Ю.А. Развитие управленческих компетенций через корпоративное обучение // Современное профессиональное образование. 2024. № 6. С. 108-111. EDN: ZZIYYS
6. Переверзина О.Ю., Рожок А.В., Татарина Л.Н., Чирковская Е.Г., Шебураков И.Б. Модель ключевых компетенций руководителей и специалистов органов публичной власти: исследование и обоснование применения / Президентская академия; ВШГУ РАНХиГС; ФОиР ВШГУ РАНХиГС. М.: 2023. 81 с.

7. Серёжникова Р. К., Бекшаев И. А. Трансверсальные компетентности в контексте становления профессиональной идентичности будущих педагогов // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2025. № 3. С. 153-159. EDN: IGYXEF
8. Синягин Ю.В. Человек в системах управления // Мир психологии. 2020. № 4 (104). С. 186-187. DOI: 10.51944/2073-8528_2020_4_186 EDN: FSBVSP
9. Синягин Ю. В., Синягина Н.Ю., Баркова Ю.К. Управление личностно-профессиональным развитием и карьерным ростом: технологии оценки и мотивации // Образование личности. 2018. № 2. С. 36-45. EDN: UWXFKQ
10. Синягин Ю.В., Переверзина О.Ю. Контекстная парадигма в оценке личностно-профессиональных ресурсов руководителей // Акмеология. 2015. № 2. С. 149-157. EDN: ТТУFXT
11. Слюсарева Т.Г., Милованова Е.Н. Современные тенденции кадровой политики в органах власти на местах // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2025. № 2. С. 115-118. EDN: GRNWEV
12. Степанов А.А., Савина М.В., Антонова Л.И. Формирование трансфессиональных компетенций участников проектных команд (вопросы теории) // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 11. С. 4131-4140. DOI: 10.18334/ce.17.11.119601 EDN: ZHDHJL
13. Шебураков И.Б. Базовая модель компетенций руководителей органов публичной власти: обоснование применения // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 1(21). С. 72-112. EDN: HDTOFK
14. Шебураков И.Б., Баркова Ю.К., Воробьева О.А. Рейтинг управленческого потенциала субъектов РФ как инструмент управления качеством кадрового состава // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 3. С. 5-20. EDN: ZPHMBY
15. Calero López I., Rodríguez-López B. The relevance of transversal competences in vocational education and training: a bibliometric analysis // Empirical Research in Vocational Education and Training. 2020. Vol. 12. № 12. URL: <https://link.springer.com/article/> (дата обращения 30.09.2025). DOI: 10.1186/s40461-020-00100-0 EDN: UWSMSW
16. Déak G.O. The development of cognitive flexibility and language abilities // Advances in Child Development and Behavior. 2004. № 31. P. 271-327. URL: https://www.researchgate.net/publication/9063158_The_Development_of_Cognitive_Flexibility_and_Language_Abilities (дата обращения: 01.02.2026). DOI: 10.1016/s0065-2407(03)31007-9
17. Guerra-Macias Y., Tobon S. Development of transversal skills in higher education programs in conjunction with online learning: relationship between learning strategies, project-based pedagogical practices, e-learning platforms, and academic performance // Heliyon. 2024. N 11(2). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39897793/> (дата обращения: 30.09.2025). DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41099 EDN: IWLYXC
18. Heinonen S., Hiltunen E. Creative Foresight Space and the Futures Windows: Using visual weak signals to enhance anticipation and innovation // Futures. 2012. N 44(3). P. 248-256. URL: https://www.researchgate.net/publication/251724958_Creative_Foresight_Space_and_the_Futures_Window_Using_visual_weak_signals_to_enhance_anticipation_and_innovation (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.1016/j.futures.2011.10.007 EDN: UCGAAV
19. Moore B.N., Parker R. Critical thinking. 4th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2021. 497 p.
20. Suteja S., Setiawan D. Students' Critical Thinking and Writing Skills in ProjectBased Learning // International Journal of Educational Qualitative Quantitative Research. 2022. N 1. P. 16-22. URL: https://www.researchgate.net/publication/365990098_Students'_Critical_Thinking_and_Writing_Skills_in_Project-Based_Learning (дата обращения: 30.01.2026). DOI: 10.58418/ijeqqr.v1i1.5 EDN: CEFUSU

Implementing a competency-based model in future manager training: prospects and opportunities

Kondratenko Evgeniya Nikolaevna

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

e-mail: kondratenko-en@ranepa.ru

Ivanova Lyudmila Leonidovna

PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

e-mail: ivanova-ll@ranepa.ru

Abstract

The article provides a methodological substantiation for the integration of the competency-based approach and comprehensive resource analysis into the training system for managerial personnel in modern Russia. In the context of structural reforms in higher education and technological challenges, the authors highlight the necessity of transitioning from a traditional qualification-based model to a system for developing key competencies. Particular attention is paid to the methodology of comprehensive resource analysis developed at the Faculty of Evaluation and Development of Managerial Human Resources of the Graduate School of Public Management at the Presidential Academy. This methodology enables the integral diagnostics of future managers' personal potential through their resource component. It is shown that comprehensive resource analysis serves as a core tool, ensuring a transition from assessing managers' knowledge to evaluating their ability to mobilize and apply personal resources in professional activities.

Keywords

• competency-based approach • comprehensive resource analysis • managerial competencies • leadership development • personnel competitions • development areas •

References:

1. Belko I.V. Competence portrait of a modern leader as a necessary element of career development // Theory and practice of social development. 2025. N 2. P. 152-159. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.20 EDN: SKIDLL

2. Goncharov G.A., Chetverikov V.M. The competence approach as the basis for the formation of innovative leadership in an organization // *Managerial accounting*. 2025. N 8. P. 61-68. EDN: ASDPGO
3. Diagnostics and professional development of public service management personnel: methodology and technologies: a collective monograph / [Yu. K. Barkova et al.]; under total. scientific ed. by Yu. V. Sinyagin. Moscow: Publishing House «Delo» RANHiGS, 2021. 354 p.
4. The model of key competencies of managers and specialists of public authorities: research and justification of application / O.Y. Pereverzina [et al.]; Presidential Academy; Higher School of Economics RANHiGS; FOiR Higher School of Economics RANHiGS. Moscow: 2023. 81 p.
5. Mukhidova O. Formation of transversal competencies is a priority task of higher school teachers / O. Mukhidova // *Society and Innovations*. 2022. N 11/S. P. 394-398. DOI: 10.47689/2181-1415-vol2-iss11/S-pp394-398 EDN: JQTNQR
6. Nabieva Yu.A. Development of managerial competencies through corporate training // *Modern professional education*. 2024. N 6. P. 108-111. EDN: ZZIYYS
7. Serezhnikova R. K., Bekshaev I. A. Transversal competencies in the context of the formation of the professional identity of future teachers // *Bulletin of the State University of Humanities and Technology*. 2025. N 3. P. 153-159. EDN: IGYXEF
8. Sinyagin Yu.V. Man in control systems // *The world of psychology*. 2020. N 4(104). P. 186-187. DOI: 10.51944/2073-8528_2020_4_186 EDN: FSBVSP
9. Sinyagin Yu.V., Sinyagina N.Y., Barkova Yu.K. Personal and professional development and career growth management: assessment and motivation technologies // *Personality education*. 2018. N 2. P. 36-45. EDN: UWXFKQ
10. Sinyagin Yu.V., Pereverzina O.Y. Contextual paradigm in the assessment of personal and professional resources of managers // *Acmeology*. 2015. N 2. P. 149-157. EDN: TTYFXT
11. Slyusareva T.G., Milovanova E.N. Modern trends in personnel policy in local authorities // *Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute»*. 2025. N 2. P. 115-118. EDN: GRNWEV
12. Stepanov A.A., Savina M.V., Antonova L.I. Formation of transfessional competencies of project team members (theory issues) // *Creative Economics*. 2023. Vol. 17. N 11. P. 4131-4140. DOI: 10.18334/ce.17.11.119601 EDN: ZHDHJL
13. Sheburakov I.B. Basic model of competencies of heads of public authorities: justification of application // *Personality: resources and potential*. 2024. N 1(21). P. 72-112. EDN: HDTOFK
14. Sheburakov I.B., Barkova Yu.K., Vorobyeva O.A. Rating of the managerial potential of the subjects of the Russian Federation as a tool for personnel quality management // *Management issues*. 2025. Vol. 19. N 3. P. 5-20. EDN: ZPHMBY
15. Calero López, I., Rodríguez-López, B. The relevance of transversal competences in vocational education and training: a bibliometric analysis // *Empirical Res Voc Ed Train* 2020. Vol. 12. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40461-020-00100-0#citeas> (accessed 30.09.2025). DOI: 10.1186/s40461-020-00100-0 EDN: UWSMSW
16. Déak G.O. The development of cognitive flexibility and language abilities // *Advances in Child Development and Behavior*. 2004. N 31. P. 271-327. URL: https://www.researchgate.net/publication/9063158_The_Development_of_Cognitive_Flexibility_and_Language_Abilities (accessed 01.02.2026). DOI: 10.1016/s0065-2407(03)31007-9
17. Guerra-Macias Y., Tobon S. Development of transversal skills in higher education programs in conjunction with online learning: relationship between learning strategies, project-based pedagogical practices, e-learning platforms, and academic performance // *Heliyon*. 2024. N 11(2). URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11786650/> (accessed 30.09.2025). DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41099 EDN: IWLYXC

18. Heinonen S., Hiltunen E. Creative Foresight Space and the Futures Windows: Using visual weak signals to enhance anticipation and innovation // *Futures*. 2012. N 44(3). P. 248-256. URL: https://www.researchgate.net/publication/251724958_Creative_Foresight_Space_and_the_Futures_Window_Using_visual_weak_signals_to_enhance_anticipation_and_innovation (accessed 30.01.2026). DOI: 10.1016/j.futures.2011.10.007 EDN: UCGAAV
19. Moore B.N., Parker R. *Critical thinking*. CA: McGraw-Hill Education, 1994. 4th ed. 537 p.
20. Suteja S., Setiawan D. Students' Critical Thinking and Writing Skills in ProjectBased Learning // *International Journal of Educational Qualitative Quantitative Research*. 2022. N 1. P. 16-22. URL: https://www.researchgate.net/publication/365990098_Students'_Critical_Thinking_and_Writing_Skills_in_Project-Based_Learning (accessed 30.01.2026). DOI: 10.58418/ijeqqr.v1i1.5 EDN: CEFUSU

Поступила в редакцию: 04.11.2025

Принята в печать: 03.02.2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДЫДУЩАЯ

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском или английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещёнными на сайте www.journal-foir.ru;
- статья должна соответствовать профилю журнала;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Подробная информация о требованиях к оформлению статей и тезисов размещена на сайте издания www.journal-foir.ru

Материалы журнала размещаются на сайте www.journal-foir.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (eLIBRARY.RU).

При цитировании ссылка на журнал «Личность: ресурсы и потенциал» обязательна.

Над номером работали:

Ответственный секретарь: З.М. Гояева
 Компьютерная вёрстка: С.А. Корчак
 Администрирование сайта: С.А. Корчак

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИЧНОСТЬ:

РЕСУРСЫ И ПОТЕНЦИАЛ

ПОСМОТРЕТЬ
ВСЕ ВЫПУСКИ
ЖУРНАЛА

journal-foir.ru

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ

ВШГУ
Высшая школа
государственного
управления

ФОИР
ВШГУ РАНХиГС

ФАКУЛЬТЕТ
ОЦЕНКИ И РАЗВИТИЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
КАДРОВ